

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

Регионология

Том 32, № 3. 2024 (июль – сентябрь)

Сквозной номер выпуска – 128

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 32, no. 3. 2024 (July – September)

Continuous issue 128

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

Регионология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index* on the Web of Science platform, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, maeva_iv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fnn.unn.ru (Нижегород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, nirregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

И. Н. Васильева, Р. С. Богатова, Т. П. Реброва. Развитие научной дипломатии в регионе MENA: приоритеты и перспективы сотрудничества с Россией на примере Саудовской Аравии, Египта и Объединенных Арабских Эмиратов 402

О. В. Бахлова, И. В. Бахлов. Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания 426

Политическая социология

Г. Д. Гриценко. Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы 446

А. В. Соколов, А. А. Фролов. Практики низовой гражданской активности в Ярославской области: проблемы и результаты реализации 463

Региональная и отраслевая экономика

С. В. Дорошенко, Р. И. Васильева. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг. 484

Е. Г. Леонидова. Развитие перспективных экономических специализаций как условие роста региональной экономики 504

М. С. Оборин, Н. В. Новикова, Е. Ю. Виноградова. Перспективные направления экономического развития сельских территорий: кейс Республики Крым 523

Социальная структура, социальные институты и процессы

Н. Г. Чевтаева, А. С. Ваторопин, О. В. Гущин, С. А. Ваторопин. Риски «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций: оценка настроений регионального делового сообщества 543

Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова. Состояние и возможности укрепления трудового потенциала России (на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.) 563

М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. С. Киенко. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) 584

Информация для авторов и читателей 602

CONTENTS**Political Institutions, Processes, Technologies**

I. N. Vasilieva, R. S. Bogatova, T. P. Rebrova. Development of Science Diplomacy in the MENA Region: Priorities and Prospects for Cooperation with Russia on the Example of Saudi Arabia, Egypt and the United Arab Emirates 402

O. V. Bakhlova, I. V. Bakhlov. Formation of a Unified Educational Space of the Union State from the Perspective of the Policy of Patriotic Education 426

Political Sociology

G. D. Gritsenko. Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects 446

A. V. Sokolov, A. A. Frolov. Practices of Grassroots Civic Activity in the Yaroslavl Region: Problems and Results of Implementation 463

Regional and Sectoral Economics

S. V. Doroshenko, R. I. Vasilyeva. Spatial Estimation of Regional Economic Growth Heterogeneity During 2014–2021 484

E. G. Leonidova. Development of Prospective Economic Specializations as a Condition for Regional Economic Growth 504

M. S. Oborin, N. V. Novikova, E. Yu. Vinogradova. Promising Directions of Economic Development of Rural Areas: The Case of the Republic of Crimea 523

Social Structure, Social Institutions and Processes

N. G. Chevtaeva, A. S. Vatoropin, O. V. Gushchin, S. A. Vatoropin. Risks of “Social Legitimacy” of Corruption under Sanctions: Assessment of the Sentiments of the Regional Business Community 543

L. N. Lipatova, V. N. Gradusova. State and Possibilities of Strengthening the Labor Potential of Russia (Based on the All-Russian Population Census 2020) 563

M. V. Pevnaya, E. A. Shuklina, T. S. Kienko. Levels of Social Participation among Silver-Age Citizens and Factors of its Activation in the Region of Russia (Case of the Sverdlovsk Region) 584

Information for Authors and Readers of the Journal 602

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.402-425

УДК 327.8(470+571)(5-15)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Развитие научной дипломатии в регионе MENA: приоритеты и перспективы сотрудничества с Россией на примере Саудовской Аравии, Египта и Объединенных Арабских Эмиратов

И. Н. Васильева ✉

Р. С. Богатова

Т. П. Реброва

*Российский научно-исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ vasilyeva128@mail.ru*

Аннотация

Введение. Развитие научной дипломатии направлено на продвижение интересов государства на международной арене. Россия стремится к укреплению сотрудничества в области научно-технического и гуманитарного обмена с Саудовской Аравией, Египтом и Объединенными Арабскими Эмиратами в рамках региона MENA. Эти страны представляют интерес для России в связи с уже существующими формами сотрудничества. Цель исследования – представить модели научной дипломатии с учетом научной организации этих стран и определить перспективы сотрудничества с Россией.

Материалы и методы. При анализе использовались данные открытых источников, отчетов Росстата, доклады по науке ЮНЕСКО, базы данных Всемирного банка. Проведен анализ развития международного научно-технического сотрудничества трех стран исследуемого региона. С помощью описательного метода представлены основные участники научной дипломатии и наглядно отображены модели научной дипломатии в рассматриваемых странах. Разработаны модели развития научной дипломатии Саудовской Аравии, Египта и ОАЭ, что позволяет определить приоритеты и перспективы сотрудничества России с данными странами в условиях геополитического кризиса.

Результаты исследования. Выявлены потенциальные партнеры России в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и Египте в области международного научно-технического сотрудничества. Перспективы сотрудничества с этими странами закреплены в соглашениях с Россией. Изучена политика данных стран в области международного научно-технического сотрудничества, рассмотрены стратегические направления развития научной дипломатии. Выделены ключевые стратегии и приоритеты для стимулирования роста научно-технического и гуманитарного сотрудничества и обмена знаниями между странами MENA и Россией.

© Васильева И. Н., Богатова Р. С., Реброва Т. П., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование показало, что в рассматриваемых странах арабского региона наблюдается активное развитие научной дипломатии. Правительства этих стран все чаще обращаются к науке для решения политических проблем. Ценность данного исследования заключается в подготовке обширной аналитической базы, которая помогает выявить потенциальных партнеров для России среди стран MENA, а также определить ключевые стратегии и направления для стимулирования роста сотрудничества и обмена знаниями.

Ключевые слова: модель научной дипломатии, международное научно-техническое сотрудничество, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, научный проект, научная организация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Васильева И. Н., Богатова Р. С., Реброва Т. П. Развитие научной дипломатии в регионе MENA: приоритеты и перспективы сотрудничества с Россией на примере Саудовской Аравии, Египта и Объединенных Арабских Эмиратов // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 402–425. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.402-425>

Development of Science Diplomacy in the MENA Region: Priorities and Prospects for Cooperation with Russia on the Example of Saudi Arabia, Egypt and the United Arab Emirates

I. N. Vasilieva ✉, R. S. Bogatova, T. P. Rebrova
Russian Research Institute of Economics, Politics
and Law in Science and Technology
(Moscow, Russian Federation)
✉ vasilyeva128@mail.ru

Abstract

Introduction. The development of science diplomacy is aimed at promotion of a state's interests in the international arena. Russia is striving to strengthen cooperation in the field of scientific and technological development, humanitarian exchange with such MENA countries as Saudi Arabia, Egypt and the United Arab Emirates. These countries are of significant interest to Russia due to the long-standing forms of cooperation with them. The main purpose of this study is to identify science diplomacy actors, visually present them taking into consideration the process of science development in these countries and determine prospects of cooperation with Russia.

Materials and Methods. In their study, the authors used data from open sources, Russian Federal State Statistics Service reports, UNESCO Science reports, World Bank database. The analysis of development of international science and technology cooperation in the three MENA countries was carried out. The authors used the descriptive method to present the main actors of science diplomacy and visually provide the science diplomacy systems. The developed models of science diplomacy of Saudi Arabia, Egypt and the United Arab Emirates enable Russia to identify the priorities in the field of science diplomacy in the context of geopolitical challenges.

Results. The study identified the potential partners of Russia in Saudi Arabia, the United Arab Emirates and Egypt to strengthen international science and technology cooperation. The prospects for cooperation with these countries are fixed in the mutual agreements with Russia. The authors studied the policy of these countries in the field of international scientific and technical cooperation, considered strategic directions for the development of science diplomacy. The created models of science diplomacy reflect the main actors of science diplomacy, as well as the current interrelationship between the three MENA countries and Russia in the field of science and technology. The value of this research lies in the preparation of an extensive analytical base that helps to identify potential partners for Russia among the MENA countries, as well as identify key strategies and directions to stimulate the growth of cooperation and knowledge exchange.

Discussion and Conclusion. The research has shown that in the studied Arab countries, there is an active development of scientific diplomacy. The governments of these countries are increasingly turning to science to solve political problems. The MENA region has extensive resources and scientific potential, which makes it attractive for scientific cooperation. The analysis of cooperation with these countries made it possible to identify key strategies and priorities to stimulate the growth of cooperation and knowledge exchange between the MENA countries and Russia.

Keywords: science diplomacy model, international science and technology cooperation, Egypt, United Arab Emirates, Saudi Arabia, scientific project, scientific organizations

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Vasilieva I.N., Bogatova R.S., Rebrova T.P. Development of Science Diplomacy in the MENA Region: Priorities and Prospects for Cooperation with Russia on the Example of Saudi Arabia, Egypt and the United Arab Emirates. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):402–425. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.402-425>

Введение. Одним из важнейших инструментов, используемых в международных отношениях, для достижения внешнеполитических целей является научная дипломатия.

Концепция научной дипломатии в ее современном понимании была представлена в 2009 г. в Лондоне на конференции, организованной Королевским обществом и Американской ассоциацией содействия развитию науки (AAAS)¹. В докладе, опубликованном по итогам конференции, была сделана попытка определить роль науки в выработке политических решений и в дипломатии. Были выделены три ключевых момента, посредством которых наука может влиять на достижения целей внешней политики: через предоставление научной информации представителям правительства, политикам, занимающимся внешнеполитической деятельностью (наука в дипломатии); через содействие международному научному сотрудничеству (дипломатия для науки) и через использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами (наука для дипломатии)² [1].

В международном сообществе часто используется определение Н. Федорофф: «Научная дипломатия – это использование научного сотрудничества между странами для решения общих проблем, стоящих перед человечеством в XXI в., и построения конструктивных международных партнерств в сфере науки» [1].

Концепция международного научного сотрудничества Российской Федерации определяет научную дипломатию как особую форму международного научно-технического сотрудничества, относящуюся к публичной дипломатии, представляющую собой систему взаимодействий ученых, научных коллективов, организаций, выполняющих исследования и разработки, и взаимосвязанную с ней деятельность органов власти, направленную на развитие международных отношений с учетом интересов Российской Федерации³. Для России в качестве одного из приоритетных направлений взаимодействия с Египтом, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами (далее – ОАЭ) можно выделить дальнейшее укрепление международного научно-технического и гуманитарного сотрудничества.

Наука сама по себе не может решить вопросы национальной и продовольственной безопасности, инновационного развития экономики и другие проблемы,

¹ New Frontiers in Science Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aaas.org/events/new-frontiers-science-diplomacy> (дата обращения: 27.06.2024).

² Report: New Frontiers in Science Diplomacy [Электронный ресурс]. 2010. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

³ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации [Электронный ресурс] : одобрена решением Правительства Рос. Федерации от 8 февр. 2019 г. № ТГ-П8-952. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения: 28.02.2024).

с которыми сталкиваются многие страны, включая рассматриваемые в данной статье Египет, Саудовскую Аравию и ОАЭ. В арабском регионе инструменты научной дипломатии используются для решения сложных региональных проблем, связанных с вопросами здравоохранения, окружающей среды, энергетики, водоснабжения и продовольствия. Эти вопросы, как правило, не решаются на национальном уровне, для их решения требуется международное сотрудничество представителей науки, государственных и политических органов. В свою очередь, развитие научного сотрудничества между арабскими странами способствует укреплению их дипломатических связей и создает базу научных знаний и ресурсов, необходимых для принятия региональных решений этих общих проблем⁴.

Цель исследования – проанализировать национальные модели научной дипломатии Египта, ОАЭ и Саудовской Аравии с учетом организации науки в этих странах и определить приоритеты и перспективы сотрудничества с Российской Федерацией.

Научная дипломатия в арабских странах еще не стала стандартной практикой, применяемой для углубления международных отношений. Часто приводимым примером научной дипломатии в регионе является развитие проекта SESAME (Международный центр по использованию синхротронного излучения в научных экспериментах и прикладных исследованиях на Ближнем Востоке). Это совместный научный проект стран региона, в реализации которого участвовали и ученые, и правительства данных государств. Являясь межправительственным научно-технологическим центром передового опыта, открытым для всех ученых стран Ближнего Востока и других стран, SESAME служит движущей силой научного, технического и экономического развития региона и укрепляет научное сотрудничество между странами⁵. Египет участвует в проекте SESAME, а ОАЭ и Россия являются наблюдателями.

Направления научной дипломатии всегда предусматривают продвижение интересов конкретного государства на мировой арене. Исходя из данного принципа, а также роли, которую играют инструменты научной дипломатии во внешней политике государств, мы проанализировали перспективные направления взаимодействия по международному научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству России со странами Ближнего Востока и Северной Африки.

Обзор литературы. Теоретической основой научной дипломатии является обзор основных концепций и подходов к данной научной проблеме. Отечественные исследователи, говоря о механизмах развития научной дипломатии, подчеркивают, что она «является одним из ключевых инструментов развития международного научно-технического сотрудничества»⁶. Изучение различных аспектов научной дипломатии имеет важное значение, так как позволяет определить ключевые принципы и цели научной дипломатии, выявить роль

⁴Dohjoka N., Campbell C. A., Hill B. Science Diplomacy in Arab Countries: The Need for a Paradigm Shift, Science and Diplomacy [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/article/2017/science-diplomacy-in-arab-countries-need-for-paradigm-shift> (дата обращения: 28.02.2024).

⁵Сайт SESAME. What is SESAME? URL: <https://www.sesame.org.jo/about-us/what-is-sesame> (дата обращения: 13.06.2024).

⁶Развитие механизма научной дипломатии в Российской Федерации // А. А. Сёмин [и др.]. М.: РИЭПП, 2020.

научной дипломатии в международных отношениях⁷. Однако, как отмечает М. Крынжина, «не уделяется достаточного внимания осмыслению того, как сами участники и особенно организаторы международного сотрудничества в сфере науки понимают феномен научной дипломатии» [2]. Так, коллектив авторов во главе с И. Е. Ильиной в своей статье подчеркивают, что «научная дипломатия, как и международное научно-техническое сотрудничество, используется для создания конструктивных международных партнерств и сопровождает разные научные области знаний. Она отражает интересы конкретного государства и этим отличается от международного научного сотрудничества» [3].

Научная дипломатия – это международный, междисциплинарный и инклюзивный процесс, который включает в себя интеграцию национальных и глобальных интересов. В развивающихся странах, к которым относятся рассматриваемые арабские страны, научная дипломатия «связана с двумя основными направлениями деятельности – образованием и научными исследованиями, в то время как большинство развитых государств в своей деятельности опирается на такое третье направление, как лидерство в международных научных отношениях» [4].

В новой Концепции внешней политики России важное значение отводится укреплению отношений со странами исламского мира. Россия «намерена уделять приоритетное внимание формированию на Ближнем Востоке и в Северной Африке устойчивой всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности и сотрудничества на основе объединения потенциала всех государств и межгосударственных объединений»⁸.

Ближний Восток для России всегда имел приоритетное значение в ее внешнеполитической деятельности, которое в наши дни «превращается в одно из ключевых направлений внешней политики современной России» [5].

В связи с возросшей необходимостью переориентации на Восток Россия стремится укрепить диалог со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Среди ключевых партнеров в данном регионе выделяются Саудовская Аравия, Египет и Объединенные Арабские Эмираты. В этом плане особый интерес представляет статья Г. Л. Гукасяна. Являясь самыми крупными экономиками арабского региона, Саудовская Аравия и ОАЭ оказывают едва ли не решающее воздействие на состояние рынка нефти и объемы поставок. Эти страны, наряду с Россией, имеют важную роль в регулировании объемов поставок в рамках соглашения ОПЕК+ [6].

Как отмечает О. А. Колобов, «активизация современной российской политики на Ближнем Востоке могла бы существенно изменить обстановку в регионе»; необходимо уделить всеобщее внимание «всесторонней поддержке тех сил, которые способны установить долгосрочные связи геополитического, экономического, культурного назначения со всеми умеренными ближневосточными представителями делового сообщества, а также многими государственными

⁷Васильева И. Н. Научная дипломатия и ее роль в развитии международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации // Кластеризация цифровой экономики: глобальные вызовы : сб. тр. нац. науч.-практ. конф. с зарубежным участием: В 2 т. Т. 1. СПб. : Политех-Пресс, 2020. С. 330–339.

⁸Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/de-tail-material-page/1860586/> (дата обращения: 29.02.2024).

образованиями и политическими организациями, позитивно настроенными по отношению к России» [7].

Россия в состоянии оказать помощь арабским странам в технологическом прорыве с использованием ядерных технологий, в то время как арабские страны заинтересованы в сотрудничестве и уже делают конкретные шаги в этом направлении. Ярким примером является строительство первой в Египте АЭС «Эль-Дабаа» в соответствии с Соглашением между Правительствами Российской Федерации и Арабской Республикой Египет⁹.

Одним из возможных направлений сотрудничества могла бы стать также разработка и использование информационной платформы для мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока, Средиземноморья, а также стран, входящих в международные организации, такие как ЕАЭС, БРИКС, ШОС и ОПЕК+, на территории Российской Федерации [8].

Авторы доклада «Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика» отмечают, что «на Ближнем Востоке происходит возрастание роли несиловых инструментов в отношениях между региональными игроками». Так, например, «Саудовская Аравия за последние годы скорректировала некоторые подходы во внешней политике. Эр-Рияд все больше обращается к дипломатическим методам достижения внешнеполитических целей»¹⁰.

Научная дипломатия в регионе MENA представлена деятельностью различных международных, региональных и локальных организаций [9].

Усилиями регионального отделения Всемирной академии наук по развитию науки в развивающихся странах (TWAS – AREP) и библиотеки Александрины в Египте в октябре 2023 г. был организован семинар по научной дипломатии с целью предоставления знаний для активизации научной дипломатии, а также для информирования участников о ее важности для развития науки и расширения сотрудничества между арабскими странами¹¹. Б. Хишман в преддверии семинара приводил слова ученого микробиолога из Каирского университета доктора Т. Кабия о существующих проблемах, которые необходимо преодолеть для развития научно-технического сотрудничества. Среди названных проблем – отсутствие достаточного финансирования, четких стратегий научных исследований, слабое качество исследований, слабая координация сотрудничества между странами и учреждениями, а также отсутствие интереса к научной дипломатии и ее развитию. Исследователи намерены активизировать роль научной дипломатии в развитии научной деятельности стран¹².

⁹Соглашение о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации атомной электростанции на территории Арабской Республики Египет [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420328070> (дата обращения: 29.02.2024); Научно-технологический потенциал современной Африки. Коллектив. моногр. М. : ИАФР РАН, 2022. 298 с.

¹⁰Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика: доклад № 91 / 2023 / А. В. Картунов [и др.] ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. 84 с.

¹¹TWAS – AREP. Regional Workshop on Science Diplomacy for the Arab Region : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://twas-arep-sd.bibalex.org/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹²[Хишам Б. Арабские ученые и исследователи говорят о реальности научной дипломатии в арабском мире] [Электронный ресурс] // Aljazeera : сайт. 2023. 31 July. URL: <https://www.aljazeera.net/science/2023/7/31/عقاون-عن-نوذجت-ي-بر-ع-نوذجت-ابو-ءاملع> (дата обращения: 14.06.2024).

сообщества во всех его формах, как одного из важнейших руководящих принципов для достижения устойчивого развития»¹⁷.

Россия активно развивает сотрудничество в рамках БРИКС и выступает за укрепление этой организации, в том числе в части расширения кооперации в науке, технологиях, здравоохранении и экологии. В условиях геополитических вызовов совместная работа в рамках БРИКС становится еще более актуальной для обеспечения стабильности и развития в мире. На саммите в ЮАР в августе 2023 г. было принято решение расширить организацию, к которой с 1 января 2024 г. официально присоединились Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия¹⁸.

Проведенный обзор литературы показал, что исследование вопросов развития научной дипломатии может способствовать повышению эффективности международного сотрудничества в области науки и технологий, укреплению международных отношений.

Материалы и методы. При подготовке исследования использовались данные из открытых официальных источников: сайты Правительства Российской Федерации и Минобрнауки России и других федеральных органов исполнительной власти; российского научного фонда; российского индекса научного цитирования; новостных и экспертно-аналитических изданий; отчеты Росстата; базы нормативно-правовых актов; российские и международные базы данных; новейшие опубликованные материалы исследований по отдельным направлениям заявленной темы и аналитические работы РИЭПП, отражающие общие аспекты проблемы. В результате обзора научной литературы, описывающей формы организации международного сотрудничества в научно-технической сфере, определены приоритеты и перспективы сотрудничества в научно-технической сфере России с Саудовской Аравией, Египтом и ОАЭ.

При изучении форм организации международного сотрудничества в научно-технической сфере проведен анализ данных о сотрудничестве России с Саудовской Аравией, Египтом и ОАЭ, а также выявлены приоритеты и перспективы данного сотрудничества. Они позволили систематизировать и обобщить информацию из различных источников, проанализировать ее с учетом различных аспектов и выделить ключевые моменты для дальнейшего исследования и представления результатов.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования были идентифицированы основные акторы научной дипломатии, разработаны модели развития научной дипломатии в изучаемых странах и представлена их визуализация.

Саудовская Аравия. Саудовская Аравия – одна из наиболее развитых стран Персидского залива. В мае 2023 г. страна принимала участников 32-го саммита Лиги арабских государств в Джидде, на котором было подчеркнуто, что регион нацелен на мирное сотрудничество и развитие, страны не настроены на превращение

¹⁷ Khaled Zakaria Amin. Egypt 2030: A New Decade Towards Sustainable Development: Egypt [Электронный ресурс] // Human Development Report 2021. P. 289. URL: <https://www.undp.org/egypt/egypt-human-development-report-2021> (дата обращения: 11.06.2024).

¹⁸ Лисоволик Я. «Саммит расширения»: концептуализация формата БРИКС+ // РСМД : сайт. 2023. 19 сент. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-rasshireniya-kontseptualizatsiya-formata-briks/?sphrase_id=132466184 (дата обращения: 28.02.2024).

региона в зону конфликтов. Болезненный опыт региона в прошлых конфликтах привел к упущенным возможностям инновационного развития, лишив государства региона ценных достижений, которые могли бы продвинуть их вперед. Это заявление было сделано до развязки последнего палестино-израильского конфликта, который не способствует мирному научному сотрудничеству стран региона.

Развитие Саудовской Аравии в области науки и технологий проходит в соответствии со стратегическим планом «Видение 2030», который был принят в 2016 г. и нацелен на повышение уровня знаний и технологической компетентности граждан Саудовской Аравии, укрепление экономики, рост промышленности, привлечение инвестиций в научные исследования. Программа «Видение 2030» является стратегическим инструментом научной дипломатии страны, направлена на изменение менталитета страны, снижение ее зависимости от нефти, стимулирование инноваций и противодействие радикальным идеологиям. Также выбранный правительством страны стратегический подход способствует укреплению связей между народами региона, проведению дискуссий, основанных на научных подходах и рациональном решении проблем [11].

В июле 2022 г. правительство страны обнародовало программу приоритетов по исследованиям, разработкам и инновациям на следующие два десятилетия – до 2040 г. Цель программы – намерение Саудовской Аравии стать мировым лидером в области исследований, разработок и инноваций. Планируются ежегодные инвестиции, эквивалентные 2,5 % ВВП к 2040 г., что будет способствовать диверсификации экономики и позволит одновременно создать высокооплачиваемые рабочие места в сфере науки и технологий¹⁹.

Политика Саудовской Аравии в области международного научного сотрудничества заключается в стремлении занять лидерские позиции в научно-технической сфере среди государств своего региона и в мире с помощью инструментов научной дипломатии.

Проведению преобразований в стране способствует концепция научной дипломатии, которая гарантирует, что наука останется независимой от политических влияний и будет охватывать все сферы исследований, образования и практического применения²⁰. Это поможет углубить понимание взаимосвязей между наукой, технологиями и международными отношениями.

Главная цель научной дипломатии в Саудовской Аравии заключается в решении как национальных, так и глобальных проблем. Научная дипломатия в стране «развивается в двух направлениях: дипломатия для науки, которая способствует международному научному сотрудничеству, и наука для дипломатии, при которой научное сотрудничество способствует улучшению международных отношений. Наука для дипломатии может быть эффективно реализована за счет расширения

¹⁹Saudi Crown Prince to prioritize Research, Development, and Innovation to Address Global Challenges [Электронный ресурс]. 2022. 01 July. URL: <https://www.saudiembassy.net/news/saudi-crown-prince-prioritize-research-development-and-innovation-address-global-challenges> (дата обращения: 14.02.2024).

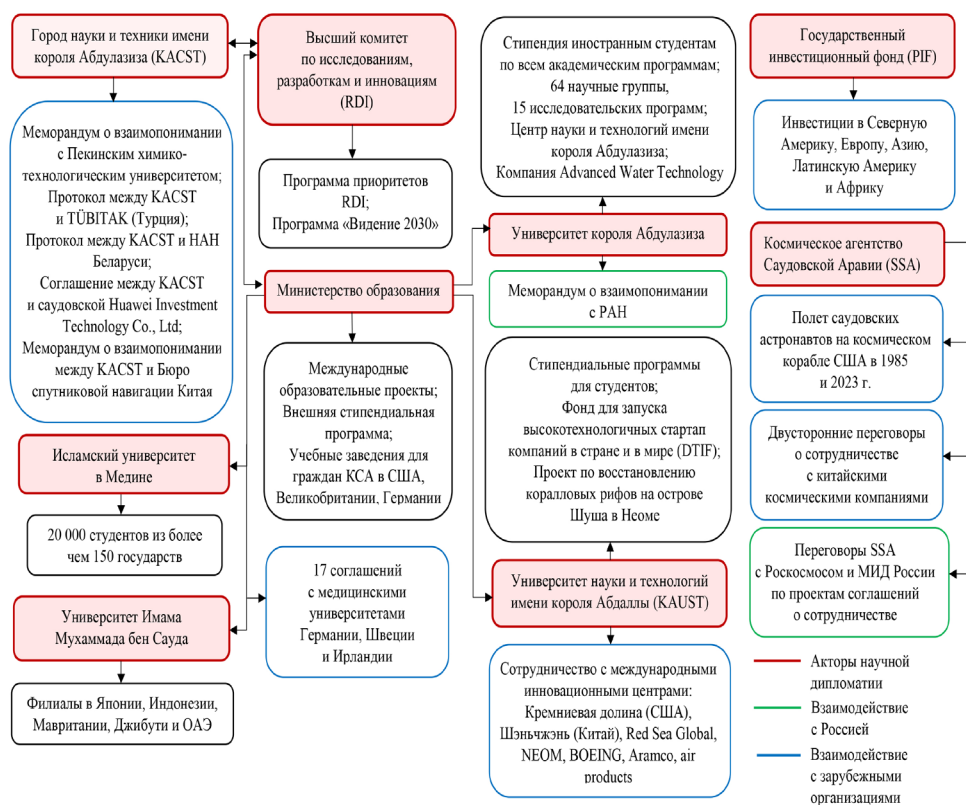
²⁰Saudi's Space Mission Ignites Scientific Advancement, Empowers Women, Promotes Science Diplomacy [Электронный ресурс] // Arab News : сайт. 2023. 31 May. URL: <https://www.arabnews.com/node/2313756/saudi%E2%80%99s-space-mission-ignites-scientific-advancement-empowers-women-promotes-science> (дата обращения: 14.02.2024).

научного сотрудничества, что способствует значительному прогрессу в международных отношениях»²¹. Модель научной дипломатии в Саудовской Аравии представлена на рисунке 1.

Высший комитет по исследованиям, разработкам и инновациям определяет национальные приоритеты Саудовской Аравии в области исследований, разработок и инноваций. Приоритетным направлением для этой организации является сотрудничество в проектах и их соинвестирование совместно с крупными исследовательскими центрами, международными компаниями, некоммерческими организациями, частными компаниями и стартапами.

Город науки и техники им. короля Абдулазиза является национальным научным агентством Саудовской Аравии, координирующим научную деятельность среди научных учреждений страны²².

Р и с. 1. Модель развития научной дипломатии Саудовской Аравии²³

²¹ Saudi's Space Mission Ignites Scientific Advancement...

²² Сайт Международного научного совета [Электронный ресурс]. URL: <https://council.science.ru/member/saudi-arabia-kingdom-of-king-abdulaziz-city-for-science-and-technology-kacst/> (дата обращения: 14.02.2024).

²³ Здесь и далее в статье все рисунки составлены авторами по материалам исследования.

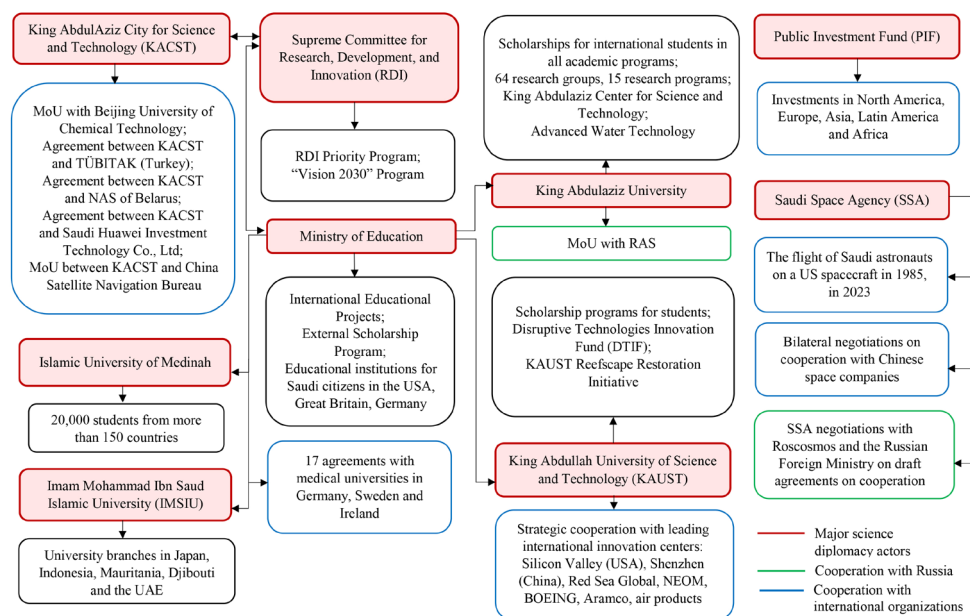

Fig. 1. Saudi Arabia Science Diplomacy Development Model

Среди задач Министерства образования²⁴ можно выделить такие, как повышение эффективности научных исследований, поощрение творчества и инноваций, развитие научных партнерств, предоставление университетского образования иностранным студентам и обучение граждан своей страны за рубежом. Образовательные проекты играют значительную роль во внешнеполитической стратегии Саудовской Аравии, так как обеспечивают формирование лояльной к стране обучения аудитории за рубежом. Образование дает учащемуся возможность не только усвоить объективные знания, но и «научиться анализировать информацию на основе различных мировоззрений с ориентацией на государственную политику» [12]. В стране принята Внешняя стипендиальная программа, которая направлена на достижение комплексного развития в соответствии с «Видением 2030». Министерством подчеркивается, что разнообразие источников получения знаний и расширение партнерских отношений в области науки и профессиональной подготовки являются одной из наиболее важных возможностей для использования международного опыта и экспертных знаний²⁵.

Правительство Саудовской Аравии стремится направить студентов на учебные программы, которые оно считает критически важными для развития экономики страны (инженерия, медицина или информатика). Большинство иностранных студентов в Саудовской Аравии – выходцы из других арабских стран. Саудовская Аравия, являясь страной – хранительницей двух святынь исламской религии, местом паломничества мусульман всего мира, наряду со светским, предлагает

²⁴ Сайт Министерства образования Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moe.gov.sa/en/Pages/default.aspx> (дата обращения: 14.02.2024).

²⁵ Ministry of Education Signed 17 Agreements to Train Saudi Doctors in three Countries [Электронный ресурс]. URL: <https://elck.ru/3CSW7a> (дата обращения: 29.02.2024).

и обучение в известных исламских университетах, таких как Исламский университет в Медине. На сегодняшний день в нем обучаются порядка 18 000 студентов, говорящих на 50 языках мира²⁶.

Университет им. имама Мухаммада бен Сауда в Эр-Рияде предлагает программы по исламскому праву, истории и арабской литературе, программы в области искусств и естественных наук²⁷. Университет им. короля Абдаллы, который является ведущим научным учебным заведением, привлекает партнеров из Саудовской Аравии и других стран для совместной работы в рамках исследовательских проектов. Среди самых важных инициатив университета – крупнейший в мире проект по восстановлению коралловых рифов на острове Шуша в Неоме²⁸. Университет участвует в проекте, направленном на размножение, сохранение и приумножение кораллов, с питомниками, производящими 500 000 фрагментов кораллов в год.

Университет им. короля Абдулазиза предоставляет полностью финансируемую стипендию иностранным студентам по всем академическим программам, включая науку, искусство, гуманитарные науки, бизнес-администрирование, инженерное дело и компьютерную инженерию²⁹.

Государственный инвестиционный фонд³⁰ устанавливает прочные связи с ведущими международными инвесторами и партнерами, управляющими активами, инвестиционными банками и международными брокерскими фирмами, чтобы стать одним из крупнейших инвестиционных институтов в мире.

Космическое агентство Саудовской Аравии было основано в 2018 г.³¹ Ярким примером развития научной дипломатии в Саудовской Аравии является успешная научная миссия саудовских астронавтов в космос. Два арабских астронавта, среди которых первая женщина-астронавт из Саудовской Аравии, провели на МКС 8 дней, выполнив совместно с американскими коллегами 14 научных экспериментов. 11 из них были посвящены микрогравитации и исследовали ее воздействие на мозг и глаза. Кроме того, с целью популяризации науки и образования были разработаны три эксперимента, в которых приняли участие 12 000 учащихся из различных регионов королевства. Данный проект является примером расширения прав и возможностей женщин в научных областях, укрепляет основы научной дипломатии³². Всего на сегодняшний день в Саудовской Аравии три астронавта. Переговоры «Роскосмоса» и Космического

²⁶ Сайт Исламского университета в Медине [Электронный ресурс]. URL: <https://iu.edu.sa/en-us> (дата обращения: 29.02.2024).

²⁷ Сайт Университета Имама Мухаммада бен Сауда [Электронный ресурс]. URL: <https://imamu.edu.sa/en/Pages/default.aspx> (дата обращения: 29.02.2024).

²⁸ Сайт НЕОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.neom.com/en-us/about> (дата обращения: 29.02.2024).

²⁹ Стипендия Университета короля Абдулазиза на 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3CSWkU> (дата обращения: 29.02.2024).

³⁰ Public Investment Fund Program 2021–2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pif.gov.sa/en/Pages/VRP2021-2025.aspx> (дата обращения: 29.02.2024).

³¹ Краткая информация о космическом агентстве [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://www.astronaut.ru/as_saudi/text/main.htm (дата обращения: 29.02.2024).

³² Saudi Astronauts Rayyanah Barnawi, Ali Alqarni back in the Kingdom after Successful Space Mission [Электронный ресурс] // Arab News : сайт. 2023. URL: <https://www.arabnews.com/node/2323086/saudi-arabia> (дата обращения: 29.02.2024).

агентства Саудовской Аравии о возможностях организации полетов саудовских астронавтов на российских космических кораблях ведутся с 2018 г., однако на сегодняшний день нет договоренностей о таком сотрудничестве.

В основном отдельные университеты России выступают инициаторами развития научного сотрудничества с исследователями из Саудовской Аравии. Так, в июне 2023 г. состоялась первая бизнес-миссия «Made in Russia + ИННОПРОМ» в Эр-Рияде, которая открыла новые перспективы научного сотрудничества для Сеченовского Университета с партнерами из Саудовской Аравии. Среди ожидаемых результатов – повышение сотрудничества между исследователями из России и Саудовской Аравии, обмен знаниями и повышение квалификации специалистов в области медицинских исследований, дополнительные возможности для проведения клинических испытаний³³.

В сентябре 2003 г. подписан Меморандум о взаимопонимании, который устанавливает прямые связи между Российской академией наук и крупнейшим саудовским научно-техническим центром, Университетом им. короля Абдулазиза, а также Информационно-исследовательским центром при МИД Саудовской Аравии и Институтом астрономии и геофизических исследований Саудовской Аравии³⁴.

Начиная с 2008 г. ведется работа по формированию договорно-правой базы по проектам соглашений о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, о развитии и совместном использовании ГЛОНАСС³⁵. Так, в октябре 2017 г. президентом России и королем Саудовской Аравии было подписано соглашение о сотрудничестве в освоении космоса³⁶.

Египет. За последние годы Египет добился заметных успехов в области науки и техники. Страна инвестировала значительные средства в исследования и разработки, уделяя особое внимание таким областям, как возобновляемые источники энергии, биотехнологии, нанотехнологии и информационные технологии.

В 2019 г. правительство опубликовало Национальную стратегию в области науки, технологий и инноваций на период до 2030 г. Заявленная миссия Стратегии заключается в создании благоприятной среды для развития науки, технологий и инноваций и «атмосферы научной конкуренции, основанной на передовом опыте», с целью способствовать экономическому росту и устойчивому развитию³⁷.

³³ Сеченовский Университет и Национальный институт здравоохранения Саудовской Аравии проработают вопросы взаимодействия в сфере клинических исследований [Электронный ресурс]. 2023. 8 июня. URL: <https://www.sechenov.ru/pressroom/news/sechenovskiy-universitet-i-natsionalnyy-institut-zdravookhraneniya-saudovskoy-aravii-prorabayut-vo/> (дата обращения: 29.02.2024).

³⁴ Политические отношения [Электронный ресурс] // Сайт посольства Российской Федерации в Королевстве Саудовская Аравия. URL: <https://riyadh.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 29.02.2024).

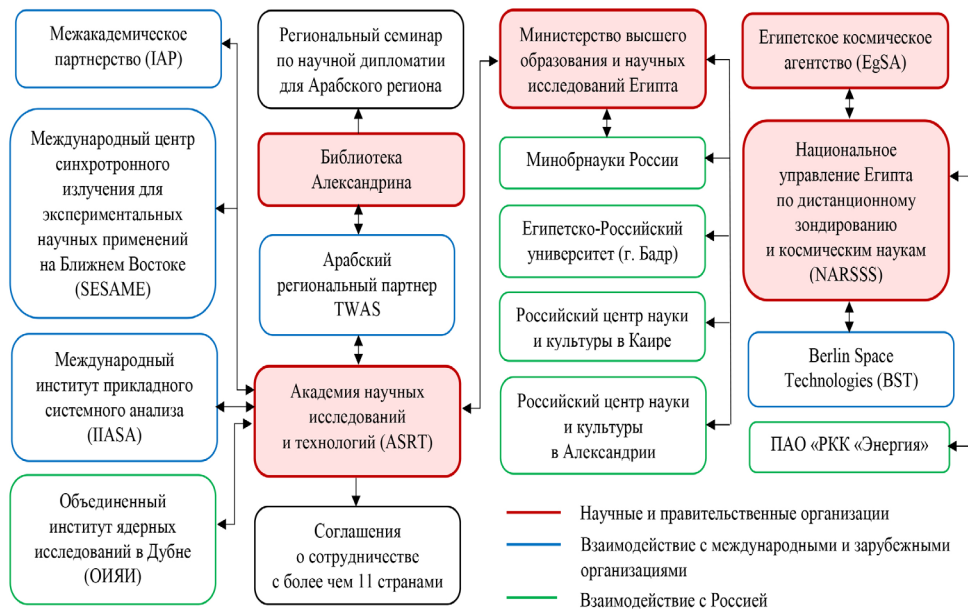
³⁵ Межгосударственные отношения России и Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20150123/1043885412.html> (дата обращения: 29.02.2024).

³⁶ Saudi Arabia and Russia Deepen Space Cooperation, Agree on Joint Space Exploration Projects [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://spacewatch.global/2017/10/saudi-arabia-russia-deepen-space-cooperation-agree-joint-space-exploration-projects/> (дата обращения: 29.02.2024).

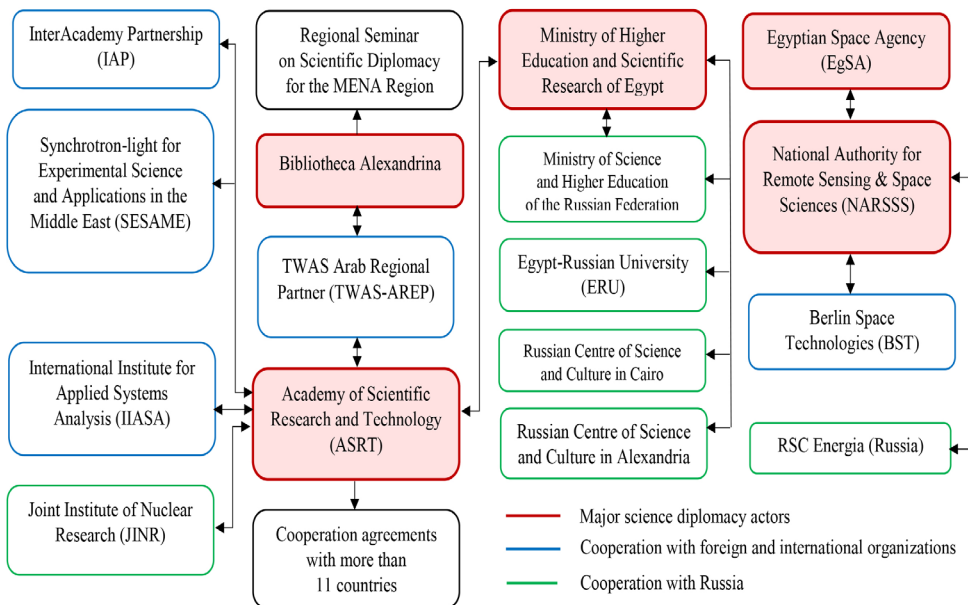
³⁷ National Strategy for Science, Technology and Innovation 2030 [Электронный ресурс]. URL: https://mohe.gov.sa/en-us/Documents/sr_strategy.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

Концепция научной дипломатии Египта в последние годы набирает обороты благодаря ее потенциалу помогать в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, пандемии, продовольственная безопасность, энергетическая безопасность, водная безопасность и сохранение биоразнообразия. Наиболее активные акторы научной дипломатии Египта представлены на рисунке 2.

Р и с. 2. Модель развития научной дипломатии Египта

F i g. 2. Egypt Science Diplomacy Development Model

Одним из эффективных акторов научной дипломатии в Египте считается Академия научных исследований и технологий³⁸ (ASRT), которая также является Национальным аналитическим центром Египта и центром экспертных знаний во многих областях. ASRT отвечает за стратегическое планирование, составление технологических дорожных карт и будущих исследований, а также за предоставление необходимых научных консультаций правительству и лицам, принимающим решения относительно проблем науки и техники как в Египте, так и во всем мире.

Понимая, что глобальные вызовы не могут быть решены одной страной, ASRT заключила двусторонние и многосторонние соглашения о сотрудничестве с аналогичными структурами и международными организациями, в том числе и с Россией. Академия является членом Объединенного института ядерных исследований (далее – ОИЯИ) и Международного центра по использованию синхротронного излучения в научных экспериментах и прикладных исследованиях на Ближнем Востоке (SESAME).

Примечательно, что Египет, представленный Академией научных исследований и технологий, является единственной страной региона MENA, которая является членом трех международных научных организаций: Международного института прикладных системных анализов (МИПСА) (Египет и Израиль), ОИЯИ (Египет) и SESAME (Египет, Израиль, Палестина и Иордания).

Примером успешного развития научной дипломатии в Египте является международное научное сотрудничество Египта с МИПСА. В рамках своих исследовательских программ и инициатив институт проводит масштабные исследования, которые слишком сложны для решения в рамках одной страны или академической дисциплины.

ASRT является официальным представителем Египта в SESAME с момента его открытия в 2004 г. Президенты ASRT несколько раз избирались вице-президентами совета SESAME. С момента основания SESAME исполнительным директором этой организации является гражданин Египта. Операционные лучевые линии управляются египетскими учеными, а также ASRT оказывает им поддержку в посещении мероприятий SESAME и проведении экспериментов.

Вступление Египта в ОИЯИ в Дубне является еще одним доказательством того, что научная дипломатия играет важную роль в развитии науки и научных взаимодействий и коллабораций. В этом контексте ASRT в 2009 г. подписала соглашение с ОИЯИ. Его главная цель – повышение научно-технического сотрудничества между странами путем реализации совместных научных проектов, исследовательские визиты ученых и специалистов, семинары и практикумы, помимо установления контактов для развития мирового уровня коммуникации в области атомной энергетики.

Благодаря подписанию соглашения на правительственном уровне между Арабской Республикой Египет и ОИЯИ появилась возможность постоянной программы сотрудничества с Египтом в рамках утвержденных совместных научных проектов. На площадке института осуществляются 10 совместных проектов.

³⁸ Академия научных исследований и технологий [Электронный ресурс]. URL: www.asrt.sci.eg (дата обращения: 29.02.2024).

В ОИЯИ физиками Египта в последнее время защищено 7 диссертаций, также налажено сотрудничество с 14 научными организациями Египта³⁹.

Приверженность Египта научной дипломатии подтверждается также его участием в различных международных форумах (например, Всемирном научном форуме). Посредством инициатив и участия в международных форумах Египет демонстрирует свою приверженность использованию науки в дипломатических целях.

Примером успешного развития научной дипломатии между Египтом, Россией и Беларусью является сотрудничество в космической сфере. Так, 21 февраля 2019 г. был осуществлен успешный вывод на орбиту египетского космического аппарата дистанционного зондирования Земли EGYPTSAT-A, созданного по заказу Национального управления Египта по дистанционному зондированию и космическим наукам российской ПАО РКК «Энергия» при участии ОАО «Пеленг» и НИРУП «Геоинформационные системы» (Беларусь)⁴⁰.

Обращает на себя внимание укрепление межвузовского сотрудничества наших стран. В настоящее время действуют 78 соглашений и меморандумов о сотрудничестве в области обмена студентами и преподавателями и проведении совместных научных исследований. По данным Минобрнауки России, в российских высших учебных заведениях обучаются более 15 тыс. египтян. В ноябре 1999 г. в Москве был учрежден Центр египтологических исследований РАН, в 2000 г. в Каире было создано его структурное подразделение. В г. Бадр действует Египетско-Российский университет, первый выпуск которого состоялся в 2011 г. В 2014 г. подписано Соглашение о сотрудничестве с Российским государственным гуманитарным университетом. На территории Египта функционируют два представительства Россотрудничества: Российские центры науки и культуры в Каире и Александрии. В июле 2023 г. в Египте состоялась церемония подписания учредительных документов о создании филиала Санкт-Петербургского государственного университета в Каире, в сентябре этого же года стартовал образовательный процесс⁴¹.

Объединенные Арабские Эмираты. ОАЭ являются членом большинства крупных межправительственных организаций, включая Организацию исламского сотрудничества, Организацию Объединенных Наций, Лигу арабских государств, ОПЕК, Движение неприсоединения и Совет сотрудничества стран Персидского залива.

Одним из основных стратегических инструментов научной дипломатии страны является программа «Мы – Видение ОАЭ 2031». Ведущие направления программы распределены по четырем национальным приоритетам, которые охватывают все области, включая общество, экономику, дипломатию и экосистему⁴².

³⁹ Арабская Республика Египет. Общая информация о сотрудничестве [Электронный ресурс] // ОИЯИ : сайт. URL: http://www.jinr.ru/posts/map_maps/egipet/ (дата обращения: 28.02.2024).

⁴⁰ Спутник EgyptSat-A [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://innoter.com/sputniki/egyptsat-a/>; О российско-египетских отношениях [Электронный ресурс]. 2023. 19 окт. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/eg/1858707/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴¹ Российско-египетский вектор высшего образования и науки: страны наращивают сотрудничество [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : сайт. 2023. 20 марта. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/65553/> (дата обращения: 29.02.2024).

⁴² 'We the UAE 2031' vision [Электронный ресурс]. URL: <https://wetheuae.ae/en> (дата обращения: 29.02.2024).

Модель развития научной дипломатии в ОАЭ, представленная на рисунке 3, имеет свои особенности и приоритеты.

Фонд знаний Мохаммеда бен Рашида Аль Мактума (MBRF) создан в 2007 г. и работает под патронажем премьер-министра страны. Совместно с ПРООН фонд проводит саммиты знаний, на которые приглашаются политики, лица, принимающие решения, эксперты, исследователи, ученые и предприниматели для обсуждения роли знаний в осуществлении пятой промышленной революции. Фонд занимается финансированием исследовательских проектов, мероприятий и инициатив в области научно-технологического развития.

Обозначим основные инициативы MBRF:

- форум по проблемам грамотности. Цель – обсудить возможности и проблемы, стоящие перед арабскими странами в деле искоренения неграмотности, в дополнение к предоставлению всеобъемлющей платформы, объединяющей экспертов и заинтересованные стороны для обмена опытом в этой области;
- премия Мохаммеда бен Рашида Аль Мактума в области знаний, которая направлена на поощрение тех, кто работает в научно-технологической сфере;
- проект «Знания», в рамках которого выпущены три доклада, посвященных развитию знаний в арабском регионе, Арабский индекс знаний и Арабский индекс чтения, что впоследствии привело к запуску Глобального индекса знаний в 2017 г.

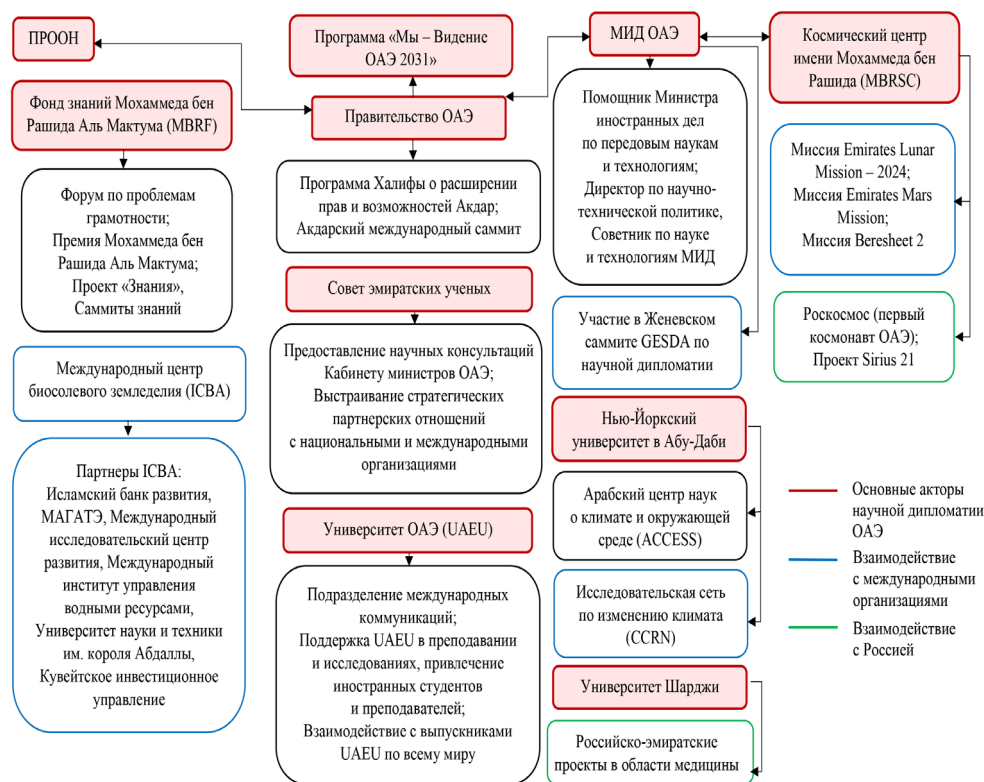

Рис. 3. Модель развития научной дипломатии ОАЭ

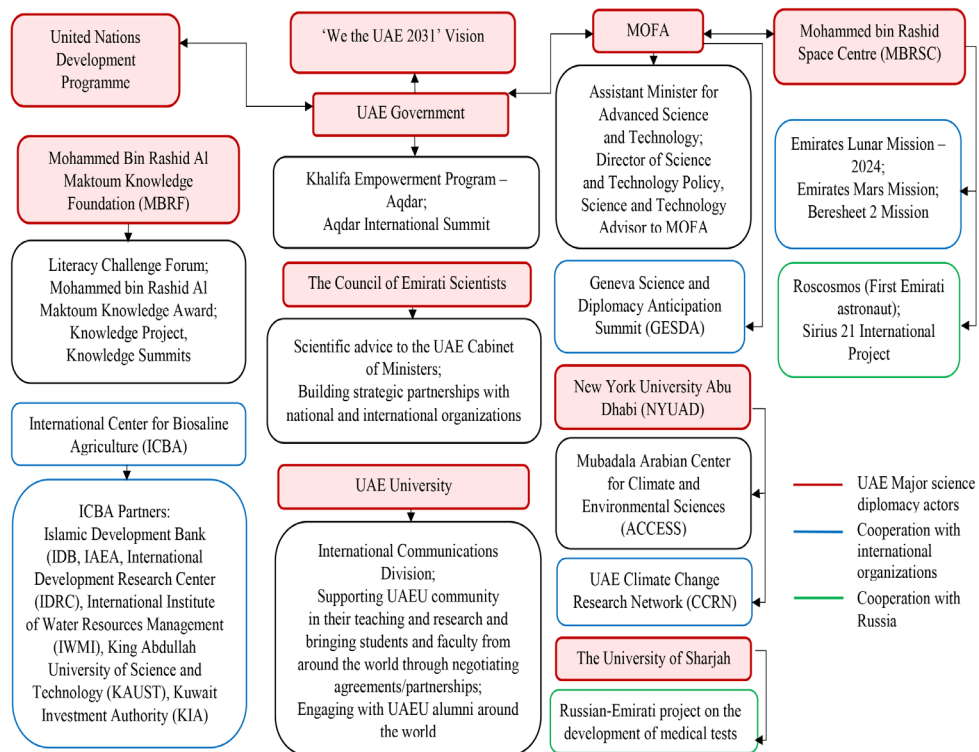

Fig. 3. The UAE Science Diplomacy Development Model

МБРФ и ПРООН организуют «Неделю знаний» в рамках серии мастер-классов и семинаров, ориентированных на политиков, лиц, принимающих решения, студентов, молодежь, профессоров и исследователей. Целью семинаров является развитие диалога и повышение осведомленности о важности знаний и политики, основанной на знаниях, для устойчивого развития.

Ежегодно проводится Акдарский международный саммит, который является платформой для экспертов и профессионалов для обсуждения важных тем, связанных с развитием общества, а также новых инициатив, приносящих пользу сообществам.

Совет эмиратских ученых играет ключевую роль в поддержке усилий правительства в области устойчивого развития. Подразделение международных коммуникаций продвигает университеты ОАЭ, обеспечивает и управляет международным взаимодействием университетов.

Министерство иностранных дел ОАЭ представляет собой связующее звено между руководством ОАЭ и другими странами. Вклад в развитие научной дипломатии вносит Национальный центр космической науки и техники (NSSTC). Его создание было в первую очередь продиктовано желанием ОАЭ усилить свою роль и внести вклад в удовлетворение потребностей страны в области космической науки и космических технологий.

Арабский центр наук о климате и окружающей среде (подразделение Нью-Йоркского университета Абу-Даби) сотрудничает с правительственными учреждениями ОАЭ и общественными заинтересованными сторонами, а его ученые являются частью Исследовательской сети по изменению климата. Международный центр биосолевого земледелия (ИСВА), имея международную команду экспертов, решает важные междисциплинарные задачи. С 2006 г. центром проводились исследования по 63 проектам. Одним из них является проект «Развитие устойчивых систем сельскохозяйственного производства в деградированных районах Каракалпакстана».

Другим успешным примером научной дипломатии являются исследовательские проекты, которые проводятся в Институте Масдар. Являясь ведущим междисциплинарным учреждением ОАЭ в области чистой энергетики, водоснабжения и охраны окружающей среды, Институт Масдар продолжает искать наиболее эффективные и экономичные решения для страны.

ОАЭ изыскивают возможности для исследования космоса, развития технологий спутниковой связи и новейших космических технологий. В стране разработали луноход и делают попытки отправить его на Луну в 2024 г. Эмираты стали первой арабской страной и пятой страной мира, достигшей Марса, и второй страной мира, успешно вышедшей на орбиту Марса с первой попытки.

Сотрудничество ОАЭ и России в области науки, технологий и инноваций в настоящее время заметно активизируется. Между профильными министерствами наших стран с 2014 г. действует Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области высшего образования и науки⁴³, что способствует развитию и укреплению двусторонних отношений, а также открывает горизонты и новые области для научно-технического сотрудничества между двумя странами.

Выстроенные на основании Меморандума механизмы сотрудничества затрагивают стратегически важные области развития ОАЭ: космические исследования, создание передовой образовательной системы и экономики знаний, развитие здравоохранения и медицины.

Для сотрудничества в таких наукоемких областях, как космос, биология, медицина в качестве потенциального партнера для ОАЭ рассматривается Объединенный институт ядерных исследований в Дубне. Для развития совместной деятельности важно подготовить договорно-правовую базу, активизировать работу по разработке проекта межправительственного соглашения о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней⁴⁴.

Сотрудничество между Россией и ОАЭ в области космоса является важным и перспективным направлением, способствующим развитию космической отрасли и научных исследований в обеих странах. Первый космонавт ОАЭ Хазза аль-Мансури прошел обучение в России и отправился в космос в сентябре

⁴³ Россия и Объединенные Арабские Эмираты обсудили развитие сотрудничества в области науки и высшего образования [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : сайт. 2023. 24 янв. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63407/> (дата обращения: 14.02.2024).

⁴⁴ Там же.

2019 г. с космодрома «Байконур» на корабле «Союз МС-15»⁴⁵. Ярким примером развития научной дипломатии является участие эмиратского астронавта Салеха Аль Амери в международном исследовательском эксперименте Sirius 2021, который проводился в Наземном испытательном комплексе Института медико-биологических проблем Российской академии наук. По заявлению Салеха Аль Амери, самым большим достижением этой миссии стало то, что она доказала, что при международном сотрудничестве и участии членов экипажа можно успешно исследовать дальний космос⁴⁶.

Россия и ОАЭ также сотрудничают в области разработки и использования космических технологий. Например, российские компании поставляют оборудование и услуги для космических проектов в ОАЭ, а также участвуют в совместных исследовательских и инженерных работах. Перспективным направлением партнерства с Россией в Космическом центре ОАЭ считают проведение научных экспериментов, призванных помочь человечеству освоить Марс.

Обсуждение и заключение. С помощью разработанных авторами моделей развития научной дипломатии Саудовской Аравии, Египта и Арабских Эмиратов выявлены наиболее важные и приоритетные направления сотрудничества в научно-технической сфере и возможности выстраивания партнерских отношений России с данными странами на основе взаимных интересов.

В ходе исследования авторами изучены национальные приоритеты стран в области научных исследований, разработок и инноваций. Отмечено, что страны имеют стратегии и программы научно-технологического развития, которые можно рассматривать как стратегические инструменты развития научной дипломатии. Стратегические подходы стран в области научно-технологического развития способствуют укреплению связей между государствами региона на основе сотрудничества и обмена опытом, что благоприятно влияет на инновационное развитие и конкурентоспособность на мировой арене. Наиболее важным представляется тот факт, что страны, еще некоторое время назад не пользующиеся в своей политической и дипломатической деятельности инструментами научной дипломатии, в наши дни выработали концепции научной дипломатии. Так, концепция Саудовской Аравии гарантирует независимость науки от политических влияний и охватывает все сферы исследований, образования и практического применения. Концепция Египта помогает в решении таких глобальных проблем, как изменение климата, пандемии, продовольственная безопасность, энергетическая безопасность, водная безопасность и сохранение биоразнообразия. Достижению целей устойчивого развития ОАЭ также способствуют усилия государственных, научных и образовательных организаций в области международного научно-технического сотрудничества.

⁴⁵ Ученый рассказал о сотрудничестве ОАЭ и России в программах освоения Марса [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2023. 4 мар. URL: <https://ria.ru/20230304/mars-1855868325.html> (дата обращения: 11.06.2024).

⁴⁶ Webster N. Emirati Astronaut Emerges from Russian Isolation Pod after 8-month Space Research Mission [Электронный ресурс] // The National. 2022. 3 July. URL: <https://www.thenationalnews.com/uae/uae-in-space/2022/07/03/emirati-emerges-from-russian-isolation-pod-after-8-month-space-research-mission/> (дата обращения: 11.06.2024).

Однако необходимо отметить отсутствие последовательной систематизированной работы в направлении развития научной кооперации России с данными странами. Научное взаимодействие исследователей из Саудовской Аравии и России строится на основе выстраивания партнерских отношений отдельных университетов, примерно на таком же уровне находится научно-техническое сотрудничество России с ОАЭ. Наиболее заинтересованной стороной в налаживании партнерских отношений выглядит Египет, который постепенно укрепляет свое взаимовыгодное партнерство с Россией в таких сферах, как инвестиции, энергетика, сельское хозяйство и промышленное сотрудничество.

Возможно, активизацией международного научно-технического сотрудничества между тремя странами MENA и Россией послужит принятие в России новой Стратегии научно-технологического развития, в которой отдельно выделена необходимость развития научной дипломатии и «определение целей и формата взаимовыгодного и равноправного взаимодействия с конструктивно настроенными иностранными государствами и их объединениями в зависимости от уровня их технологического развития и инновационного потенциала»⁴⁷.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что с помощью разработанных моделей развития научной дипломатии Саудовской Аравии, Египта и Арабских Эмиратов удалось выявить наиболее важные направления сотрудничества в научно-технической сфере и возможности построения партнерских отношений с Россией на основе взаимных интересов. Полученные данные могут служить основой для создания и реализации дальнейших проектов совместных исследований и инновационных разработок, способствуя улучшению качества научных и технических достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fedoroff N. V. Science Diplomacy in the 21st Century // Cell. 2009. Vol. 136, issue 1. Pp. 9–11. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2008.12.030>
2. Крынжина М. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 4 (55). С. 193–208. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.12>
3. Модель реализации механизма научной дипломатии: зарубежный и российский опыт / И. Е. Ильина [и др.] // Управление наукой и наукометрия. 2021. Т. 16, № 1. С. 10–46. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-1.10-46>
4. Васильева И. Н., Богатова Р. С., Корнеева Н. Д. Модель научной дипломатии в Алжире и перспективы развития двустороннего научного сотрудничества с Россией // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18, № 4. С. 613–638. URL: <https://sie-journal.ru/model-nauchnoj-diplomatii-v-alzhire-i-perspektivy-razvitiya-dvustoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-s-rossiej> (дата обращения: 28.02.2024).

⁴⁷О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 28 февр. 2024 г. № 145. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?ysclid=lt5vqkj617669205485&index=19> (дата обращения: 29.03.2024).

5. Джаббаринасир Х. Р. Логика эволюции значимости Ближнего Востока в концепциях внешней политики России: контексты и ключевые факторы // Вестник Государственного университета просвещения. Сер.: История и политические науки. 2020. № 2. С. 175–186. URL: <https://www.istpolitmgou.ru/jour/article/view/118> (дата обращения: 28.02.2024).
6. Гукасян Г. Л. Некоторые аспекты позиции Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов в связи со специальной операцией Российской Федерации на Украине // Восточная аналитика. 2022. Т. 13, № 2. С. 95–108. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-02-095-108>
7. Колобов О. А. Современная Российская политика на Ближнем Востоке: стратегические цели и тактические действия // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 83–98. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-83-98>
8. Ильина И. Е., Васильева И. Н., Богатова Р. С. Разработка информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока и Средиземноморья // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 3. С. 180–207. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-180-207>
9. Научная дипломатия как важный инструмент развития международного научного сотрудничества в странах Ближнего Востока и Северной Африки / Д. В. Косяков [и др.] // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 1. С. 181–203. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-1-180-203>
10. Кириченко В. П. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива: история и современность (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 2. С. 67–82. <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.02.06>
11. Калашникова А. В. Египет при Х. Мубараке: освоение новых внешнеполитических пространств // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 11 (154). С. 139–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egipet-pri-h-mubarak-osevoenie-novykh-vneshnepoliticheskikh-prostranstv-1> (дата обращения: 28.02.2024).
12. Маркосян А. А. «Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке? // Via in tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 277–285. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2023-50-1-277-285>

REFERENCES

1. Fedoroff N.V. Science Diplomacy in the 21st Century. *Cell*. 2009;136(1):9–11. <https://doi.org/10.1016/j.cell.2008.12.030>
2. Kryzhina M. Interpretations of Science Diplomacy in Russian Academic Community. *International Trends*. 2018;16(4):193–208. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.12>
3. Ilina I.E., Malenko S.V., Vasileva I.N., Rebrova T.P. The Application of the Science Diplomacy Model: The Russian and International Experience. *Science Governance and Scientometrics*. 2021;16(1):10–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-1.10-46>
4. Vasilyeva I.N., Bogatova R.S., Korneeva N.N. Science Diplomacy Model in Algeria and Prospects for Bilateral Scientific Cooperation with Russia. *Science Governance and Scientometrics*. 2023;18(4):613–638. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sie-journal.ru/model-nauchnoy-diplomatii-v-alzhire-i-perspektivy-i-razvitiya-dvustoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-s-rossiej> (accessed 28.02.2024).
5. Jabbarinasir H. Evolution of the Significance of Middle East in Russian Foreign Policy Concepts: Contexts and Key Factors. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2020;(2):175–186. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.istpolitmgou.ru/jour/article/view/118> (accessed 28.02.2024).
6. Gukasyan G.L. Some Aspects of the Position of Saudi Arabia and the United Arab Emirates in Connection with the Special Operation of the Russian Federation in Ukraine. *Eastern Analytics*. 2022;13(2):95–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-02-095-108>
7. Kolobov O.A. Contemporary Russian Policy in the Middle East: Strategic Goals and Tactic Actions. *MGIMO Review of International Relations*. 2017;(4):83–98. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-4-55-83-98>
8. Ilyina I.Ye., Vasilyeva I.N., Bogatova R.S. Information Platform for Monitoring Science, Technology and Innovation Indicators in MENA Countries. *Sociology of Science and Technology*. 2023;14(3):180–207. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-180-207>

9. Kosyakov D.V., Vasilyeva I.N., Demidov A.V., Bogatova R.S. Science Diplomacy as an Important Tool for International Scientific Collaborations Development in MENA Countries. *Sociology of Science and Technology*. 2024;15(1):181–203. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-1-180-203>

10. Kirichenko V.P. The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf: Past and Present (Review). *Social Novelities and Social Sciences*. 2022;(2):67–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/snsn/2022.02.06>

11. Kalashnikova A.V. Egypt under Hosni Mubarak: Discovering the New Foreign Areas. *RSUH/ RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2015;(11):139–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/egipet-pri-h-mubarake-osvoenie-novyh-vneshnepoliticheskikh-prostranstv-1> (accessed 28.02.2024).

12. Markoyan A.A. Saudi Arabia's "Mosque Diplomacy": Is there a Room for Religion in XXI Century? *Via in Tempore. History and Political Science*. 2023;50(1):277–285. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2023-50-1-277-285>

Об авторах:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5602-5237>, Researcher ID: AAG-3774-2021, vasilyeva128@mail.ru

Богатова Раиса Султановна, аналитик центра международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2937-1759>, Researcher ID: JXM-3551-2024, graisa@mail.ru

Реброва Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, заведующий сектором развития научной дипломатии центра международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3455-9326>, t.rebrova@iep.ru

Заявленный вклад авторов:

И. Н. Васильева – научное руководство; постановка научной проблемы; развитие методологии; курирование данных; интерпретация полученных результатов; доработка текста.

Р. С. Богатова – подготовка начального варианта текста; разработка моделей научной дипломатии; сбор данных и доказательств; визуализация/представление данных в тексте; анализ и доработка текста.

Т. П. Реброва – администратор проекта; построение модели; развитие методологии; формализованный анализ данных; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 12.03.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 18.06.2024.

About the authors:

Irina N. Vasilieva, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Centre for International Scientific and Technological Cooperation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A Dobrolyubova St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5602-5237>, Researcher ID: AAG-3774-2021, i.vasilyeva@iep.ru

Raisa S. Bogatova, Analyst at the Center for International Scientific and Technological Cooperation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A Dobrolyubova St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2937-1759>, Researcher ID: JXM-3551-2024, graisa@mail.ru

Tatyana P. Rebrova, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific Diplomacy Development Sector of the Center for International Science and Technology Cooperation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A Dobrolyubova St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3455-9326>, t.rebrova@riep.ru

Contribution of the authors:

I. N. Vasilieva – general guidance; concept of the study; development of the structure of the article; formulation of conclusions and research results; critical analysis.

R. S. Bogatova – preparation of the text initial version; development of models of science diplomacy; collection of data and evidence, visualization/presentation of data in the text; analysis and revision of the article.

T. P. Rebrova – project administrator; development of models; methodology development; formalized data analysis; critical analysis and revision of the article.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 12.03.2024; revised 07.06.2024; accepted 18.06.2024.

Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания

О. В. Бахлова ✉

И. В. Бахлов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)*

✉ olga.bahlova@mail.ru

Аннотация

Введение. Осознание общности геополитических и цивилизационных вызовов Российской Федерации и Республике Беларусь подталкивает к углублению интеграционного взаимодействия на разных направлениях. Пристальное внимание уделяется проблематике безопасности, интерпретируемой в расширенном ключе. Ее обеспечение коррелирует с укреплением гуманитарного измерения Союзного государства, включая формирование единого образовательного пространства. В современных условиях актуализируется его увязка с закреплением в интеграционном поле политики патриотического воспитания. Цель исследования – выявление специфики их сопряжения с учетом динамики союзного строительства.

Материалы и методы. Исследование базируется на методах бинарного сравнения, традиционного и дискурс-анализа официальных текстов. Дополнительным методом выступает формализованный заочный экспертный опрос. Ключевые материалы – нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Беларусь, межгосударственные, межправительственные и интеграционные соглашения, информационный контент веб-ресурсов Союзного государства. Теоретико-методологические основы исследования составляют новый политический институционализм, многомерная модель социального действия, парадигма «политического объединения».

Результаты исследования. Охарактеризованы нормативные основы государственной политики в сфере образования и интеграционные ориентиры в культурно-гуманитарной плоскости в рамках движения к союзному образовательному пространству. Выявлены востребованные категории аксиологического плана, отсылающие к взаимосвязи образования и воспитания. Показаны ключевые линии дискурсивных практик на площадках союзных институций. Акцентированы понимание необходимости адаптации систем образования к требованиям времени и увязка патриотического воспитания с защитой и сохранением общей исторической памяти.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования и экспертные оценки предполагают артикуляцию не только положительных изменений, но и насущных векторов совершенствования национальных подходов и интеграционных решений. Они корреспондируют с устранением коллизий, разработкой и принятием новых документов уровня Союзного государства, имплементацией ценностных категорий и новых сфер единой политики. Полученные результаты могут представлять интерес для органов государственной власти и союзных институтов, участников патриотического воспитания на территории Союзного государства.

© Бахлова О. В., Бахлов И. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание, гуманитарное измерение союзного строительства, единое образовательное пространство Союзного государства Беларуси и России, защита и сохранение исторической памяти, межрегиональное сотрудничество, союзная патриотическая повестка

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371 (<https://rscf.ru/project/23-28-00371/>).

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания // Регионология. 2024. Т. 32, № 3. С. 426–445. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445>

Formation of a Unified Educational Space of the Union State from the Perspective of the Policy of Patriotic Education

O. V. Bakhlova ✉, I. V. Bakhlov
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)
✉ olga.bahlova@mail.ru

Abstract

Introduction. Awareness of the commonality of geopolitical and civilizational challenges of the Russian Federation and the Republic of Belarus pushes for deepening integration cooperation in different directions. Close attention is paid to the problem of security, interpreted in an expanded way. Its provision correlates with the strengthening of the humanitarian dimension of the Union State, including the formation of a unified educational space. In modern conditions, its correlation with the consolidation of the policy of patriotic education in the integration field is being actualized. The purpose of the article is to identify the specifics of their coupling, taking into account the dynamics of union construction.

Materials and Methods. The research is based on the methods of binary comparison, traditional and discourse analysis of official texts. An additional method is a formalized correspondence expert survey. The key materials are normative legal acts of the Russian Federation and the Republic of Belarus, interstate, intergovernmental and integration agreements, information content of the web resources of the Union State. The theoretical and methodological foundations of the research are a new political institutionalism, a multidimensional model of social action, and the paradigm of “political unification”.

Results. The article describes the normative foundations of state policy in the field of education and integration guidelines in the cultural and humanitarian plane within the framework of the movement towards the Union educational space. The demanded categories of the axiological plan are revealed, referring to the relationship between education and upbringing. The key lines of discursive practices at the sites of the union institutions are shown. The understanding of the need to adapt education systems to the requirements of the time and the linking of patriotic education with the protection and preservation of common historical memory are emphasized.

Discussion and Conclusion. The results of the study and expert assessments suggest the articulation of not only positive changes, but also urgent vectors for improving national approaches and integration solutions. They correspond to the elimination of conflicts, the development and adoption of new documents at the level of the Union State, the implementation of value categories and new areas of unified policy. The results obtained may be of interest to public authorities and union institutions, participants in patriotic education in the territory of the Union State.

Keywords: civil-patriotic and spiritual-moral education, humanitarian dimension of union building, unified educational space of the Union State of Belarus and Russia, protection and preservation of historical memory, interregional cooperation, Union patriotic agenda

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00371 (<https://rscf.ru/project/23-28-00371/>).

For citation: Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Formation of a Unified Educational Space of the Union State From the Perspective of the Policy of Patriotic Education. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):426–445. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445>

Введение. Союзное государство (далее – СГ), изначально мыслимое как многомерный формат, и сейчас охватывает широкий спектр направлений. Несмотря на экономикоцентричность интеграционного взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь, одно из стержневых в союзном строительстве – гуманитарное измерение. В нем воплощаются фундаментальные ценностные ориентиры и социокультурные параметры, общие для стран – участниц СГ. Интегрирующимися единицами и их политическими акторами востребованы коренящиеся здесь мощные нормативные ресурсы, позволяющие обеспечить насущные потребности в эффективном управлении интеграционным и внутригосударственным политическим процессом. В условиях разрастания масштабов международного противоборства и внешнего давления Россия и Беларусь заявляют о готовности к солидарному ответу на комплексные вызовы и угрозы, дальнейшей консолидации и продвижению интеграционных целей и задач. Распространяются они и на гуманитарное измерение, в рамках которого предполагается создание единых пространств, аккумулирующих накопленные традиции, положительный опыт, наработки союзного, национального, регионального и приграничного уровней.

Существенные ожидания интегрирующихся государств, их элитных групп, граждан, регионов связаны с формированием союзного образовательного пространства. Соответствующие намерения озвучиваются в течение продолжительного периода, но на текущем этапе они более центрируются, что обусловлено совокупностью причин. В контексте расширяющейся санкционной политики предпринимается попытка вытеснения России и Беларуси из международного сотрудничества в научно-образовательной сфере. Свернуты либо приостановлены сложившиеся партнерства на западном векторе. Осознается актуальность достижения технологического суверенитета, что требует интенсификации совместных усилий. Их важность несомненна и для социогуманитарной сферы. На фоне тенденции к фальсификации истории усиливается необходимость исторического просвещения, защиты и сохранения исторической памяти. Деструктивное внешнее воздействие, негативные последствия которого обостряются внутренними проблемами, побуждает к активизации дискуссии по проблематике совершенствования применяемого Россией и Беларусью инструментария государственной политики, корректировке моделей и систем образования, артикуляции воспитательной функции образовательных учреждений. События последних лет продемонстрировали пробелы в этой области в целом и политике патриотического воспитания в частности, что касается обеих стран.

Общественные настроения, фиксируемые социологическими замерами, демонстрируют неоднозначную картину. Согласно опросу ВЦИОМ от 11 мая 2022 г., в пользу участия школы в патриотическом воспитании молодежи высказались 67 % опрошенных. Предпочтительными оказались прагматично трактуемые функции (83 % посчитали, что современная школа должна в первую очередь

давать знания, 72 % – заниматься организацией досуга детей и пр.)¹. Другие социологические исследования в России² и Беларуси³ показывают наличие внушительного количества граждан, осознающих себя «патриотами» и «безусловными патриотами» – в общей сложности порядка 80–90 % респондентов, хотя данные разнятся по категориям.

Примечательная черта дискурса политического сообщества СГ – постепенное укоренение концепта «общего (нашего) Отечества» и конструкции «два государства – одно Отечество». Их смысловое наполнение и аргументация базируются на признании общности исторического прошлого, судьбы, духовно-нравственных ценностей и традиций, геополитических и цивилизационных вызовов. Они могут восприниматься как фундамент союзной и национальной политики патриотического воспитания. Формирование единого образовательного пространства СГ рассматривается нами в русле ее институционализации и закрепления в интеграционном поле. Цель исследования – выявление специфики их сопряжения с учетом динамики союзного строительства. Задачи: определить нормативные основы государственной политики России и Беларуси в сфере образования, фокусируясь на закреплении функции патриотического воспитания; охарактеризовать содержание дискурсивных практик союзного уровня; показать главные направления совместных усилий двух стран по формированию единого образовательного пространства через призму продвижения патриотической союзной повестки.

Обзор литературы. Ключевой исследовательский акцент – актуализация патриотизма как консолидирующей политической ценности в контексте современных вызовов и угроз, внешнего влияния, взаимосвязи патриотизма, идентичности и памяти, изменения их смыслов и значения, исторической памяти как инструмента патриотического воспитания [1; 2]. В зарубежном дискурсе проявляется тенденция к сопоставлению национализма и патриотизма [3], причем не всегда в позитивном ключе, его трансформаций в постнациональных сообществах [4]. Аргументируется триада «национализм, относящийся исключительно к нации»; «патриотизм, вращающийся вокруг родины»; «демократический патриотизм», объект привязанности которого – демократия [5].

Проблематика патриотического воспитания в рамках СГ анализируется в большей степени на государственном уровне, хотя авторы новейших публикаций учитывают и внешние драйверы [6]. Фокус исследовательского интереса – укрепление гуманитарного измерения СГ с определением ключевых параметров общей / «двойной» идентичности. Многие российские и белорусские специалисты уверены, что Россия и Беларусь принадлежат к единой цивилизации, объединенной

¹ Новации школьного патриотизма: за и против [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. 2022. 11 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novacii-shkolnogo-patriotizma-za-i-protiv> (дата обращения: 18.03.2024).

² Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. 2022. 11 апр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 18.03.2024).

³ Патриотические ценности населения Беларуси: результаты социологического исследования [Электронный ресурс] // БЕЛТА : сайт. 2022. 29 июня. URL: <https://www.belta.by/roundtable/view/patrioticheskie-tsennosti-naselenija-belarusi-rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya-1467/> (дата обращения: 18.03.2024).

общей историей, культурой и русским языком, экономикой и геополитическим положением⁴. Значение идентификационных параметров (языковой близости, общей религии, этнической принадлежности и истории) как факторов интеграции признают иностранные авторы, скептически или негативно оценивающие СГ, реалии и перспективы российско-белорусских взаимоотношений [7; 8]. С другой стороны, отечественные специалисты отмечают противоречивость исторической политики и политики идентичности [9; 10].

Примечательно изучение вопросов формирования образовательного пространства СГ в корреляции с обеспечением его безопасности, понимаемой как слагаемое нескольких элементов. Предпринимается попытка раскрыть характеристики культурной безопасности и константы единого духовного пространства. Решающая роль отводится созданию единого образовательного пространства, продвижению академической мобильности, программ двойных дипломов ведущих университетов, реализации совместных культурных и научных проектов [11]. По мнению Е. В. Водопьяновой, Россия и Беларусь – государства специфических образовательных балансов и отличаются от вестернизированных стран и стран-аутсайдеров постсоветского пространства [12, с. 134–135]. Подобная особенность может интерпретироваться как фактор сближения позиций России и Беларуси. К. П. Боришполец определяет сотрудничество в сфере науки, культуры и образования самой широкой областью реализации публичной дипломатии СГ [13, с. 228]. Р. А. Курбанов подчеркивает, что изучение опыта российско-белорусского сотрудничества позволит разработать модели научно-образовательного взаимодействия на евразийском пространстве [14]. Н. А. Макареев полагает, что институциональные, нормативно-правовые качества образовательного пространства СГ во многом зависят от экономических и политических аспектов стран – участниц евразийской интеграции [15, с. 138]. Выделим трактовку образования как формы внешнеполитической стратегии государств и российского образования как инструмента «мягкой силы», долгосрочного политического влияния на пространстве Содружества Независимых Государств, создания благоприятного имиджа на международной арене [16]. В. В. Комлева называет вызовы для России и союзного образовательного пространства, в частности несформулированность идеологической составляющей [17, с. 32].

Артикулируем результаты исследования процесса и степени институционализации политики СГ в научно-инновационной и образовательной сферах. Так, В. В. Климук и Р. В. Зелепукин констатируют, что нормативно-правовое сопровождение деятельности СГ в данной области носит обеспечительный характер, но не имеет системного выражения [18].

Предметом анализа российских и белорусских специалистов выступают отдельные аспекты становления единого образовательного пространства СГ, конкретные проекты, предложения. Среди них – реализация проекта «Союзный научно-образовательный центр – Университет интеграции» [19].

⁴ Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений: Аналитический доклад / Ассоциация внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко, Ин-т Европы РАН. М., 2021. 38 с.

А. В. Гущин концентрируется на развитии совместных форм образовательного и научного сотрудничества. Согласимся с его позицией о корреспондирующих взаимосвязях образовательных проектов и молодежной политики [20, с. 203]. В центре внимания М. Е. Лустенкова и Н. В. Вологиной – система воспитательной работы со студентами в Белорусско-Российском университете с учетом особенностей формирования политико-гражданских идентичностей братских народов, апелляцией к общему историческому прошлому, единству в оценке исторических событий [21, с. 60–61]. Акцентируется актуальность трансляции общих духовно-нравственных ценностей в условиях цивилизационных вызовов [22]. С точки зрения понимания динамики формирования единого образовательного пространства в контексте союзного строительства большой интерес вызывает публикация О. В. Солоповой и А. В. Козополянской-Соловьевой [23].

Однако степень корреляции вопросов разработки и внедрения общих подходов к политике патриотического воспитания в формате СГ и создания единого образовательного пространства, соотнесения реализуемых в его рамках проектов и мероприятий с доминирующими компонентами союзной патриотической повестки пока недостаточна.

Материалы и методы. Исследование базируется на совокупности нормативных правовых актов и концептуально-стратегических документов национального, межгосударственного и интеграционного уровней, информации, содержащейся на интернет-ресурсах СГ, в первую очередь официальных сайтах Постоянного Комитета Союзного государства и Парламентского Собрания (далее – ПС) Союза Беларуси и России.

Теоретико-методологические рамки образуют новый политический институционализм с акцентом на движении к совокупному эффекту изменений⁵; многомерная модель социального действия с концентрацией на задаче включения ценностных образцов в единую систему⁶; парадигма «политического объединения» с артикуляцией идентификационных рычагов интегрирования⁷.

Обозначенная проблема изучалась с опорой на концепцию «анти-мягкой силы» [24], теорию «публичных ценностей» [25; 26], идентитарные исследования; в политической плоскости – на концепции «континуитета» (преемственности), «государства-цивилизации», «общего Отечества».

Основные методы – сравнительный анализ, предполагающий выявление общих и особенных характеристик в подходах России и Беларуси и дискурсивных практиках союзных органов и институций; традиционный и дискурс-анализ содержания официальных текстов. Привлекались результаты заочного формализованного экспертного опроса с участием 20 специалистов –

⁵ Hysing E., Olsson J. New Political Institutionalism // *Green Inside Activism for Sustainable Development: Political Agency and Institutional Change* / ed. by E. Hysing, J. Olsson. Cham : Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 23–45.

⁶ Parsons T. Prolegomena to a Theory of Social Institutions // *American Sociological Review*. 1990. Vol. 55, issue 3. Pp. 319–333.

⁷ Etzioni A. Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities. Lanham : Lexington Books, 2001. 412 p.

по 10 человек из России и Беларуси⁸. Тема – «Политика патриотического воспитания в Союзном государстве Беларуси и России: подходы, практики, перспективы». Опрос проводился в соответствии с разработанным авторами статьи бланком в октябре – ноябре 2023 г. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Результаты исследования. Обобщим основные результаты исследования по нескольким проблемным блокам.

1. Нормативно-правовое регулирование.

Национальный уровень. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»⁹ аксиологическая составляющая становится ощутимой вследствие изменений последних лет (2020–2023 гг.). Отметим нацеленность на формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества (ст. 2); отнесение к числу принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования воспитание гражданственности, патриотизма (ст. 3); обязанность педагогических работников формировать в процессе осуществления педагогической деятельности у обучающихся чувство патриотизма, уважение к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества (ст. 48). В тех же статьях фиксируется и более широкий в смысловом отношении маркер – «традиционные российские духовно-нравственные ценности».

В Кодексе Республики Беларусь¹⁰ прослеживаются развернутые положения аксиологического плана. Соответствующие маркеры многочисленны и разнообразны. Например, в формулировке понятия «образование» (ст. 1), характеристике принципов государственной политики в сфере образования маркером является общая категория «общечеловеческие ценности» (ст. 2). Среди ее основных направлений (ст. 2) закрепляется обеспечение деятельности учреждений образования по осуществлению воспитания, в том числе по формированию у обучающихся гражданственности, патриотизма, духовно-нравственных ценностей. Среди целей образования – формирование гражданственности и патриотизма (ст. 10). Корреспондируют категории «общечеловеческие ценности», «гуманистические ценности», «культурные и духовные традиции белорусского народа» (ст. 17, 80).

Отличительная черта белорусского подхода – артикуляция идеологического компонента. Одна из задач воспитания трактуется как формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе

⁸ Эксперты из России представляли Центр белорусских исследований Института Европы Российской академии наук, Центр постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук, Центр постсоветских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) (МГИМО) МИД России и др. Эксперты из Беларуси представляли Академию управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский институт стратегических исследований, факультет международных отношений Белорусского государственного университета и др.

⁹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁰ Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 янв. 2011 г. № 243-З [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 25.03.2024).

государственной идеологии; в число составляющих воспитания (их 14) включено также идеологическое воспитание (ст. 17). Подчеркнем детализацию содержания понятия «воспитание», расшифровку ее составляющих, в том числе гражданского и патриотического воспитания, духовно-нравственного воспитания. Этого нет в российском законодательстве. В Кодексе Республики Беларусь с точки зрения «нагруженности» ценностными маркерами примечательна формулировка понятия «воспитательная работа во внеучебное время», увязываемого с формированием у обучающихся уважения к памяти защитников Отечества, бережного отношения к историко-культурному наследию и традициям белорусского народа. Значимая категория – «социокультурные ценности» (ст. 17).

Установления профильных нормативных правовых актов конкретизируются в концептуально-стратегических документах.

Ценностный аспект в российских документах в данной области более выражен по сравнению с профильным законом. Востребованные категории – «социокультурные ценности», «российские духовные ценности», «духовно-нравственные ценности, сложившиеся в процессе культурного развития России». Вводится категория «духовно-нравственные ценности российского общества и государства»¹¹. Характерна корреляция патриотического воспитания и формирования (общероссийской (гражданской) идентичности. Они предусматривают формирование у детей патриотизма, чувства гордости за свою Родину, готовности к защите интересов Отечества, ответственности за будущее России, гражданской ответственности. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.¹² в этом смысле изначально компенсировала пробелы Закона «Об образовании», нацеленного на продвижение «образовательных услуг» – данное и производные от него понятия себя изрядно дискредитировали и были исключены из содержания закона в 2022 г.¹³

В некоторых документах Российской Федерации, принятых позже названной стратегии, присутствуют отдельные акценты на ценностных категориях¹⁴. Внесены усиливающие их коррективы в трактовку национальных целей развития («Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»)¹⁵.

¹¹ О Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350163313> (дата обращения: 25.03.2024).

¹² Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420277810> (дата обращения: 25.03.2024).

¹³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 295-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140031?index=1> (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 1642. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183093> (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 07 мая 2024 г. № 309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 16.05.2024).

Типична отсылка к национальным проектам (федеральный проект «Патриотическое воспитание» в рамках нацпроекта «Образование»)¹⁶.

«Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» мыслится в Российской Федерации как один из стратегических национальных приоритетов. К числу таковых ценностей отнесен патриотизм, хотя нормативно он не определяется. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в том числе в области образования и воспитания¹⁷.

В документах Республики Беларусь образование интерпретируется как процесс обучения и воспитания, в котором на первое место ставится формирование уважения к своему Отечеству, народу, языку, белорусской культуре, традициям и обычаям. Система образования рассматривается не как бизнес-среда, а как институт социализации молодежи. Актуализируется воспитательная работа в контексте современных вызовов. Среди основных задач – формирование у обучающихся компетенций гражданственности и патриотизма. На текущий этап развития системы образования Беларуси (2021–2025 гг.) намечены усиление духовно-нравственного воспитания через изучение народных традиций, истории и основ культурных и духовных ценностей и приобщение к ним детей и учащейся молодежи; активизация в учреждениях образования работы по патриотическому воспитанию детей и молодежи и пр.¹⁸ Патриотизм раскрывается как «система знаний, ценностей, практических действий личности, общества и государства, направленных на развитие, процветание и обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь; мировоззренческое основание и глубокое чувство любви к своему Отечеству, готовность защищать его». К приоритетам воспитания в учреждениях образования отнесено «последовательное и активное содействие личностному становлению гражданина и патриота своей страны, профессионала-труженика, ответственного семьянина»¹⁹. Отметим значительное количество программных продуктов, охватывающих сферу патриотического воспитания²⁰. Подпрограмма 10 «Молодежная политика» Государственной программы Республики Беларусь

¹⁶ Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/application/frontend/skin/default/assets/data/national_project/main/Паспорт_национального_проекта_Образование.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁷ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁸ О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 нояб. 2021 г. № 683. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100683> (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁹ Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс]: постановление Министерства образования Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 82. URL: https://www.msu.by/info/ovrsm/norm_dok/konc_nvdm.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

²⁰ Об утверждении Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс] : утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 31 дек. 2020 г. № 312. URL: <https://adu.by/images/2023/vosp/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf> ; О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 дек. 2021 г. № 773. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C2100773&p1=1> (дата обращения: 25.03.2024).

«Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг. направлена, в частности, на формирование у молодежи через систему героико-патриотического и духовно-нравственного воспитания активной гражданской позиции, любви к Родине, гордости за ее прошлое и настоящее, ответственности за судьбу Беларуси²¹.

Межгосударственный и союзный уровни. Базовые на межгосударственном уровне – Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве и межправительственное Соглашение 1995 г.²² В Договоре наличествует маркер «гуманитарные ценности», в Соглашении отмечается близость культур и традиций культурного общения, выражается готовность к развитию культурного и исторического туризма. Однако интересующая нас взаимосвязь практически не отражается. Соглашение явно нуждается в адаптации к изменившимся реалиям.

Патриотический компонент фиксируется в межведомственных документах – показательны планы мероприятий по развитию сотрудничества Министерства просвещения Российской Федерации и Министерства образования Республики Беларусь. В план на 2023–2024 гг. включены организация фестиваля военно-патриотических лагерей и клубов «Нам есть чем гордиться, нам есть что защищать», проведение гражданско-патриотической кадетской смены учащихся «За честь Отчизны»; продолжение культурно-образовательного патриотического проекта «Поезд Памяти» и др. Патриотические мероприятия и акции воспринимаются в контексте формирования единого образовательного пространства СНГ²³.

Единое образовательное пространство выступает одним из интеграционных ориентиров с момента образования Сообщества России и Беларуси²⁴. На разных этапах союзного строительства его содержание менялось, подкрепляясь определенными решениями и соглашениями. Во многом его формирование увязывалось с реализацией равных прав граждан России и Беларуси, продвижением гуманитарного измерения СНГ. Не вдаваясь в подробное описание деталей этого процесса, подчеркнем, что в Концепции социального развития СНГ на 2011–2015 гг. были закреплены принципиальные положения в рассматриваемом русле. Одной из задач политики в сфере образования провозглашалось обеспечение приоритета воспитания в системе образования. Среди основных направлений – реализация совместных проектов в сфере воспитания, молодежной политики, поддержки

²¹ О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 57. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100057> (дата обращения: 25.03.2024).

²² Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901167>; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры, образования и науки [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306457> (дата обращения: 27.03.2024).

²³ В 2023–2024 годах Россия и Белоруссия проведут мероприятия по обмену педагогическим опытом, совместные патриотические акции и фестивали [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/6413/v-2023-2024-godah-rossiya-i-belorussiya-provedut-meropriyatiya-po-obmenu-pedagogicheskim-opytom-sovmestnye-patrioticheskie-akcii-i-festivali/> (дата обращения: 27.03.2024).

²⁴ Постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России от 11 апреля 1996 г. № 1 «О равных правах граждан на получение образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--c1angbpdf.xn--plai/docs/item/237191/> (дата обращения: 27.03.2024).

молодежного общественного движения; среди приоритетов – реализация совместных программ, проектов и мероприятий гражданского образования и патриотического воспитания молодежи²⁵.

Однако в документах, намечавших направления дальнейшего развития СГ, указанная взаимосвязь прослеживалась не всегда. Так, на период 2018–2022 гг. предполагалось продвижение в общественном сознании духовных ценностей, общих для народов России и Беларуси, но в условиях развития общего культурно-информационного пространства. Первоочередные задачи в рамках формирования общего образовательного пространства и молодежной политики интерпретировались в прагматичном ключе²⁶. На текущем этапе (2024–2026 гг.) в аналогичном документе нет понятия «единое образовательное пространство», хотя сфера образования включена в 9-е направление, охватывающее социально-гуманитарные вопросы. Один из ориентиров – формирование единого культурно-гуманитарного пространства посредством в том числе сохранения национальных традиций, культурных ценностей и исторической памяти о Великой Отечественной войне. Реализация упорядоченного взаимодействия в сфере гражданско-патриотического воспитания соотносится со сферой молодежной политики²⁷.

2. Потенциал единого образовательного пространства в контексте продвижения союзной патриотической повестки.

Одна из исходных многоплановых линий – признание *невозможности существования общего образовательного пространства без единства воспитательных концепций* и обращение к *необходимости адаптации систем образования к требованиям времени*.

Значим постоянно действующий семинар при ПС по вопросам строительства СГ «Практика формирования и задачи синхронизации структурно-методических систем и стандартов среднего и высшего образования в Беларуси и России». В числе основополагающих вопросов – сохранение и развитие духовно-нравственных ценностей в системах образования Беларуси и России, приоритетные направления развития системы среднего и высшего образования в СГ. Характерны акценты на формировании новой стратегии развития образования «в условиях беспрецедентных вызовов нашей государственности»; ключевой роли системы образования в защите экономического и культурного суверенитета СГ; усилении нравственной составляющей учебного процесса. Образование, по определению заместителя председателя Комиссии ПС по культуре, науке и образованию А. Т. Щастного, – «основная платформа государственности». Дается позитивная оценка взаимодействию России и Беларуси в сфере высшего

²⁵ Концепция социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 25 нояб. 2011 г. № 7. URL: https://посткомсг.рф/news/socialnaja_politika/188217/ (дата обращения: 27.03.2024).

²⁶ Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 19 июня 2018 г. № 3. URL: <https://xn--clangbpdf.xn--plai/docs/item/237504/> (дата обращения: 27.03.2024).

²⁷ Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы [Электронный ресурс] : Декрет Высшего Государственного Совета от 29 янв. 2024 г. № 2. URL: <https://clck.ru/3BWkKM> (дата обращения: 27.03.2024).

образования и патриотического воспитания и актуальности его налаживания в среднем образовании²⁸. Государственный секретарь СГ Д. Ф. Мезенцев заявляет об особой ценности взаимодействия в гуманитарной и образовательной сферах в ситуации беспрецедентного санкционного давления на Россию и Беларусь, ответом на что должны быть следующие слова: «Только наше сплочение, только поиск тех совместных планов и алгоритмов сотрудничества, которые сделают нас сильнее и конкурентоспособнее»²⁹. Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин ответом на внешние вызовы полагает ускорение интеграционных процессов в Союзном государстве, создание дополнительных возможностей для граждан Беларуси и России, прежде всего для молодежи, относя к приоритетам углубление связей в науке и образовании³⁰.

Доминирующая линия – концентрация на *совершенствовании исторического образования и увязка патриотического воспитания с защитой и сохранением общей исторической памяти, противодействием попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны*.

Группа российских и белорусских экспертов замечает, что историческая память – мощнейший ресурс интеграции. Ключевым направлением предлагается считать создание общего образа прошлого, чему способствуют совместные исследовательские и образовательные проекты. Эксперты настаивают на наращивании работы по организации исторических мероприятий с широким вовлечением молодежи³¹.

Представители политического сообщества СГ обращают внимание на важность погружения нового поколения «в нашу историческую правду». Артикулируется роль министерств образования и просвещения, обороны России и Беларуси (историко-просветительские проекты СГ «Без срока давности», «Беларусь и Россия: образ общей истории», «Поезд Победы», проект Центра военно-патриотического воспитания на Кобринских рубежах Брестской крепости и др.). Постоянный Комитет СГ оказывает поддержку проведению «Диктанта Победы». Министр образования Республики Беларусь А. И. Иванец констатирует серьезность фундамента реализуемых совместных проектов и аргументирует их расширение: «У нас большое количество памятных дат общей истории, которые мы должны доносить до нашей молодежи». Министр просвещения Российской Федерации С. С. Кравцов высказывает мнение, что темы, связанные с историей Союзного государства, следует включить в школьные предметы, в «Разговоры о важном»³².

²⁸ Николай Бурляев: «Общество постепенно возвращается к тому, что служение учителя и педагога бесценно» [Электронный ресурс]. URL: https://посткомсг.рф/actual_comment/238014/ (дата обращения: 28.03.2024).

²⁹ Выступление Государственного секретаря Дмитрия Мезенцева на торжественном собрании, посвященном Дню единения народов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: https://посткомсг.рф/actual_comment/228022/ (дата обращения: 28.03.2024).

³⁰ Михаил Мишустин: единство Беларуси и России как никогда востребовано [Электронный ресурс]. URL: https://посткомсг.рф/news/politika_ekonomika/237743/ (дата обращения: 28.03.2024).

³¹ Союзные эксперты подготовили доклад о «Российско-белорусских отношениях в 2022 году» [Электронный ресурс]. URL: https://посткомсг.рф/expert_opinion/230880/ (дата обращения: 28.03.2024).

³² В Москве и Минске прошел медиафорум «Беларусь – Россия: равноправный союз, общая история, совместное будущее» [Электронный ресурс]. URL: <https://посткомсг.рф/activities/events/233922/> (дата обращения: 28.03.2024).

В фокусе дискурсивных практик представителей политического, научного и академического сообщества стран – участниц СГ – серия «Россия и Беларусь: страницы общей истории»³³ при участии коллектива белорусских и российских ученых, учебно-методическое обеспечение общего образовательного пространства. Комиссией ПС по социальной и молодежной политике, науке, культуре и гуманитарным вопросам поддержан проект пособия для учащихся учреждений общего среднего образования по общей истории СГ. Примечателен форум «Россия и Беларусь: общая история, общая судьба» (Минск, октябрь 2023 г.), посвященный формированию общего взгляда на прошлое, способствующего консолидации общества, воспитанию патриотических и гражданских качеств подрастающего поколения в современных геополитических реалиях, в условиях развязывания информационной и гибридной войн. Одно из центральных событий форума – презентация книги «Срока давности не имеют... Преступления фашизма против народов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» серии «Библиотека Союзного государства»³⁴. Наступление качественно нового этапа увязывается с учреждением в январе 2024 г. совместной комиссии с рабочим органом в лице экспертно-консультативного совета по истории, что дополняет усилия Ассоциации белорусско-российских историков «Союзная инициатива памяти и согласия»³⁵.

Отметим тенденцию к институционализации взаимодействия. Акцентируем семинар при ПС «Интеграция систем общего образования Республики Беларусь и Российской Федерации как основа создания единого образовательного пространства Союзного государства», деятельность ряда комиссий ПС, Комиссии по патриотическому воспитанию и культурному наследию Молодежной палаты при ПС. В структуре исполнительной власти – заседания коллегий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства образования Республики Беларусь и Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь; стратегические сессии Правительства Российской Федерации по развитию гуманитарного взаимодействия с Республикой Беларусь. Действуют форум Ассоциации вузов России и Беларуси, Международная ассоциация вузов приграничных областей Беларуси и России. Упомянем инициативы создания межведомственного общественно-государственного совета по делам молодежи СГ и педагогического совета СГ.

Особый интерес вызывает повестка молодежных форматов взаимодействия в рамках СГ (Российско-Белорусского молодежного форума и др.). Подобно повестке других союзных институций, она обретает насыщенное содержание, включая вопросы сохранения исторической памяти, обеспечения информационной

³³ История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории : учеб. пособие / под ред. А. А. Ковалени, Е. И. Пивовара. СПб. : Алетей, 2020. 850 с.

³⁴ Беларусь и Россия выпускают пособие по истории Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://посткомсг.рф/news/education/237776/> ; Состоялся форум «Россия и Беларусь: общая история, общая судьба» [Электронный ресурс]. URL: <https://nasb.gov.by/rus/news/13549/> (дата обращения: 28.03.2024).

³⁵ Совместная комиссия по истории учреждена в Союзном государстве [Электронный ресурс]. URL: <https://belrus.ru/info/sovместnaya-komissiya-po-istorii-uchrezhdена-v-soyuznom-gosudarstve/> (дата обращения: 28.03.2024).

безопасности в молодежной среде, вовлечения молодежи в союзное строительство. Показательно проведение Патриотического форума молодежи Союзного государства (Минск, февраль 2024 г.) в целях разговора, по выражению Госсекретаря СГ, об исторической правде и значении исторической памяти, диалога о патриотизме и гражданской позиции. А. Д. Король, ректор Белорусского государственного университета, на площадке которого состоялся форум, охарактеризовал его как «борьбу не только за настоящее и будущее, но и за наше общее прошлое» в меняющемся мире³⁶.

3. Важной опорой российско-белорусской интеграции, расширения контактов в образовательной сфере, гуманитарном измерении выступает *межрегиональное сотрудничество России и Беларуси*. Плодотворную роль в этой области на протяжении более десяти лет выполняет Форум регионов Беларуси и России. В его повестке просматривается смысловое тождество с озвученными линиями и сюжетами, несмотря на кажущееся центрирование социально-экономической проблематики. В выступлениях участников форума, итоговых документах прослеживаются акценты на компонентах патриотической тематики. Так, В. В. Путин на V Форуме регионов Беларуси и России (Могилев, 10–12 октября 2018 г.) подчеркивал необходимость гражданской активности молодого поколения, его вовлеченности в гуманитарные программы, общность задачи сохранения исторической памяти в работе с молодежью; по словам А. Г. Лукашенко, необходимо «воспитывать новое поколение граждан Беларуси и России настоящими патриотами»³⁷.

Соответствующие послы обрели постоянный характер, закрепившись в позициях политических лидеров и повестке последующих форумов. В частности, в обращении к участникам VIII Форума регионов Беларуси и России (Москва – Минск, 29 июня – 1 июля 2021 г.) Президент Российской Федерации предложил сфокусировать внимание на вопросах сохранения памяти о важнейших событиях нашего общего прошлого, недопущения попыток фальсификации истории, патриотического воспитания молодых людей, а Президент Республики Беларусь – на создании для них новых перспектив в союзном образовательном пространстве³⁸.

Фиксируются положительные моменты. Например, создание Белорусско-Российского университета; налаживание связей между региональными вузами России и Беларуси; увеличение количества совместных патриотических проектов, расширение их географии; проведение Форума историков России и Белоруссии³⁹. Одновременно выражается осознание актуальности активизации имеющихся

³⁶ Патриотический форум молодежи Союзного государства собрал в Минске студентов из Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <https://belrus.ru/info/patrioticheskij-forum-molodezhi-soyuznogo-gosudarstva-sobral-v-minske-studentov-iz-belarusi-i-rossii/> (дата обращения: 28.03.2024).

³⁷ Пятый форум регионов России и Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58807> (дата обращения: 28.03.2024).

³⁸ VIII Форум регионов России и Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65982> (дата обращения: 28.03.2024).

³⁹ Видеообращение на итоговой сессии X Форума регионов России и Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71540> ; III Форум регионов России и Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52129> (дата обращения: 28.03.2024).

и внедрения новых инструментов и механизмов. Содержательны итоговые документы форумов. Так, в документе VII Форума регионов Беларуси и России (Москва – Минск, 28–29 сентября 2020 г.) рекомендованы разработка программы СГ по патриотическому воспитанию и развитию гражданской ответственности у молодежи; развитие в рамках СГ детского и молодежного культурно-познавательного, военно-исторического туризма и пр. Примечательны увязка гражданско-патриотического и нравственного воспитания молодежи, артикуляция необходимости патриотического воспитания на всех уровнях образования, правовой и исторической культуры, чувства национальной гордости, гражданского достоинства, любви к Отечеству и своему народу, в целом политико-правовых аспектов проблематики патриотического воспитания⁴⁰. В итоговом документе X Форума регионов Беларуси и России (Уфа, 26–28 июня 2023 г.) акцентированы категории «общие традиционные духовно-нравственные ценности народов России и Беларуси» и «цивилизационное единство наших народов», ориентир на создание общего научно-образовательного пространства. Сделан упор на разработку основных направлений политики СГ в сфере сохранения и укрепления общей исторической памяти народов России и Беларуси, мер поддержки реализации совместных проектов некоммерческих организаций по патриотическому воспитанию граждан⁴¹.

Обсуждение и заключение. На современном этапе проявляется сосредоточенность участников союзного строительства на укреплении корреспондирующих взаимосвязей различных сфер и областей. Формирование единого образовательного пространства осуществляется в контексте продвижения культурно-гуманитарного, информационного пространства, пространства безопасности СГ. Это общий тренд, задаваемый новейшими интеграционными решениями, продиктованными внутренними и внешними вызовами. Достаточно высока степень сопряжения ориентиров и механизмов в сферах образования, патриотического воспитания и молодежной политики. Более четко она отображается в национальных нормативных установлениях.

Характерно усиление аксиологической составляющей, что отражают результаты анализа содержания нормативных правовых актов. Более она артикулирована в белорусских документах, как в профильном Кодексе об образовании, так и в подзаконных актах. В России отмечаются изменения, свидетельствующие, на наш взгляд, о частичном пересмотре восприятия образования как бизнес-проекта. Сохраняется рассогласованность российского и белорусского подходов в плане идеологических оснований. В Беларуси нормативно закреплён официальный статус идеологии белорусского государства, в России этот вопрос находится в подвешенном состоянии. Отметим, что почти половина опрошенных нами экспертов России и Беларуси (из них больше российских) указывают на доминирование неолиберальных подходов в образовании и воспитании в России

⁴⁰ Итоговый документ VII Форума регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/YbAg7MTs5sYZoN2HBAe97RX936W3zPiZ.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

⁴¹ Итоговый документ Десятого форума регионов Беларуси и России [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/XXYLsupLBCmlH4FySzw5I8CwBFr4Xjgx.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

как одну из основных проблем в плоскости политики патриотического воспитания. Полагаем, что наряду с гармонизацией и унификацией образовательных стандартов необходима верификация общей позиции по идеологии.

Несмотря на коллизии в подходах России и Беларуси, акцентируем синхронность принятия профильных актов в сфере образования (2011–2012 г.), внесения в них новаций (2020–2023 гг.). Показательно смысловое обогащение союзных дискурсивных практик и документов в последние несколько лет.

В изученных документах и практиках заметно понимание широкого круга субъектов политики патриотического воспитания в рамках СГ. Подобная трактовка находит поддержку у экспертного сообщества. К иницилирующим субъектам эксперты относят не только органы СГ (с наибольшими оценками активности у Высшего Государственного Совета, Госсекретаря, Парламентского Собрания и Постоянного Комитета), но и регионы, опередившие союзные институты, нередко критикуемые за бюрократизм. Регионы получили высшие оценки у российских и белорусских экспертов. Примечательный момент – единодушие относительно главного механизма политики патриотического воспитания – работы по патриотическому воспитанию в образовательных учреждениях разного уровня (абсолютное большинство экспертов из России и Беларуси предпочли этот вариант). Сходная константа – солидарность по вопросу о важности поддержки странами – участницами СГ патриотических проектов; симпатии адресованы в первую очередь культурно-образовательным и историко-патриотическим проектам. Разработка и внедрение общих методических подходов и стандартов в образовательных учреждениях России и Беларуси, обеспечивающих единоеобразие в решении задач патриотического воспитания обучающихся, находятся среди достаточно популярных у экспертов (преимущественно российских) направлений формирования союзной политики патриотического воспитания. С другой стороны, оно значительно уступает самому востребованному варианту – «Выработка и закрепление единых трактовок основополагающих понятий (“патриотизм”, “патриотическое воспитание” “традиционные ценности” и др.) в документе уровня Концепции Союзного государства». Разделяем это мнение, допуская, что это могут быть Концепция (единой) образовательной политики СГ / формирования единого образовательного пространства СГ, Программа патриотического воспитания СГ и Стратегия молодежной интеграции. Предварительно требуется введение соответствующих категорий в нормативное интеграционное поле.

Результаты исследования адресованы органам государственной власти России и Беларуси, органам СГ, участникам политики патриотического воспитания. Актуальным видится предметное изучение реализации патриотических проектов и инициатив в молодежном измерении СГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иохим А. Н., Лагузова М. А. «Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 77–96. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>

2. Цыганкова Л. И. Внешний фактор цветной революции в Беларуси: уроки 2020 г. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2024. Т. 16, № 1. С. 142–151. EDN: VNPXCH
3. Erez L., Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal // *American Journal of Political Science*. 2020. Vol. 64, issue 1. Pp. 191–203. <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>
4. Palumbo A. Patriotism and Pluralism: Identification and Compliance in the Post-national Polity // *Ethics and Global Politics*. 2009. Vol. 2, issue 4. Pp. 321–348. <https://doi.org/10.3402/egp.v2i4.2002>
5. Mußotter M. On Nation, Homeland, and Democracy: Toward a Novel Three-factor Measurement Model for Nationalism and Patriotism. Evidence from Two Representative Studies // *Political Psychology*. 2023. Preprint (Early View). <https://doi.org/10.1111/pops.12945>
6. Бахлова О. В., Бахлов И. В., Уляшкина Е. Г. Политика патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал институционализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 4. С. 940–952. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952>
7. Burant S. R. Foreign Policy and National Identity: A Comparison of Ukraine and Belarus // *Europe-Asia Studies*. 1995. Vol. 47, issue 7. Pp. 1125–1144. <https://doi.org/10.1080/09668139508412312>
8. Hansbury P. Domestic Constraints on Foreign Policy Change in Belarus // *The Journal of Belarusian Studies*. 2021. Vol. 11, issue 1. Pp. 27–55. <https://doi.org/10.30965/20526512-bja10014>
9. Гронский А. Д. Год исторической памяти в Белоруссии: итоги, проблемы, перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 34–43. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-34-43>
10. Линченко А. А., Беляева Е. В. Союзное государство – общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17, № 2 (39). С. 97–111. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10206>
11. Шумовская Н. Е., Карташов М. В. Политические элиты России и Белоруссии в современном контексте Союзного государства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 167–174. URL: <https://kaspy.asu.edu.ru/archive/2019/issue/4/article/1881> (дата обращения: 19.03.2024).
12. Водопьянова Е. В. Итоги постсоветской трансформации высшей школы // Современная Европа. 2020. № 5 (98). С. 132–141. <https://doi.org/10.15211/soveurope52020132141>
13. Боришполец К. П. Ресурсы публичной дипломатии Союзного государства России и Беларуси // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 224–237. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-224-237>
14. Курбанов Р. А. Актуальные вопросы проведения согласованной политики в научно-образовательной сфере на евразийском пространстве // Экономика. Право. Общество. 2017. № 1 (9). С. 17–23. URL: <https://epo.rea.ru/jour/article/view/66/59> (дата обращения: 19.03.2024).
15. Макареев Н. А. Образовательное пространство Союзного государства Беларуси и России как ресурс сопряжения и развития евразийской интеграции // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 3. С. 133–139. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran32019133139>
16. Качан М. А. Роль образования в распространении российских интересов на пространстве СНГ // Россия и современный мир. 2022. № 4 (117). С. 222–234. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.12>
17. Комлева В. В. Единое образовательное пространство – важнейший фактор интеграции России и Белоруссии // Обозреватель. 2019. № 1 (348). С. 21–33. URL: <https://i-sng.ru/pdf/2180/34717-1348-01-2019.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).
18. Климух В. В., Зелепукин Р. В. Перспективы развития нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в научно-инновационной и образовательной сферах // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 1 (25). С. 17–27. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>
19. Сорвилов Б. В. Потенциал интеграционного сотрудничества в сфере образования как фактор инновационного развития России и других стран СНГ // Друковский вестник. 2014. № 1 (1). С. 39–51. EDN: TFEAZV
20. Гушин А. В. Основные векторы развития российско-белорусского сотрудничества в области образования на современном этапе // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 2.

С. 195–204. URL: <https://www.postussr.org/journals/230602/6.%20Гущин%20А.В..pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

21. Лустенков М. Е., Вологина Н. В. Система гражданско-патриотического воспитания в Белорусско-Российском университете и ее роль в укреплении дружбы братских народов // Вестник РГТУ. Сер.: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2022. № 1-1. С. 58–66. URL: http://e.biblio.bru.by/bitstream/handle/1212121212/20727/48169810_20155160.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 19.03.2024).

22. Вяземский Е. Е., Крючкова Е. Е. О российско-белорусском образовательном проекте «Память о Великом подвиге (1941–1945 гг.)» как средстве формирования общей исторической памяти народов России и Белоруссии (на материалах анкетирования белорусских педагогов) // Ценности и смыслы. 2019. № 6 (64). С. 80–93. URL: http://tsennosti.instet.ru/images/Tcennosti_i_smysly_6_64.pdf (дата обращения: 19.03.2024).

23. Солопова О. В., Козополянская-Соловьева А. В. Союзное государство России и Беларуси в конце XX – начале XXI века: развитие сотрудничества в сфере образования // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. Т. 64, № 2. С. 129–158. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-129-158>

24. Фененко А. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 1. С. 40–71. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.3>

25. Пушкарева Г. В. Ценностное измерение публичной политики // Политическая наука. 2022. № 3. С. 15–35. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.01>

26. Bozeman B., Sarewitz D. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation // Minerva. 2011. Vol. 49, issue 1. Pp. 1–23. <https://doi.org/10.1007/s11024-011-9161-7>

REFERENCES

1. Iokhim A.N., Laguzova M.A. “How Do We Arrange Russia”: The Problem of Social Harmony in the Discourse of Post-Soviet Identity. *RUDN Journal of Political Science*. 2023;25(1):77–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>

2. Tsygankova L.I. The External Factor of the Color Revolution in Belarus: Lessons From 2020. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*. 2024;16(1):142–151. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VNPXCH

3. Erez L., Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal. *American Journal of Political Science*. 2020;64(1):191–203. <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>

4. Palumbo A. Patriotism and Pluralism: Identification and Compliance in the Post-national Polity. *Ethics and Global Politics*. 2009;2(4):321–348. <https://doi.org/10.3402/egp.v2i4.2002>

5. Mußotter M. On Nation, Homeland, and Democracy: Toward a Novel Three-Factor Measurement Model for Nationalism and Patriotism. Evidence From Two Representative Studies. *Political Psychology*. 2023. <https://doi.org/10.1111/pops.12945>

6. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V., Uliaskina E.G. The Patriotic Education Policy Within the Framework of Belarus and Russia Union State: The Potential for Institutionalization. *RUDN Journal of Political Science*. 2023;25(4):940–952. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-940-952>

7. Burant S.R. Foreign Policy and National Identity: A Comparison of Ukraine and Belarus. *Europe-Asia Studies*. 1995;47(7):1125–1144. <https://doi.org/10.1080/09668139508412312>

8. Hansbury P. Domestic Constraints on Foreign Policy Change in Belarus. *The Journal of Belarusian Studies*. 2021;11(1):27–55. <https://doi.org/10.30965/20526512-bja10014>

9. Gronsky A.D. The Year of Historical Memory in Byelorussia: Results, Problems, Prospects. *Russia and New States of Eurasia*. 2023;(1):34–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-1-34-43>

10. Linchenko A.A., Belyaeva E.V. Union State – Common Memory? Ethical Foundations of the Historical Policy of Russia and Belarus in the 21st Century. *Scientific Journal “Discourse-P”*. 2020;17(2):97–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10206>

11. Shumovskaya N., Kartashov M. The Political Elites of Russia and Belarus in the Modern Context of the Union State. *The Caspian Region: Politics, Economy, Culture*. 2019;(4):167–174.

(In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://kaspy.asu.edu.ru/archive/2019/issue/4/article/1881> (accessed 19.03.2024).

12. Vodopianova E. Results of the Post-Soviet Transformation of Higher Education. *Contemporary Europe*. 2020;(5):132–141. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope52020132141>

13. Borishpolets K.P. The Public Diplomacy Resources of the Union State of Russia and Belarus. *MGIMO Review of International Relations*. 2017;(3):224–237. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-224-237>

14. Kurbanov R.A. Topical Issues of the Concerted Policy in the Scientific and Educational Sphere in the Eurasian Space. *Economics. Law. Society*. 2017;(1):17–23. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://epo.rea.ru/jour/article/view/66/59> (accessed 19.03.2024).

15. Makareev N. Educational Space of the Union State of Belarus and Russia as a Resource of the Integration and Development of the Eurasian Integration. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2019;(3):133–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran32019133139>

16. Kachyan M.A. The Role of Education in Spreading Russian Foreign Interests in the CIS. *Russia and the Contemporary World*. 2022;(4):222–234. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.12>

17. Komleva V.V. Educational Space of Russia and Belarus: Challenges and Prospects. *Observer*. 2019;(1):21–33. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://i-sng.ru/pdf/2180/34717-1348-01-2019.pdf> (accessed 19.03.2024).

18. Klimuk V.V., Zelepukin R.V. Prospects for the Development of Regulatory and Legal Support for the Policy of the Union State of Republic of Belarus and Russian Federation in the Scientific, Innovative and Educational Spheres. *Current Issues of the State and Law*. 2023;7(1):17–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>

19. Sorvirov B.V. Potential of Integration Cooperation in Education as the Factor of Innovative Development of Russia and Other Cis Countries. *Drukerovskiy vestnik*. 2014;(1):39–51. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TFEAZV

20. Gushchin A.V. The Main Vectors of the Development of Higher Education in Belarus and Russian-Belarusian Cooperation in the Field of Education at the Present Stage. *Post-Soviet Studies*. 2023;6(2):195–204. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.postussr.org/journals/230602/6.%20Гущин%20А.В..pdf> (accessed 19.03.2024).

21. Lustenkov M.E., Vologina N.V. System of Civic-Patriotic Education at the Belarusian-Russian University and its Role in Strengthening the Friendship of Fraternal Nations. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*. 2022;(1-1):58–66. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://e.biblio.bru.by/bitstream/handle/1212121212/20727/48169810_20155160.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 19.03.2024).

22. Vyazemsky E.E., Kryuchkova E.E. On the Russian-Belarusian Educational Project “Memory of the Great Feat (1941–1945)” as a Means of Forming a Common Historical Memory of the Peoples of Russia and Belarus (On the Materials of a Survey of Belarusian Teachers). *Values and Meanings*. 2019;(6):80–93. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://tsennosti.instat.ru/images/Tcennosti_i_smysly_6_64.pdf (accessed 19.03.2024).

23. Solopova O.V., Kozopolianskaia-Soloveva A.V. The Union State of Russia and Belarus in the late 20th and Early 21st Centuries: Development of Cooperation in Education. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2023;64(2):129–158. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-129-158>

24. Fenenko A. Anti-Soft Power in Political Theory and Practice. *International Trends*. 2020;18(1):40–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.3>

25. Pushkareva G.V. Value Measuring Public Policy. *Political Science*. 2022;(3):15–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.01>

26. Bozeman B., Sarewitz D. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation. *Minerva*. 2011;49(1):1–23. <https://doi.org/10.1007/s11024-011-9161-7>

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская,

д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, Researcher ID: W-2198-2019, Scopus ID: 57212022043, olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, Researcher ID: T-4657-2019, Scopus ID: 57212021385, bahlov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. В. Бахлова – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов; критический анализ и доработка текста.

И. В. Бахлов – изучение концепции; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Dr.Sci. (Polit.), Professor, Chair of General History, Political Science and Region Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaja St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, Researcher ID: W-2198-2019, Scopus ID: 57212022043, olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Dr.Sci. (Polit.), Head of Chair of General History, Political Science and Region Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaja St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, Researcher ID: T-4657-2019, Scopus ID: 57212021385, bahlov@mail.ru

Contribution of the authors:

O. V. Bakhlova – collection, processing and analysis of information; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

I. V. Bakhlov – examination of the conception; critical analysis and revision of the text of the article.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.04.2024; revised 15.05.2024; accepted 27.05.2024.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ / POLITICAL SOCIOLOGY

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462

УДК 323.21(470.6)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы

Г. Д. Гриценко

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
dissovet@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследуемой проблематики обусловлена необходимостью укрепления общероссийской идентичности в полиэтническом северокавказском сообществе в условиях резкого обострения геополитических противоречий. Цель исследования – на основе эмпирического материала определить специфику проявления макросоциальной идентичности в жизнедеятельности населения Северо-Кавказского федерального округа и выявить возможности для дальнейшего конструирования общероссийской идентичности в северокавказском регионе.

Материалы и методы. Источниками эмпирической базы стали региональные нормативно-правовые акты субъектов Федерации, образующих Северо-Кавказский федеральный округ, научные статьи, находящиеся в свободном доступе в РИНЦ, и мнение экспертов, полученное в ходе экспертного опроса. Использование методической триангуляции (контент-анализа, дискурс-анализа и полуструктурированного интервью экспертов) дало возможность высветить разные стороны процесса формирования макросоциальной идентичности, сделав исследовательскую картину более объемной и полной. Эвристическая ценность полученных с помощью данной триангуляции результатов проявилась в уточнении структуры макросоциальной идентичности северокавказского социума и фиксации приоритетности этнической и частично конфессиональной идентичностей.

Результаты исследования. Обосновано, что для изучения проблем конструирования общероссийской идентичности в субъектах Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, наиболее оптимальной является аналитическая модель идентичности, предложенная М. В. Назукиной и включающая три основных уровня реализации политики идентичности в региональном масштабе: нормативный, нарративно-мифологический и символический. Современный этап сформированности макросоциальной идентичности на Северном Кавказе характеризуется на всех трех уровнях определенной приоритетностью этнической идентичности, которая усиливается конфессиональной.

Обсуждение и заключение. По итогам научного анализа сделан вывод, что на Северном Кавказе сложился относительный баланс между общероссийским и этническим компонентами макросоциальной идентичности с частичным преобладанием этноконфессионального.

© Гриценко Г. Д., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Аналитический материал может представлять интерес для научных коллективов, изучающих проблемы гуманитарной безопасности Северного Кавказа; структур, заинтересованных в укреплении этнополитического единства в регионе на основе общероссийских ценностей. Основные итоги и выводы работы могут быть полезны для СМИ, различных культурно-образовательных учреждений при организации и проведении просветительской работы среди населения региона, в том числе молодежи.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социальное конструирование общероссийской идентичности, нормативный, нарративно-мифологический, символический уровни политики идентичности, конструирование этнической идентичности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (№ 122020100306-9).

Для цитирования: Гриценко Г. Д. Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 446–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>

Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects

G. D. Gritsenko

*Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of The Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)
dissovet@rambler.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the issues under study, which is due to the need to strengthen the all-Russian identity in the multi-ethnic North Caucasian community in the context of a sharp aggravation of geopolitical contradictions. The purpose of the article is formulated – on the basis of empirical material, to determine the specifics of the manifestation of macrosocial identity in the life of the population of the North Caucasus Federal District and to identify opportunities for further construction of an all-Russian identity in the North Caucasus region.

Materials and Methods. The section identifies the sources of the empirical base of all subjects of the Russian Federation that form the North Caucasus Federal District, the main of which are regional regulatory legal acts, scientific articles in journals that are freely available in the RSCI, and expert opinion obtained during an expert survey. The use of methodical triangulation (content analysis, discourse analysis and semi-structured expert interviews) made it possible to highlight different aspects of the process of forming a macrosocial identity, making the research picture more voluminous and complete. The heuristic value of the results obtained through this triangulation was manifested in clarifying the structure of the macrosocial identity of the North Caucasian society and fixing the priority of ethnic and partially religious identities.

Results. It is substantiated that for studying the problems of constructing an all-Russian identity in the subjects of the Federation that are part of the North Caucasus Federal District, the most optimal is the analytical model of identity proposed by M.V. Nazukina and includes three main levels of identity policy implementation on a regional scale: normative, narrative-mythological and symbolic. The current stage of the formation of macrosocial identity in the North Caucasus is characterized at all three levels by a certain priority of ethnic identity, which is enhanced by confessional identity.

Discussion and Conclusion. Based on the results of scientific analysis, it was concluded that a relative balance has developed in the North Caucasus between the all-Russian and ethnic components of macrosocial identity with a partial predominance of ethno-confessional. Analytical material may be of interest to scientific teams studying the problems of humanitarian security in the North Caucasus; structures interested in strengthening ethnopolitical unity in the region on the basis of all-Russian values. The main results and conclusions of the work can be useful for the media, various cultural and educational institutions in organizing and conducting educational work among the population of the region, including youth.

Keywords: North Caucasus, social construction of all-Russian identity, normative, narrative-mythological, symbolic levels of identity politics, ethnic identity construction

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (no. 122020100306-9).

For citation: Gritsenko G.D. Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):446–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>

Введение. Проблематика идентичности является одной из наиболее востребованных в российском социально-гуманитарном знании. Этот приоритет сформировался под влиянием сложных, нередко конфликтных отношений между различными, особенно этническими, группами, что затрудняет процесс конструирования общероссийской идентичности. В частности, такая противоречивость характерна для Северного Кавказа, где общероссийская идентичность соединяет в одно образы «внеисторической» для Северного Кавказа общегражданской идентичности и «исторические» образы данного региона [1]. В сложившихся условиях, прежде всего геополитических, возникла потребность в ином взгляде на политику идентичности и ее реализацию в северокавказском регионе [2].

Цель исследования – уточнить компоненты идентификационной матрицы жителей Северного Кавказа, а также определить реальные и потенциальные ресурсы для целенаправленного формирования и укрепления общероссийской идентичности в регионе. Достижение поставленной цели проводилось в рамках исследовательского проекта «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе», осуществленного в 2020–2022 гг. Реализация данного проекта дала возможность, с одной стороны, сделать «слепок» современного уровня сформированности общероссийской идентичности, с другой – смоделировать объективно необходимые пути конструирования общероссийской идентичности, обеспечивающей сохранение и укрепление не только государственно-политического единства российского общества, но и социокультурного.

Обзор литературы. Проблемы формирования идентичности и вопросы реализации политики идентичности постепенно становятся частью категориального поля политического знания¹. Однако в рамках социально-политических наук сложилось многообразие трактовок идентичности, что нашло отражение прежде всего в зарубежных исследованиях² [3–7]. Вопросами политики идентичности занимаются также и российские политологи: одни из них акцентируют внимание на разработке категориального аппарата³ [8; 9], другие – на формировании и укреплении гражданского самосознания [10], третьи – на поисках

¹ Routledge Handbook of Identity Studies / ed. by A. Elliott. London & New York : Taylor & Francis Group, Routledge, 2011. 408 p.

² Kaltmeier O., Thies S., Raab J. The New Dynamics of Identity Politics in the Americas: Multiculturalism and Beyond. London : Taylor & Francis Group, 2015. 184 p.

³ Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика : сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности (Сер.: Политология) / ред. кол.: О. Ю. Малинова [и др.]. М. : ИНИОН, 2017. С. 7–20; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. 992 с.

эффективных путей нациестроительства [11], четвертые – на выявлении путей гармонизации общероссийской и этнической идентичностей [12] и т. д. Большое внимание изучению региональных идентификационных процессов, в том числе на Северном Кавказе, уделяется многими научными школами региона [13–17] и научно-исследовательскими учреждениями⁴.

Важное место в современной науке отводится вопросу о социальном конструировании коллективных (макросоциальных) идентичностей⁵ [18; 19].

Именно конструктивистский потенциал формирования и укрепления идентичностей занимает значимое место в исследовательской работе региональных политологов, социологов, этнологов, результаты которой востребованы как средствами массовой информации, так и органами власти, чья деятельность связана с управлением этнополитическими, социокультурными процессами. В статье сделан акцент на исследовании современного состояния идентификационного пространства Северного Кавказа и на определении вероятностных путей укрепления общероссийской идентичности, что становится наиболее актуальным в условиях резкого обострения геополитических противоречий.

Теоретико-методологический аспект. Известно, что понятие «идентичность» из области повседневного социально-психологического опыта личности постепенно трансформировалось в категорию политическую⁶. В научный оборот вошел и закрепился концепт «политика идентичности» (identity politics), что привело к теоретико-методологическому буму. Из всего многообразия толкований категории «политика идентичности» [20; 21] для целей нашего исследования наиболее оптимальной стала интерпретация, предложенная О. Ю. Малиновой: «политика идентичности как совокупность практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности»⁷. Более того, на современном этапе развития социально-гуманитарных знаний доминирует точка зрения о конструируемом характере идентичности через «продуцирование коллективных смыслов... посредством мифологии и истории, создание символической базы для мобилизации» идентичности [22, р. 153]. Основными субъектами целенаправленного воздействия на идентичность, как полагают исследователи, выступают государство и группы интересов [22]. Этой точки зрения поддерживаются и российские ученые, в частности О. Ю. Малинова: «identity policy – совокупности целенаправленных действий институциональных акторов, прежде всего – государства (но также, при определенных условиях, – религиозных институтов, политических партий и т. п.)»⁸.

⁴ Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / В. А. Авксентьев [и др.]. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 224 с.

⁵ The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak [et al.]. Edinburgh : University Press, 2009. 276 p.

⁶ Routledge Handbook of Identity Studies / ed. by A. Elliott. 2nd Edition. London ; New York : Taylor & Francis Group, Routledge, 2011. P. XXI. <https://doi.org/10.4324/9780203869710>

⁷ Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации. С. 10.

⁸ Там же.

Исходим из того, что суть такой деятельности сводится к формированию «общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему» (И. С. Семененко)⁹. Однако, как предостерегают политологи, в частности А. Якобсон, эти процессы происходят в конкретно-исторических этнокультурных и этнополитических средах, которые существенно ограничивают конструктивистский потенциал политических субъектов и влияют на конечный результат¹⁰. Именно поэтому, с точки зрения ряда политологов (Х. Бастос, Ч. Вестин), процессы формирования макросоциальных идентичностей могут быть поняты через призму успеха/неуспеха управления этнокультурным многообразием¹¹.

Опираясь на конструктивистский подход (разработанный М. Спектором и Д. Китсьюзом¹² и конкретизированный П. Бергером и Т. Лукманом¹³), формирование идентичности в рамках политики идентичности можно представить как процесс, где социальные взаимодействия, протекающие в социальной группе, у членов которой возникают эмпирически важные взаимные ожидания относительно поведения друг друга, приобретают характер регулярности, неизменности и устойчивости¹⁴. Благодаря этому создаются стабильные во времени дискурсы, становящиеся ядром конструирования идентичности [23, р. 864.]. Такую устойчивость общим когнитивным схемам, формирующим как региональную, так и общегосударственную идентичности, обеспечивают государственные институты и иные субъекты, такие как «символьная элита»¹⁵, СМИ и др.

В качестве теоретико-прикладной основы нашего исследования была привлечена аналитическая модель идентичности, предложенная М. В. Назукиной, согласно которой процесс конструирования идентичности реализуется на трех центральных уровнях политики идентичности, имеющих равнозначные по своей сущности величины: нормативном, нарративно-мифологическом и символическом [18, с. 84].

Нормативный уровень политики идентичности предполагает константное воспроизводство маркеров общероссийской / этнической идентичности в нормативно-правовых и политико-управленческих документах, в которых осуществляется «нормативное ранжирование» [18, с. 85] и закрепляются категории идентичности, что необходимо для официальных актов, касающихся этнонациональных основ государственности, национальной, языковой

⁹ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 648.

¹⁰ Yakobson A. Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism. Cambridge: University Press, 2013. P. 257–264.

¹¹ Identity Processes and Dynamics in Multi-Ethnic Europe / eds. by Ch. Westin [et al.]. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. P. 9.

¹² Spector M., Kitsuse J. I. Constructing Social Problems. New Brunswick : Transaction Publishers, 2001. 184 p.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

¹⁴ Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М. : РОССПЭН, 2011. С. 63.

¹⁵ Сагитова Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань : Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2018. С. 41–42.

и культурно-образовательной политик. Именно на этом уровне происходит соотнесение собственных представлений гражданина о приоритетах социального развития с идейно-политическими ориентирами и идеологическими целями политических акторов. В результате такой соотнесенности, а также вовлеченности граждан «в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности» происходит так называемая политическая самоидентификация человека с выступающими от его имени «субъектами политического процесса – партиями, массовыми движениями, группами интересов... с организациями гражданского общества» [9, с. 7–8].

Нарративно-мифологический уровень политики идентичности связан, главным образом, с установлением сущностных маркеров идентичности в доминирующем дискурсе памяти истории и в мифотворчестве региона. Это реализуется через репрезентацию исторической памяти регионального сообщества, актуализацию «прошлого» и манифестирование доминирующих нарративов, мифологем, ценностей [18, с. 85]. Краткую, но емкую характеристику нарративно-мифологическому уровню дала Г. В. Пушкарева: на данном уровне политики идентичности функционируют только те мифологемы и идеологемы, которые содержат «в себе интерпретации свойств и качеств нации, раскрывающих содержание коллективного Мы-образа» [24, с. 161]. Здесь создается вектор так называемой социальной самоидентификации, которая играет главенствующую «роль в формировании мотивации деятельности людей, в объединении их усилий для социального творчества и решения общественно значимых задач, в стабильном развитии общества и обеспечивающих его жизнедеятельность институтов» (И. С. Семененко) [9, с. 7].

Символический уровень политики идентичности в предложенной аналитической модели определяется как инкорпорирование маркеров идентичности в символические атрибуты региона, которые важны для процесса конструирования конкретной идентичности. Например, это включение маркеров этнической/общегосударственной идентичности в топонимику, культурный ландшафт, памятники, разнообразные социальные практики, пантеоны региональных героев. При этом «указатели» идентичности могут по-разному встраиваться и многопланово интерпретироваться [19, с. 698]. Именно на данном уровне создаются «узнаваемые символические опоры» идентичности, утверждаются и закрепляются ценностно-смысловые ориентиры, определяющие так называемую культурную самоидентификацию. Происходит наполнение макросоциальной идентичности эмоциональными смыслами, что в конечном итоге «может трансформироваться в ответственное действие» [9, с. 8].

Материалы и методы. На *нормативном уровне* процесс конструирования идентичности регулируется через официальную правовую информацию, формализованную в нормативно-правовых актах и образующую институциональные рамки, внутри которых функционируют процессы формирования и укрепления различных форм макросоциальной идентичности: общероссийской, этнической, конфессиональной и др. Документальную базу исследования составили региональные нормативные акты: конституции республик и Устав Ставропольского края, законы об образовании, молодежи, языках,

культуре, а также нормативные документы, закрепляющие цели, принципы и направления реализации региональной национальной политики. Изучение официальных правовых документов осуществлялось методом контент-анализа. Проанализировано 59 нормативно-правовых актов с учетом всех изменений, внесенных в них в 2022 г. В качестве нормативно-значимых категорий контент-анализа были взяты этнонациональные основы государственности, национальная, языковая и образовательная политики, патриотическое воспитание, культурная и молодежная политики. Выбор таких рубрик обусловлен пониманием конструирования идентичности как целенаправленного процесса, регулируемого государством и реализуемого в рамках политики идентичности различными институциональными акторами. Согласно выбранным смысловым единицам, по всему исследовательскому полю отображено 816 нормативных положений, соответствующих целям и задачам исследования. Анализ содержания нормативно-правовых документов по выбранным категориям предполагал распределение фрагментов текста в пределах дихотомической классификации: «способствует конструированию общероссийской идентичности на Северном Кавказе» – «способствует конструированию этнической идентичности на Северном Кавказе».

Нарративно-мифологический уровень политики идентичности исследовался через изучение современной северокавказской историографической мысли. Это обусловлено тем, что именно в работах по истории зафиксированы альтернативные, конкурирующие между собой образы общего прошлого России и Северного Кавказа, что очень важно для достижения целей исследовательского проекта. Был проведен дискурс-анализ научных публикаций представителей всех субъектов Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО). Документальной базой стали 262 журнальные статьи с 2015 по 2022 г., соответствующие рубрикатору дискурс-анализа (политическая история до 1917 г., Кавказская война, политика советской власти на Северном Кавказе, культурная революция, Великая Отечественная война, депортация) и находящиеся в свободном доступе в РИНЦ. Тексты статей изучались с точки зрения обнаружения в них дискурса или исторических травм, или консолидирующих региональное сообщество идей, или смешанной направленности: травма и консолидация.

Для понимания в рамках *символического уровня* политики идентичности и ответа на вопрос: что есть региональная система символов, смыслов и ценностей, способствующих укреплению общероссийской/этнической идентичности в социокультурном пространстве СКФО, в конце 2020 г. было проведено полуструктурированное интервью экспертов. В каждом из семи субъектов СКФО методом «снежного кома» были выявлены эксперты четырех категорий: представители административно-государственных структур, научного сообщества, национально-культурных объединений и лидеры мнений из числа СМИ, религиозных организаций, общественных организаций и т. д. Всего в опросе участвовали 119 экспертов, примерно по 17 из каждого субъекта¹⁶.

¹⁶ От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку их ответов.

Использование методической триангуляции (контент-анализа, дискурса-анализа, полуструктурированного интервью экспертов) дало возможность обеспечить устойчивость, убедительность, обоснованность и достоверность полученных количественно-качественных результатов и научных выводов.

Результаты исследования. Согласно результатам контент-анализа *нормативно-правовой базы* субъектов Федерации, образующих СКФО, количество текстуальных фрагментов распределилось в пределах дихотомической классификации «способствует конструированию общероссийской идентичности на Северном Кавказе» – «способствует конструированию этнической идентичности на Северном Кавказе» в целом равномерно: соответственно 402 и 414. Это означает, что в СКФО сложилось относительное равновесие между общероссийскими и этническими компонентами региональной политики идентичности на нормативно-правовом уровне. В определенной степени реализуется двуединая задача национальной политики Российской Федерации по укреплению общероссийского единства при сохранении этнокультурного многообразия.

Социокультурная целостность страны в контексте нормативного уровня региональной политики идентичности на Северном Кавказе обеспечивается прежде всего через официальную молодежную политику (65:25) и нормативную систему патриотического воспитания (57:16). Этнокультурное многообразие укрепляется за счет реализации языковой (91:57), культурной (71:38) и образовательной (40:31) политик. Важно иметь в виду, что в социокультурной сфере много внимания уделяется сохранению традиционных ценностей, к которым относятся и конфессиональные. Определенное преобладание этнического тренда свойственно также рубрикам «национальная политика» (127:114) и «этнонациональные основы государственности» (44:40). Так, в нормативно-правовом поле Северного Кавказа в пяти рубриках из семи наблюдается преобладание (существенное или номинальное) этнического тренда. Это означает, что, несмотря на некоторый баланс «общероссийского – этнического» на нормативном уровне региональной политики идентичности в СКФО, выявлена приоритетность этнического компонента, дополненного конфессиональным.

Для создания полной картины корреляции между общероссийским и этническим компонентами идентификационной матрицы жителей Северного Кавказа данная корреляционная зависимость была рассмотрена в разрезе субъектов Федерации, расположенных на территории СКФО. Исходя из полученных данных, наибольшее число фрагментов нормативных текстов, способствующих конструированию общероссийской идентичности, содержится в правовых документах Ингушетии (87 против 54), Чеченской Республики (69:50) и Ставропольского края (66:56). Приоритетность этнического компонента зафиксирована в правовых актах Дагестана (78 против 41), Кабардино-Балкарии (77:46) и Северной Осетии – Алании (41:32). Для Карачаево-Черкесии характерна относительная равновесность показателей (58:61). В официальных документах ряда субъектов, вне зависимости от того, какой компонент идентичности преобладает, есть положения, которые несут в себе конфликтность, например в нормативной базе Ингушетии.

Итак, существующий нормативный уровень региональной политики идентичности характеризуется некоторым преобладанием этнического аспекта, дополненного конфессиональным, при относительном балансе текстовых фрагментов, способствующих конструированию как общероссийской, так и этнической идентичностей.

Проведенный в рамках изучения *нарративно-мифологического уровня* политики идентичности дискурс-анализ научных изданий северокавказских ученых показал, что в целом по всем субъектам СКФО статей, задающих консолидирующий тренд, выявлено существенно больше, чем публикаций, эксплицирующих исторические травмы: 138 против 99 соответственно.

Однако относительно отдельных субъектов картина иная. Так, историки Ингушетии делают явный акцент на травмирующих сюжетах (27 против 6). Ученые, представляющие Ставропольский край (24:14), Северную Осетию (23:6) и Чечню (26:1), обнаружили в историческом прошлом прежде всего консолидирующие тренды. В Кабардино-Балкарии (24:30), Дагестане (24:20) и Карачаево-Черкесии (7:5) статьи по рубрикам «травма/консолидация» распределились относительно равномерно.

На пропорциональное соотношение статей оказала влияние и тематика публикаций. Преобладание идей консолидации свойственно рубрикам «Великая Отечественная война» (18:2), «культурная революция» (13:0) и «политическая история», затрагивающая вопросы административно-политического и социально-экономического обустройства Северного Кавказа в периоды до и после Кавказской войны (65:26). Есть необходимость отметить факт неактивности исследовательской деятельности ученых некоторых северокавказских регионов при изучении такой героической страницы истории нашей страны, как Великая Отечественная война даже в год 75-летия Великой Победы.

Приоритет дискурса исторической травмы характерен при описании событий Кавказской войны (32:20) и депортации в 1943–1957 гг. (14:0). Травмирующий контекст темы Кавказской войны нашел отражение в таких негативных оценках, как «порабощение горцев», «агрессивная и жестокая политика России на Кавказе» и т. п. В то же время при описании депортации ряда народов Северного Кавказа, которая традиционно воспринимается в качестве травмы, нашлись консолидирующие сюжеты: в частности описываются позитивные практики взаимодействия переселенцев с местным населением, успешной самореализации депортированных в профессиональной деятельности. Такие сюжеты имеют место в исследованиях чеченских историков. С небольшим перевесом травмирующей оценки рассматривается реализация политики советского государства на Северном Кавказе (25:22).

Также необходимо констатировать, что часть публикаций по всей анализируемой проблематике характеризуется переплетением дискурсов травмы и консолидации (25 статей), когда для исследователей те или иные исторические события невозможно интерпретировать однозначно. Более всего такие смешанные оценки даны при описании событий политической истории как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и после нее.

Таким образом, нарративно-мифологический уровень региональной политики идентичности на Северном Кавказе отличается преобладанием в коммеморации консолидирующих идей при серьезной актуализации исторических травм по тем событиям прошлого, которые в силу социально-психологических последствий могут использоваться в качестве средства этнической мобилизации и активизации протестного движения.

Важность изучения *символического уровня* политики идентичности обусловлена, как отмечалось, возможной деформацией идентичности в результате десимволизации социокультурной целостности личности и общества, потери чувства «органической солидарности» (Т. Парсонс) в региональном сообществе, утраты общих ценностей и смыслов. Для конструирования идентичности необходимо наличие системы символов, имеющей общенациональное значение. Одним из наиболее существенных факторов социального согласия и общенациональной консолидации выступает символическая репрезентация Родины – Отечества. В ходе опроса экспертов были выявлены достаточно устойчивые общероссийские традиционные ценности, ставшие скрепами общероссийской идентичности: любовь к Родине, как малой, так и большой; достижения России, ценности семьи, религии и др. Установлено, что большая часть смыслов символического поля относится к героическому историческому прошлому, центральным смыслом-символом которого стал День Великой Победы (9 мая 1945 г.). Современными солидаризирующими событиями выступили воссоединение Крыма с Россией, Олимпиада в Сочи, Чемпионат мира по футболу. По мнению экспертов, именно награждение победителей в спортивных событиях под исполнение российского гимна и поднятие российского флага приобрели символическое значение.

Показательным моментом символического уровня стала фиксация региональных «символьных объектов» в качестве символов общероссийской идентичности, как пример, «Самурский лес – единственный в России лиановый лес», «Домбай, Теберда – российские здравницы с многолетней историей» или «Специальная астрофизическая обсерватория РАН в п. Архыз – крупнейший научный центр России» и т. д.

Однако акцент экспертов на региональных символах, репрезентирующих этническую идентичность, преобладает в их ответах. Например, развернутые афоризмы северокавказской направленности: «Высокогорное озеро Казеной-ам – загадка Кавказа», «Кабардино-Балкария – жемчужина Кавказа» и др., или фразеологизмы локальной значимости, в частности: «Горы и башни – самый главный символ ингушей», «Ставрополь – крепость-город креста», или краткие словосочетания: осетинские пироги, мечеть «Сердце Чечни», горнолыжные курорты Домбая, Кавказские Минеральные Воды и др.

Обсуждение и заключение. Как показал анализ результатов изучения нормативного уровня региональной политики идентичности, в правовом пространстве наиболее значимых с точки зрения конструирования идентичности сфер общественной жизни Северного Кавказа – культурно-языковой и образовательной – сформировалось преобладание этнического тренда, а в собственно культурной сфере – и конфессионального. Однако преобладание

общероссийского компонента в таких областях, как социализация и воспитание подрастающего поколения, обеспечивает определенную сбалансированность нормативного уровня региональной политики идентичности. При оценке содержания нормативной базы были выявлены устаревшие положения в отдельных нормативно-правовых актах, например в законах о молодежной политике. Динамика этнополитических, социокультурных процессов требует своевременных преобразований законодательных рамок политики идентичности. Кроме этого, в некоторых нормативных актах, в частности касающихся этнонациональных основ государственности, есть положения, осложняющие институциональное конструирование общероссийской идентичности, например не актуализируется целостность общероссийского пространства. Важно, следовательно, привести нормативно-правовую базу субъектов Федерации, входящих в состав СКФО, в соответствии с происходящими современными преобразованиями и Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁷, а также с объективной потребностью в акцентуализации целостности Российской Федерации.

Анализ нарративно-мифологического уровня политики идентичности свидетельствует о разобщении регионального научного сообщества на этнокультурные, этнополитические объединения. Коммеморативные практики политологов, историков Северного Кавказа содержат не только разноплановые, но нередко прямо противоположные оценки исторических событий, обуславливающих процесс формирования этнической идентичности и, следовательно, имеющих значение нациестроительства для локальных северокавказских сообществ. Нередко оценочные суждения настолько противоположны, что консолидирующие и травмирующие выводы в исследуемых статьях получили самостоятельную, отгороженную друг от друга значимость. Амбивалентное отношение исследователей СКФО к истории усложняет процесс целеориентированного конструирования общероссийской идентичности и даже временами придает конфликтность процессам формирования локальных этнических идентичностей.

Согласно анализу результатов экспертного опроса, символический уровень региональной политики идентичности в СКФО находится на начальном этапе формирования. Эксперты обратили внимание на происходящий в современном российском обществе сложный процесс переосмысления ценностей, переоценки исторических событий, который начался во второй половине 1980-х гг. и привел к фрагментации когда-то относительно единого ценностно-смыслового пространства советского общества. При этом события 1990–2000-х гг. усилили оценочно-ценностный раскол российского общества, и всякие попытки со стороны любого сообщества «ввести» относительно сбалансированные оценки ключевых исторических событий лишь усиливают противостояние.

Таким образом, можно сделать обобщенный вывод, что сформировавшаяся макросоциальная идентичность в СКФО характеризуется для многих жителей

¹⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 13.02.2024).

республик Северного Кавказа определенной приоритетностью этнической, в том числе конфессиональной, идентичности, что обеспечивается реализацией сложившейся в культурно-языковой сфере правовой базы. В то же время в просветительно-образовательной сфере, поддерживающей историческую память, сложилась многополярность мнений. Это серьезно осложняет целенаправленный процесс конструирования общероссийской идентичности. Затрудняет данный процесс и несформированность символического уровня региональной политики идентичности, несмотря на отсутствие ярко выраженного преобладания в нем этнокультурных символов и ценностей.

Однако, согласно разработкам ряда современных зарубежных [25] и отечественных ученых [26], приоритетность этнических векторов в региональном развитии по отношению к общероссийским создает риски и угрозу «сползания» региона к этнополитическим конфликтам, активизации национализма и сепаратизма. В частности, некоторые из зарубежных исследователей¹⁸ пришли к выводу о серьезных негативных последствиях политизации этничности в виде актуализации рисков насильственных конфликтов. С точки зрения ряда российских политологов-этнологов, в ситуации усиления так называемой первичной идентичности, основой которой выступает культурно-историческая, этническая, конфессиональная самобытность, неизбежно рождается этнополитическое противостояние или даже конфликт [27, с. 145]. Такую неизбежность ученые связывают с возвращением к корням групповой «органической солидарности», возрастающей из-за сил, якобы угрожающих групповой идентичности и ведущей, в конечном счете, к отказу от диалога с «другим»/«иным» [27, с. 146]. Именно поэтому, как утверждает Э. Гидденс, в основу взаимодействия различных общностей, особенно этнических, конфессиональных, следует ставить не этнокультурную или этноконфессиональную самобытность, а общечеловеческие принципы и ценности [28]. Однако есть и другое утверждение: в полиэтничном сообществе принижение роли этнического фактора в политике может обусловить разрушение целостности страны и гражданского спокойствия в обществе [29, с. 10]. Это указывает на объективную неизбежность установления баланса между общероссийскими и этническими компонентами макросоциальной идентичности, обеспечивающего этноконфессиональное, этнополитическое и культурно-историческое согласие в полиэтничном сообществе Северного Кавказа. И здесь обостряется проблема прикладного характера: каким должен быть этот баланс. Вероятно, для каждого субъекта данный баланс формируется в зависимости от культурно-исторического, этноконфессионального опыта сосуществования в едином общероссийском пространстве.

В то же время в условиях резкого возрастания на Юге России геополитических вызовов и угроз представляется целесообразным усиливать конструирование общероссийской идентичности в рамках региональной политики. С этой целью важно более четко зафиксировать приоритетность ценностей общероссийской

¹⁸ Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized Ethnicity. Perspectives in Comparative Politics*. New York : Palgrave Macmillan, 2016. 187 p.; Adediji A. *The Politicization of Ethnicity as Source of Conflict: The Nigerian Situation*. Wiesbaden : Springer VS, 2016. 529 p.

идентичности в нормативно-правовых документах, касающихся системы образования как базового института гражданской социализации. Учебный процесс повсеместно должен опираться на те фундаментальные дидактические единицы, которые обеспечивают диалог российских граждан «на одном языке». Кроме того, в воспитательной работе как части образовательного процесса обязателен переход от ориентации на развлекательный контент к регулярной общественно-полезной деятельности, способной сформировать такие качества, как ответственность, долженствование, коллективизм и т. п. Действенное патриотическое воспитание также невозможно без деятельностного процесса, в рамках которого молодой человек становится субъектом активного социально-политического поведения.

При поиске путей решения проблем конструирования исторической памяти как содержательной части нарративно-мифологического уровня региональной политики идентичности, возможно, следует учесть мнение одного из экспертов: «формированию адекватных и однозначных оценок ключевых исторических событий... может способствовать только внешняя угроза, когда возникнет чувство необходимости объединиться, чтобы противостоять врагу». Возможно, он прав, и тогда специальная военная операция может стать тем событием, которое актуализирует «чувство необходимости объединиться». Также для формирования компромиссного видения совместного исторического прошлого России и Северного Кавказа нужна акцентуация культурно-исторических традиций сосуществования северокавказских сообществ как неотъемлемой части единой Российской Федерации.

Успешное конструирование общероссийской идентичности в северокавказском сообществе предполагает активизацию символической политики не только на региональном, но и на федеральном уровнях. Следует инициировать ценностно-смысловые проекты патриотической направленности, опирающиеся на образы настоящего и идеалы будущего. Необходимо актуализировать работу по наполнению эмоционально-смысловым содержанием государственных праздников современной России. Нужно активнее применять практику межрегиональных проектов, обеспечивающих тесную связь Северного Кавказа с другими регионами России. С точки зрения интенсификации символического уровня региональной политики идентичности важно системно продвигать символику Северного Кавказа как общероссийские смыслы-символы в общефедеральном информационном пространстве.

В качестве еще одного пункта отметим обязательный мониторинг идентификационной сферы. Только систематическое отслеживание в каждом из субъектов СКФО процесса укрепления общероссийской идентичности, ее взаимодействия с другими компонентами макросоциальной идентичности (этнической, конфессиональной, региональной) позволит иметь реальное представление о проводимой в регионе политике идентичности, о социокультурной почве, на которой «взращивается» общероссийская идентичность, об эффективности деятельности институтов, обеспечивающих эту политику, о путях корректировки процесса конструирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе.

Полученные в ходе анализа результаты могут быть полезны в научно-экспертной деятельности при подготовке аналитических материалов и экспертных заключений для заинтересованных органов, в том числе органов власти, и организаций. Итоги исследования могут использоваться при разработке и корректировке доктринальных и иных документов в области политики идентичности. Аналитические материалы найдут применение в работе средств массовой коммуникации и в образовательном процессе. Полученные результаты могут стать основой при разработке концепции укрепления общероссийской идентичности в северокавказском регионе в контексте новой этнокультурной, геополитической ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки / В. А. Авксентьев [и др.] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 1. С. 72–86. <http://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105>
2. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки / В. А. Авксентьев [и др.] // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 1. С. 115–124. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-115-124>
3. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education // Educational Philosophy and Theory. 2018. Vol. 50, no. 3. Pp. 287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
4. Beland D. Identity, Politics, and Public Policy // Critical Policy Studies. 2016. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>
5. Wald N. Bridging Identity Divides in Current Rural Social Mobilization // Identities. Global Studies in Culture and Power. 2013. Vol. 20, no. 5. Pp. 598–615. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001>
6. Klandermans P. G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // Political Psychology. 2014. Vol. 35, no. 1. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.1111/POPS.12167>
7. Orjuela C. Corruption and Identity Politics in Divided Societies // Third World Quarterly. 2014. Vol. 35, issue 5. Pp. 753–769. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.921426>
8. Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
9. Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 2. С. 5–24. EDN: ONHDON
10. Тишков В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 4. С. 408–412. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
11. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // Политическая концептология. 2018. № 1. С. 171–191. <https://doi.org/10.23683/2218-5518.2018.1.171191>
12. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52. URL: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2021/04/%D0%92%D0%A0%D0%9D-2021-%E2%84%96-1.pdf> (дата обращения: 13.03.2024).
13. Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 112–125. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>
14. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–26. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>

15. Клименко Л. В., Жаде З. А., Петрулевич И. А. Идентичность населения полиэтнического Юга России в контексте социальной интеграции макрорегиона // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 3. С. 145–156. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-03/11.shtml (дата обращения: 13.03.2024).
16. Шадже А. Ю. Идентичность молодежи в междисциплинарной парадигме // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 172–180. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51782>
17. Киреева И. В., Куква Е. С., Ляушева С. А. Региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае (по материалам исследования методом фокус-группы) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 1. С. 189–201. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.14>
18. Назукина М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78–92. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
19. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 4. С. 698–717. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
20. Bernstein M. Identity Politics // Annual Review of Sociology. 2005. Vol. 31. Pp. 47–74. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>
21. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 50, issue 3. Pp. 287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
22. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M. The Discursive Construction of National Identity // Discourse and Society. 1999. Vol. 10, issue 2. Pp. 149–171. <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>
23. Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity // Annals of the Association of American Geographers. 2012. Vol. 102, issue 4. Pp. 863–880. <https://doi.org/10.1080/00045608.2011.602934>
24. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
25. Pedersen D., Kienzler H. Ethnic Conflict and Public Health // International Encyclopedia of Public Health. 2017. Vol. 2. Pp. 36–45. <https://doi.org/10.1016/B978-012373960-5.00391-9>
26. Семенова Ю. А. Формирование гражданской идентичности в условиях современного российского общества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 16. 2010. № 1 (182). С. 104–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obshchestva/viewer> (дата обращения: 13.03.2024).
27. Файзуллин Ф. С., Файзуллин Т. Ф. Этничность и этнонациональный потенциал развития общества // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 140–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyy-potentsial-razvitiya-obshchestva/viewer> (дата обращения: 13.03.2024).
28. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность // Отечественные записки. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost.html> (дата обращения: 10.03.2024).
29. Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А. Федеративная демократия и единство многонациональной страны // Публичное и частное право. 2014. № 3 (23). С. 7–18. EDN: TBVVJD

REFERENCES

1. Avksentiev V.A., Aksumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Formation of Russian Identity in the North Caucasus: Institutional and Sociocultural Framework. *Political Expertise: POLITEX*. 2022;18(1):72–86. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105>
2. Avksentiev V.A., Aksumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. All-Russian Identity in the North Caucasus: Expert Assessment. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(1):115–124. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-115-124>
3. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education. *Educational Philosophy and Theory*. 2018;50(3):287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>

4. Beland D. Identity, Politics, and Public Policy. *Critical Policy Studies*. 2016;11(1):1–18. <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>
5. Wald N. Bridging Identity Divides in Current Rural Social Mobilization. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2013;20(5):598–615. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001>
6. Klandermans P.G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest. *Political Psychology*. 2014;35(1):1–22. <https://doi.org/10.1111/POPS.12167>
7. Orjuela C. Corruption and Identity Politics in Divided Societies. *Third World Quarterly*. 2014;35(5):753–769. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.921426>
8. Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. *Polis. Political Studies*. 2016;(4):8–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
9. Semenenko I.S. Political Identity and Identity Politics. *Political Expertise. POLITEX*. 2011;7(2):5–24. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **ONHDON**
10. Tishkov V.A. Russia's Identity: Grand Challenges. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2019;89(4):408–412. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
11. Pain E.A., Fedyunin S.Yu. The Problems of the Civil Nation in Russia and in the West: General and Special. *Political Conceptology*. 2018;(1):171–191. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23683/2218-5518.2018.1.171191>
12. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. All-Russian Identity in the Sociological Dimension. *Bulletin of Russian Nation*. 2021;(1-2):39–52. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2021/04/%D0%92%D0%A0%D0%9D-2021-%E2%84%96-1.pdf> (accessed 13.03.2024).
13. Erokhin A.M., Vorobev S.M., Avdeev E.A. Ethnopolitical Processes in the Caucasus: Identity Conflict and Political Activity of Youth. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021;26(5):112–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>
14. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Hybrid Identity: Factors of Formation and Forms of Manifestation. *Humanities of the South of Russia*. 2022;11(2):15–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>
15. Klimenko L.V., Zhade Z.A., Petrulovich I.A. Identity of the Population of the Multiethnic South of Russia in the Context of Societal Integration of the Macoregion. *Central Asia and the Caucasus*. 2021;22(3):136–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://ca-c.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-03/11.shtml (accessed 13.03.2024).
16. Shadzhe A.Yu. Youth Identity in the Interdisciplinary Paradigm. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. 2022;(2):172–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51782>
17. Kireeva I.V., Kukva E.S., Lyausheva S.A. Regional Identity Policy in the Republic of Adygea and Krasnodar Region (Based on Focus-Group Discussion). *Humanities of the South of Russia*. 2023;12(1):189–201. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.14>
18. Nazukina M.V. The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis. *Polis. Political Studies*. 2020;(3):78–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
19. Nazukina M.V. Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2018;26(4):698–717. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
20. Bernstein M. Identity Politics. *Annual Review of Sociology*. 2005;31:47–74. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>
21. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education. *Educational Philosophy and Theory*. 2017;50(3):287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
22. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M. The Discursive Construction of National Identity. *Discourse and Society*. 1999;10(2):149–171. <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>
23. Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity. *Annals of the Association of American Geographers*. 2012;102(4):863–880. <https://doi.org/10.1080/00045608.2011.602934>
24. Pushkareva G.V. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. *Polis. Political Studies*. 2017;(5):156–173. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>

25. Pedersen D., Kienzler H. Ethnic Conflict and Public Health. *International Encyclopedia of Public Health*. 2017;2:36–45. <https://doi.org/10.1016/B978-012373960-5.00391-9>
26. Semenova Yu.A. [Formation of Civil Identity in the Conditions of Modern Russian Society]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy Sciences*. 2010;(1):104–108. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva/viewer> (accessed 13.03.2024).
27. Faizullin F.S., Faizullin T.F. Ethnicity and Ethno-National Potential of the Development of Society. *Vestnik VEGU*. 2014;(4):140–147. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyy-potentsial-razvitiya-obschestva/viewer> (accessed 13.03.2024).
28. Giddens E. [What Will Be Tomorrow: Fundamentalism or Solidarity]. *Otechestvennye zapiski*. 2003;(1). (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost.html> (accessed 13.03.2024).
29. Abdulatipov R.G., Mikhailov V.A. Federal Democracy and the Multinational Country Unity. *Public and Private Law*. 2014;(3):7–18. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **TBVVJD**

Об авторе:

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8281-7409>, Researcher ID: **AAC-7640-2022**, Scopus ID: **23975990100**, dissovet@rambler.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 13.06.2023; поступила после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 12.09.2023.

About the author:

Galina D. Gritsenko, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 41344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8281-7409>, Researcher ID: **AAC-7640-2022**, Scopus ID: **23975990100**, dissovet@rambler.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 13.06.2023; revised 28.08.2023; accepted 12.09.2023.

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.463-483

УДК 323.2(470.316)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Практики низовой гражданской активности в Ярославской области: проблемы и результаты реализации

А. В. Соколов ✉

А. А. Фролов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(г. Ярославль, Российская Федерация)

✉ alex8119@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена возрастанием значимости и усложнением горизонтальных общественных связей в общественно-политических процессах, увеличением количества практик низовой гражданской активности на региональном и местном уровнях, в том числе с использованием новых информационно-коммуникационных технологий. Цель исследования – выявить причины инициирования, особенности организации и практической реализации низовой гражданской активности, а также специфику взаимодействия ее ключевых акторов в современных общественно-политических условиях в Ярославской области.

Материалы и методы. Эмпирической основой исследования выступает 21 практика низовой гражданской активности в Ярославской области, анализ которых проводился методом кейс-стади с элементами сравнительного анализа. Данный метод позволил изучить указанные практики низовой гражданской активности в их комплексности и целостности, а также выявить их ключевые характеристики и факторы, влияющие на них.

Результаты исследования. Проведено сравнение основных практик низовой гражданской активности, которые проходили в Ярославской области за последние годы. Выявлены основные механизмы и субъекты низовой гражданской активности, процессы взаимодействия акторов. Определена роль информационно-коммуникационных технологий в организации низовой гражданской активности. Также были обозначены проблемы организации низовой гражданской активности и взаимодействия ключевых ее субъектов.

Обсуждение и заключение. Исследование выявило ключевые характеристики низовой гражданской активности: значимых акторов, их цели, мотивы, ресурсы и методы действий, особенности освещения в СМИ и использование информационно-коммуникационных технологий. Результаты исследования будут полезны для повышения эффективности работы местных органов власти с разными формальными и неформальными организациями и объединениями граждан. Они помогут выстраивать работу с данными группами, учитывая выявленные особенности в реализации практик низовых гражданских инициатив в Ярославской области.

Ключевые слова: низовая гражданская активность, Ярославская область, гражданское участие, территориальное общественное самоуправление

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Соколов А. В., Фролов А. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств Программы развития Ярославского государственного университета до 2030 г., проект № GM-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

Для цитирования: Соколов А. В., Фролов А. А. Практики низовой гражданской активности в Ярославской области: проблемы и результаты реализации // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 463–483. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.463-483>

Practices of Grassroots Civic Activity in the Yaroslavl Region: Problems and Results of Implementation

A. V. Sokolov ✉, A. A. Frolov

P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation)

✉ alex8119@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the increasing importance and complexity of horizontal public relations in socio-political processes, an increase in the number of practices of grassroots civic activity at the regional and local levels, including the use of new information and communication technologies. The purpose of the article is to identify the causes of initiation, the specifics of the organization and practical implementation of grassroots civic activity, as well as the specifics of the interaction of its key actors in modern socio-political conditions in the Yaroslavl Region.

Materials and Methods. The empirical basis of the study is 21 practices of grassroots civic engagement in the Yaroslavl Region, the analysis of which was carried out by the case-study method with elements of comparative analysis. The case-study method made it possible to study these practices of grassroots civic engagement in their complexity and integrity, and also identified their key characteristics and factors influencing them.

Results. A comparison of the main practices of grassroots civic engagement that have taken place in the Yaroslavl Region in recent years has been made. The main mechanisms and subjects of grassroots civic engagement, processes of interaction between actors are identified. The role of information and communication technologies in the organization of grassroots civic engagement was determined. The problems of grassroots civic engagement organization and interaction of its key actors were also outlined.

Discussion and Conclusion. The study revealed the key characteristics of grassroots civic activity: significant actors, their goals, motives, resources and methods of action, features of media coverage and the use of information and communication technologies. The results of the study will be useful for improving the efficiency of the work of local authorities with various formal and informal organizations and associations of citizens. They will help to build work with these groups, taking into account the identified features in the implementation of practices of grassroots civil initiatives in the Yaroslavl Region.

Keywords: grassroots civic activity, Yaroslavl Region, civic engagement, territorial public self-government

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was funded by the Development Program of Yaroslavl State University until 2030, project No. GM-2023-5 Grassroots Civic Engagement in the Yaroslavl Region: Normative Regulation and Implementation Practices.

For citation: Sokolov A.V., Frolov A.A. Practices of Grassroots Civic Activity in the Yaroslavl Region: Problems and Results of Implementation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):463–483. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.463-483>

Введение. Повышение значимости и усложнение горизонтальных общественных связей актуализируют исследование низовой гражданской активности. Обнаружение сущностных характеристик этой активности, условий, факторов и региональной специфики ее проявления не только позволяет аккумулировать информацию для расширения теоретической базы исследований, но и имеет прогностический аспект, который объясняет, как граждане могут функционировать

в меняющемся обществе в условиях накопившихся дефицитов и противоречий. Кроме того, важно выявить закономерности взаимодействия муниципальных, региональных органов власти с другими общественно-политическими акторами в процессе осуществления гражданской активности и получаемых ее результатов (увеличение числа некоммерческих организаций, благотворительных мероприятий), регулирования процессов, связанных с урбанизацией (в том числе со строительством, застройкой), контроля экологических проблем, привлечения граждан в проекты по инициативному бюджетированию и др.

Гражданская активность направлена на изменения, трансформацию социальных или общественных вопросов. Примеры гражданской активности могут быть разнообразными: создание групп по территориальному самоуправлению, участию в общественных обсуждениях и публичных слушаниях; инициирование общественного контроля за действиями местной власти; организация культурно-массовых и просветительских мероприятий; активизация участия в избирательном процессе и др. Определяющей в данном случае является инициатива, исходящая от граждан и направленная на изменения локального социума, содействие развитию осознанного гражданского участия и решение локальных проблем.

Изучение трансформации гражданской активности актуализируется в связи с наблюдаемыми процессами цифровизации, влияющими на ключевые общественно-политические процессы. В результате низовая гражданская активность находит новые формы и инструменты для реализации инициатив, содействующих решению локальных проблем. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-платформы и онлайн-приложения становятся средствами координации, обмена информацией и привлечения внимания к значимым проблемам. В результате расширяются возможности участия граждан и формы их вовлечения в процессы принятия решений. Таким образом, развитие и трансформация онлайн-участия оказывают положительное влияние на формирование низовой гражданской активности, которая становится важным элементом публичного пространства, способствует развитию гражданского участия и улучшению жизни в локальном социуме.

Поэтому представляется востребованным изучение практик низовой гражданской активности на местном и региональном уровнях. При этом важным является определение в низовой гражданской активности стратегий действия ключевых акторов, особенностей взаимодействия субъектов в проводимых общественных кампаниях, их масштабов, тематик и др.

Цель исследования – установление причин инициирования, особенностей организации и практической реализации низовой гражданской активности, а также специфики взаимодействия ее ключевых акторов в современных общественно-политических условиях в Ярославской области.

Обзор литературы. В широком понимании гражданская активность – это возможность реализации собственных идей, ответственное отношение к окружающему миру, способ изменить роль с пассивного наблюдателя на человека, принимающего активное участие в жизни общества [1]. Поэтому существует необходимость искать новые подходы для анализа процессов гражданской активности в современном обществе, так как вопросы актуализации роли гражданина и преобразования государственных и муниципальных институтов требуют этого [2].

Как отмечает Р. В. Парма, гражданская активность в ряде исследований рассматривается как «действия индивидов, направленные на решение значимых общественных проблем» [3]. С периода пандемии COVID-19 актуализировались вопросы социальной самоорганизации и гражданской активности населения. Так, Д. В. Хрипкова считает, что во время пандемии ограничение возможности объединения людей приводило к нестабильности и непостоянству форм самоорганизации¹. Е. В. Морозова отмечает, что для разных социальных групп, например молодежи, период COVID-19 стал фактором повышения протестного потенциала из-за разочарования в предпринятых государством мерах поддержки населения во время самоизоляции [4].

Практики участия граждан в решении проблем на локальном уровне часто рассматриваются с точки зрения механизмов инициативного бюджетирования [5; 6]. Авторы демонстрируют активную деятельность местных сообществ через законодательное закрепление возможности участия жителей в распределении части бюджетных средств муниципального образования посредством инновационной технологии инициативного бюджетирования. Проблемы и результаты ее реализации анализируются в работе М. В. Блохиной и Л. Г. Григорьева на примере «Программы поддержки местных инициатив» в Тверской области², а также в работах В. Ю. Пашкуса и И. А. Савельева на примере муниципальных образований Санкт-Петербурга [7].

Отдельным направлением является изучение локальных инициатив, связанных с благоустройством, урбанистическими процессами и экологическими проблемами [8]. Жители локальных территорий могут объединяться в инициативные группы для решения конкретных проблем своего местного сообщества. Формами такой активности являются территориальное общественное самоуправление [9], волонтерская деятельность, способствующая развитию гражданской активности и приобретению жизненного опыта [10].

Таким образом, гражданская активность – это способ развития навыков общения с другими людьми, поиска компромиссов между личными и общественными интересами и целями. Она содействует формированию и развитию социального капитала, т. е. ресурсов и возможностей, которые предоставляются через социальные связи и участие в различных объединениях [11].

Гражданская активность может вносить значительный вклад в развитие территорий, содействовать решению социально значимых проблем. Подход «снизу вверх» в данном случае увеличивает результативность коллективных усилий [12], так как их инициаторы берут на себя ответственность [13]. Исследователи отмечают, что значимым результатом низовой гражданской активности выступает формирование местного сообщества, консолидируемого на основе общих

¹ Хрипкова Д. В. Гражданская активность в системе социальных взаимоотношений: региональный аспект // Экономико-управленческий конгресс : сб. ст. по материалам Международного научно-практического мероприятия (30 октября 2020 г., Белгород). Белгород : Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2020. С. 185–187.

² Блохина М. В., Григорьев Л. Г. Проблемы и перспективы развития гражданской активности населения в Тверском регионе // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: восьмой ежегодный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ. В 2 ч. Часть 2. Тверь : Твер. гос. техн. ун-т, 2020. С. 14–20.

интересов его членов³. Также ученые уточняют, что сообщества могут выступать равноправными партнерами для органов власти и бизнеса в решении вопросов местного значения [6]. Тем самым формируется переплетенный сформированными связями социум, заинтересованный в преобразовании территории на основе личной информированности, вовлеченности в решение проблем и выработку решений [14].

В зарубежных исследованиях низовая гражданская активность рассматривается, главным образом, через призму теории коллективного действия⁴. При этом отмечается, что принципиальное значение имеет степень организованности инициативного меньшинства, а также учет им интересов других групп населения [15]. В то же время, мобилизацию широких масс населения как значимый фактор успешности действия активистов указывал С. Джаггерс [16]. С увеличением количества участников гражданской активности возрастает значимость такого феномена, как коллективная идентичность [17], а также доверие внутри группы и сформированность норм взаимодействия [18]. При этом исследователи указывают, что социально значимые проблемы являются более мотивирующим фактором к организации гражданской активности [19].

В связи с развитием информационно-коммуникативных технологий возрастает потребность в изучении низовых форм гражданской активности в современном цифровом пространстве [20; 21]. Особое значение приобретает и поддержка индивидуумами различных инициатив в интернете [22]. Активисты в интернете применяют различные способы и приемы действий, которые позволяют делать их неожиданными, массовыми, эмоционально окрашенными [23]. Тем самым формируются новые формы гражданского участия [24] и практики общественно-политического контроля [25].

Таким образом, формируется специфический феномен – низовая гражданская активность, которая представляет собой актуальное явление, требующее не только изучения самого понятия, но и исследования его форм проявления и результатов (в том числе в цифровом пространстве). Определение сущностных характеристик гражданской активности, условий, факторов и региональной специфики проявления дает возможность не только накопления информации для увеличения объема теоретических основ изучения, но и прогностический аспект, дающий ответ на возможное поведение граждан в изменяющемся обществе.

Материалы и методы. Анализ низовой гражданской активности осуществлялся методом кейс-стади с элементами сравнительного анализа. Он позволяет изучить отдельные случаи или явления в их комплексности и целостности, а также выявить их ключевые характеристики и факторы, влияющие на них.

В ходе исследования был проведен сбор и анализ данных из открытых источников по 21 практике низовой гражданской активности в Ярославской области:

- попытка застройки части Тверицкого бора (г. Ярославль), 2018–2023 гг.;
- перенос троллейбусного депо и передача его территории под застройку (г. Ярославль), 2019–2022 гг.;

³ Уханова Ю. В. Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда : ВолНИЦ РАН, 2022. 255 с.

⁴ Klandermans B. Collective Political Action // Oxford Handbook of Political Psychology / eds. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, UK : Oxford University Press. 2003. Pp. 670–709.

- недовольство жителей работой главы Тутаевского района (г. Тутаев), 2016 г. – январь 2022 г.;
 - проект застройки на месте стадиона «Локомотив» (г. Ярославль), 2017–2023 гг.;
 - снос исторического комплекса «Мыркинские мельницы» (г. Рыбинск), октябрь – декабрь 2021 г.;
 - проект «ЯрЭкомобиль | ЭкоЛофт ЛУВР» (г. Ярославль), 2019–2023 гг.;
 - строительство мусоросжигательного завода (г. Ярославль), 2022 г.;
 - проект «Ярославль в цвету: новая волна» (г. Ярославль), 2022–2024 гг.;
 - благоустройство баскетбольной площадки на ул. Алмазная (г. Ярославль), 2023 г.;
 - благоустройство баскетбольной площадки на ул. Маланова (г. Ярославль), 2023 г.;
 - реализация проекта «Живые страницы истории трудовой доблести Ярославля: перезагрузка памяти» (г. Ярославль), сентябрь 2022 г. – июнь 2023 г.;
 - восстановление памятника рабочим, погибшим во время стачек 1895 и 1905 гг. (гражданская инициатива А. Стажкова), ноябрь 2022 г. – 2023 г.;
 - проект «Машины Победы. Связь времен и поколений» (Автономная некоммерческая организация содействия духовному и нравственному развитию детей и молодежи «Благодарность. Опора. Надежность») (Ярославская область), ноябрь 2021 г. – май 2022 г.;
 - установка уличного освещения от ЖК «Классика» до проспекта Фрунзе (г. Ярославль), 2020 г.;
 - вырубка аварийных деревьев в пос. Сокол (г. Ярославль), октябрь – декабрь 2022 г.;
 - установка волейбольной площадки на 2-й Ляпинской улице (г. Ярославль), август 2022 г. – июнь 2023 г.;
 - застройка Плещеева озера (на территории г. о. Переславля-Залесского), 2020–2023 гг.;
 - экологическая катастрофа на р. Вексе (на территории г. о. Переславля-Залесского), август 2023 г.;
 - деятельность по защите бездомных животных (на территории Ярославской области), 2016–2023 г.;
 - расширение спортивного комплекса Sport Line (г. Ярославль), март – октябрь 2022 г.;
 - проект «Доброта в лицах» (территория Ярославской области), 2015–2023 гг.
- Структура анализа каждого примера низовой гражданской активности состояла из следующих элементов:
- 1) проблемная ситуация, вокруг которой формируется активная группа граждан, предыстория события;
 - 2) субъекты, принимающие участие в практике низовой гражданской активности, их мотивы участия и ресурсы;
 - 3) механизмы, которыми пользуются субъекты для достижения своих целей;
 - 4) роль информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в рассматриваемой практике низовой гражданской активности;

5) основные этапы реализации практик низовой гражданской активности;
6) характер взаимодействия с органами власти и бизнесом, их роль в кейсе;
7) проявившиеся значимые социальные/инфраструктурные барьеры и/или проблемы, требующие решения;

8) итоги/результаты (социальные эффекты, результаты для инициаторов, результаты для сообщества, результаты для органов власти).

Формирование базы кейсов для анализа осуществлялось посредством мозгового штурма соавторами и их коллегами, а также на основе рекомендаций профильных экспертов. Затем был осуществлен сбор данных (в сети Интернет и СМИ), позволяющий обобщить и интерпретировать отобранные кейсы гражданской активности.

Результаты исследования. Тематика кампаний. В 11 (из 21) рассмотренных кейсах проблемная ситуация лежит в рамках урбанистических процессов, включающих в себя благоустройство городского хозяйства, организацию современных общественных пространств и изменение архитектурного облика зданий. К данной тематике относятся вырубка деревьев в Тверицком бору, снос исторического здания в Рыбинске, закрытие стадиона «Локомотив» во Фрунзенском районе, озеленение районов Ярославля и модернизация двух баскетбольных площадок, установка уличного освещения и вырубка аварийных деревьев в пос. Сокол, установка волейбольной площадки на 2-й Ляпинской улице, расширение спортивного комплекса Sport Line, застройка Плещеева озера.

При этом для четырех из указанных кейсов можно выделить еще одну общую черту – протест жителей против строительства многоэтажных жилых домов вместо имеющихся немногочисленных общественных пространств. Особенно ярко это проявилось в случаях со спилом лесного массива в Тверицком бору и стадионом во Фрунзенском районе Ярославля. Оба пространства ценны для горожан, в первую очередь, потому что несмотря на их состояние, это те немногие объекты, которые являются точками притяжения для представителей различных социальных групп. В случае со стадионом «Локомотив» компромисс с жителями был достигнут собственником как раз после обещания не только возвести многоэтажки, но и выделить территорию для строительства объектов социальной инфраструктуры (воркаут зоны, спортивные площадки, скверы и т. д.).

Особая ситуация складывается вокруг строительства жилых домов на территории береговой линии вдоль Плещеева озера, которое приведет не только к утрате рекреационной зоны для жителей, но и к нарушению экологического баланса целой экосистемы. Можно отметить, что данный кейс в равной степени относится к урбанистической и экологической тематикам.

Нарушение исторического облика – одна из серьезных урбанистических проблем, которая свойственна не только областному центру – г. Ярославлю. В Рыбинске не все жители согласились с утверждением о том, что инвестиционные проекты должны являться приоритетом в вопросе о сохранении исторических памятников и идентичности города (кейс о сносе исторического здания). При этом в ходе имевшего место конфликта оказать влияние на предпринимателя-собственника не удалось даже при условии расположения здания в охранной культурной зоне.

Кейсы модернизации баскетбольных и волейбольной площадок, с одной стороны, могут быть рассмотрены как пиар-акции политиков, стремящихся повысить свой рейтинг, с другой – это демонстрация отсутствия мониторинга потребностей граждан в объектах спортивной инфраструктуры, а также систематического контроля за общественным благоустройством со стороны органов власти, что может привести к их неэксплуатации и повышению неудовлетворенности жителей. При этом данные кейсы являются также демонстрацией возможности конструктивного взаимодействия граждан и представителей органов власти для устранения выявленных дефицитов социальной среды в интересах жителей.

Практика озеленения «Ярославль в цвету: новая волна» также может считаться позитивным примером: инициатива исходила от некоммерческой организации (далее – НКО) при участии жителей и реализовывалась не как жалоба, которую необходимо было решить, и не как протест, а как желание улучшить город и повысить его привлекательность. В данной тематике это единственный кейс, где органы власти являются одной из сторон коммуникации, выступая с жителями на одной стороне и осуществляя проактивную деятельность.

Таким образом, проанализированные кейсы раскрывают сразу несколько существующих противоречий:

- недостаток общественных пространств и рекреационных зон;
- недостаточное внимание власти к ненадлежащему состоянию имеющихся объектов и потребность системной работы по ремонту и обновлению инфраструктуры;
- уничтожение культурно-исторической уникальности городских архитектурных форм.

В четырех кейсах («Ярославль в цвету: новая волна», две баскетбольные и одна волейбольная площадки) основными акторами выступают инициативные группы жителей, НКО, партийные представители, органы исполнительной власти. Стоит отметить, что указанные практики достигли решения значительно быстрее, нежели кейсы, в которых принимал участие бизнес. Данная тенденция наблюдается и в случае с ликвидацией троллейбусного депо, который условно можно отнести к тематике изменения транспортного планирования. Общими чертами здесь, также как и в предыдущих кейсах, является участие строительной компании (актор – бизнес), выступление граждан против постройки элитного жилого комплекса на месте депо и неверие граждан в обещания предпринимателя и власти (как и в кейсах с Тверицким бором и стадионом «Локомотив»).

К тематикам повышения патриотических настроений среди молодежи и/или сохранению исторической памяти относятся 3 из 21 низовой гражданской активности («Живые страницы истории трудовой доблести Ярославля: перезагрузка памяти»; восстановление памятника рабочим, погибшим во время стачек 1895 и 1905 гг.; «Машины Победы. Связь времен и поколений»).

К практикам с экологической тематикой могут быть отнесены «ЯрЭкомобиль | ЭкоЛофт ЛУВР», протест против строительства мусоросжигательного завода и экологическая катастрофа на р. Вексе.

Наконец, была обнаружена одна низовая гражданская активность, касающаяся неодобрения конкретного политического деятеля (главы Тутаевского

района), и две практики, которые могут быть условно объединены в тематику добровольчества (деятельность АНО «Верность» и проект «Доброта в лицах»).

Масштаб практики. Можно выделить четыре типа масштаба практик (по территории охвата и распространения инициативы/практики):

1. Первый уровень (6 кейсов). В данном случае инициативная группа граждан выбрала конкретный одиночный объект, судьба которого их волнует. Характерной особенностью является небольшое количество акторов и узость затрагиваемой проблематики (кейсы по двум баскетбольным и одной волейбольной площадке; попытка отреставрировать памятник рабочим, погибшим в результате забастовок 1895 и 1905 гг.; установка уличного освещения и вырубка аварийных деревьев в пос. Сокол).

2. Второй уровень (5 кейсов). Охват небольшой территории, границы которой можно четко обозначить. Важно отметить, что в данном случае, несмотря на выбор конкретного объекта, принятые в его отношении управленческие решения окажут влияние на целый район муниципального образования или близлежащие территории (строительство многоэтажных жилых домов на территории Тверицкого бора и стадиона «Локомотив»; снос исторического здания в Рыбинске; расширение спорткомплекса Sport Line; строительство жилых домов вдоль береговой линии Плещеева озера). Здесь мы можем выделить расширение мотивов участия в активности со стороны всех субъектов, увеличение количества заинтересованных сторон (появление бизнес-структур) и усложнение их взаимоотношений.

3. Третий уровень (7 кейсов). Результаты деятельности заинтересованных сторон будут ощущаться на всех уровнях, а полученные социальные эффекты проявятся в различных сферах жизнедеятельности, в том числе напрямую не связанных с изучаемой проблематикой (ликвидация троллейбусного депо; строительство мусоросжигательного завода; экологическая катастрофа на р. Вексе). Территория влияния, таким образом, увеличится, однако ее нельзя локализовать или свести к конкретной зоне. С другой стороны, экологическое просвещение и сортировка мусора, проекты по сохранению исторической памяти Ярославля как города-героя и озеленение дворовых территорий будут способствовать развитию населенного пункта.

В то же время, пример с недовольством деятельностью главы Тутаевского района и попыткой его отставки, что, несомненно, повлияло бы на весь город и практически все сферы городского хозяйства, оценить в категориях «положительный социальный эффект» или «отрицательный социальный эффект» невозможно.

4. Четвертый уровень (3 кейса) – охват всего региона или нескольких муниципальных районов (проект «Машины Победы. Связь времен и поколений»; два кейса из тематики «Добровольчество» (АНО «Верность» и проект «Доброта в лицах»).

Временная продолжительность. По продолжительности были выделены следующие категории кейсов:

1. Краткосрочные – предлагается быстрое достижение либо конкретного результата, либо компромиссного решения (7 кейсов). Обычно длится от нескольких дней до 11 месяцев.

2. Среднесрочные – достижение конечного результата или нахождение выхода, удовлетворяющего большинство участников, затруднено рядом особенностей (5 кейсов). Длится от 1 года до 3 лет.

3. Долгосрочные – недостаточность ресурсов или наличие взаимоисключающих интересов практически делают невозможным достижение результата, поэтому подобные примеры низовой гражданской активности делятся свыше 3 лет (9 кейсов). Общей чертой всех примеров в данной категории становится столкновение практически взаимоисключающих интересов, пассивное участие власти и большое количество вовлеченных участников.

Таким образом, проектные инициативы и быстро решаемые вопросы, в том числе, в одностороннем порядке, без учета интересов всех сторон, относятся к краткосрочным и среднесрочным практикам, так как удается достичь позитивного или негативного разрешения проблемной ситуации. В то же время, кейсы с действительно острыми общественно-политическими событиями в жизни граждан затягиваются и «провисают» во времени.

Механизмы гражданской активности. Наиболее популярным механизмом, которым пользуются граждане как наиболее активные субъекты для достижения своих целей, является обращение в органы исполнительной власти / направление обращений, в частности к губернатору М. Евраеву (в 10 случаях из 21 рассмотренного). В представлении граждан, которые, вероятно, привыкли опираться на сильную персонифицированную власть, именно составление обращений видится одним из наиболее результативных способов привлечения внимания к своей проблеме и получения решения в свою пользу. Также граждане и организованные инициативные группы используют метод сбора поддержки на онлайн-петициях по теме (6 кейсов) и сбор подписей офлайн (2 кейса).

В гражданской активности, имеющей протестный характер, дважды организовывались пикеты и проводились санкционированные митинги (Тверичский бор и ликвидация депо). В низовых инициативных проектах, направленных на конструктивную, созидательную деятельность и не имеющих в основе конфликтную ситуацию (жалобу), часто используют лекции, личные встречи, акции, инсталляции. Их характерной чертой является финансирование за счет грантовой поддержки.

Депутаты и представители экспертного сообщества, обладающие более глубокими знаниями о политическом процессе и возможных путях достижения поставленных целей (например, присвоения особого статуса историческому зданию), направляют обращения в правоохранительные органы (2 кейса) с целью организации проверки легальности проводимых оппонентами сделок и юридических заключений.

Более специфические механизмы были выявлены в практиках по модернизации баскетбольных площадок, в которых представители партии обращались к использованию административного ресурса (2 кейса) для оперативного решения поступившей жалобы от горожан, а также был выделен метод общественного договора (1 кейс).

Не менее применяемым механизмом является организация публичных слушаний (3 кейса), которые, исходя из имеющейся информации, были проведены

в случае с застройкой территории бывшего стадиона «Локомотив» и береговой линии Плещеева озера, а также при проектировании расширения Sport Line.

В целом можно отметить, что значительной популярностью у граждан пользуются механизмы, отличающиеся относительной простотой, доступностью и распространенностью в других практиках низовой гражданской активности. Депутаты, застройщики и представители экспертного сообщества применяют более сложные процедуры, стремясь отстаивать свои интересы, в том числе в юридическом поле.

Роль ИКТ в организации низовой гражданской активности. Во всех рассматриваемых кейсах основная роль информационно-коммуникационных технологий сводится к привлечению внимания к проблеме / инициативному проекту в первую очередь для распространения информации среди широких слоев населения и зарождению дискуссии.

Социальные сети используются активистами, во-первых, для построения личного бренда и размещения новостной информации («ЯрЭкоМобиль» и проект по озеленению), во-вторых, для публикации отчетной информации после проведенных мероприятий (баскетбольные площадки), в-третьих, для мобилизации сторонников и организации слаженных действий участников при проведении акций (Тверичский бор, реставрация памятника рабочим, погибшим в ходе стачек).

Петиционные платформы применяются для сбора подписей в тех кейсах, которые ранее были отнесены к категориям долгосрочных с урбанистической тематикой (вырубка деревьев в бору, ликвидация троллейбусного депо).

Личный сайт используется только создателями инициативного экологического проекта «ЯрЭкоМобиль». Одной из главных причин его создания и применения выступает медийное продвижение, повышение популярности и узнаваемости, анонсирование встреч и интересных событий, полезные просветительские материалы по теме и т. д.

Особенности реализации и направленности проекта «Живые страницы истории трудовой доблести Ярославля: перезагрузка памяти» предполагают создание видеоматериалов, транслируемых через учреждения культуры, образования и социальные службы. Сущностное наполнение происходит благодаря технологиям оцифровки. Организаторы проекта применяют цифровые форматы, готовят информационные стенды с QR-кодами для онлайн-викторин. То есть в данном случае ИКТ являются полноценной частью инициативы, а не только инструментом продвижения.

Таким образом, критическая роль ИКТ может проследиваться только в аспекте привлечения новой аудитории, распространении материалов, мобилизации сторонников, обеспечении согласованности действий, продвижении личного бренда и популяризации конкретных проектов. Петиционные платформы также хорошо освоены активистами и успешно применяются при появлении необходимости. Современные инструменты визуализации и интерактивного взаимодействия, как и создание собственных сайтов, не настолько распространены.

Субъекты низовой гражданской активности. В большинстве случаев схема участников выглядит следующим образом: «граждане – власть – бизнес».

Отличия начинаются при рассмотрении субъектов, от которых исходила инициатива. Так, например, в шести случаях запуск низовой гражданской активности исходит от некоммерческих организаций («Машины Победы. Связь времен и поколений», «Ярославль в цветах», реставрация памятника рабочим, погибшим в ходе стачек, «Живые страницы истории трудовой доблести Ярославля: перезагрузка памяти», проект «Доброта в лицах», АНО «Верность»). Их общей чертой также является грантовая поддержка. В случае с сохранением исторического облика Рыбинска и отказа от сноса здания мельниц вперед изначально выступили общественники-градозащитники.

В ситуации с Тверицким бором можно отметить, что инициаторами стали институционализирующиеся индивиды. Отличием кейса с предложением о восстановлении памятника рабочим, погибшим в ходе забастовок, является то, что с инициативой выступил конкретный активист, который занимается привлечением внимания и пытается решить проблему.

Кейсы, которые относятся к первому уровню по критерию «Охваты» (табл. 1), в большинстве своем (5 из 6) имеют небольшие сроки решения, урбанистическую тематику, а также успешное разрешение конфликта. Единственным исключением становится кейс с восстановлением памятника рабочим.

Кейсы с охватом второго уровня (табл. 2) также связаны с урбанистическими процессами. Другой общей чертой является участие бизнеса как одного из акторов. При этом отдельно следует отметить, что достижение целей либо имеет компромиссный характер (то, против чего выступали граждане, в той или иной форме все равно было осуществлено), либо цель низовой гражданской активности не была достигнута. В то же время в 4 из 5 случаев сроки решения проблемы переходят в раздел среднесрочных или долгосрочных. Мыркинские мельницы – краткосрочная активность, так как собственник (бизнес-актор) единолично принял решение о сносе исторических зданий.

Взаимодействие акторов. Разнообразие возможных форматов и стратегий взаимодействия ключевых стейкхолдеров кампаний низовой гражданской активности предопределяется несколькими факторами, наиболее значимыми среди которых являются тематика и предмет, лежащий в их основе.

В двух кейсах по тематике «Добровольчество» (проект «Доброта в лицах» и деятельность АНО «Верность») среди основных взаимодействующих акторов можно выделить инициатора-НКО и органы государственной власти. При этом коммуникацию между ними можно определить как конструктивную.

В двух из трех кейсах по тематике патриотизма и сохранения исторической памяти (проекты «Живые страницы истории трудовой доблести Ярославля: перезагрузка памяти» и «Машины Победы. Связь времен и поколений») отмечается поддержка со стороны власти. Однако следует указать, что поддержка больше информационная и одобряющая, нежели ресурсная. Это связано с тем, что данные проекты имеют собственное финансирование и активных представителей. В то же время при назревании проблемной ситуации без собственных ресурсов, например, как в случае с инициативой восстановления памятника рабочим, мы можем видеть дистанцирование власти от решения.

Таблица 1. Сводная таблица с фильтрацией по критерию «Охват» (выборка – «первый уровень»)⁵
 Table 1. Summary table with filtering by the criterion of “Coverage” (selection – “first level”)

Кейс / Example	Тематика / Topic	Длительность / Duration	Инициаторы / Initiators	Задействован ли бизнес? / Is the business involved?	Достигнута ли цель? / Has the goal been achieved?
Баскетбольная площадка на ул. Алмазная / Basketball court on Almaznaya Street	Урбанистические процессы / Urban processes	Краткосрочные / Short-term	Индивиды / Individuals	Нет / No	Да / Yes
Баскетбольная площадка на ул. Маланова / Basketball court on Malanova Street	Урбанистические процессы / Urban processes	Краткосрочные / Short-term	Индивиды / Individuals	Нет / No	Да / Yes
Инициатива восстановить памятник рабочим, погибшим во время стачек 1895 и 1905 гг. / Initiative to restore the monument to workers who died during the strikes of 1895 and 1905	Патриотизм и сохранение исторической памяти / Patriotism and preservation of historical memory	Среднесрочные / Medium-term	Активист / Activist	Нет / No	Нет / No
Установка уличного освещения от ЖК «Классика» до проспекта Фрунзе / Installation of street lighting from the Classic residential complex to Frunze Ave.	Урбанистические процессы / Urban processes	Краткосрочные / Short-term	Незарегистрированные объединения граждан + ТОС / Unregistered associations of citizens + territorial public self-government	Нет / No	Да / Yes
Вырубка аварийных деревьев в пос. Сокол / Ave. Felling of emergency trees in the Sokol Village	Урбанистические процессы / Urban processes	Краткосрочные / Short-term	Незарегистрированные объединения граждан + ТОС / Unregistered associations of citizens + territorial public self-government	Нет / No	Да / Yes
Установка волейбольной площадки на 2-й Ляпинской улице / Installation of a volleyball court on 2 nd Lyapinskaya Street	Урбанистические процессы / Urban processes	Краткосрочные / Short-term	Незарегистрированные объединения граждан + ТОС / Unregistered associations of citizens + territorial public self-government	Да / Yes	Да / Yes

⁵ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам проведенного исследования.

Т а б л и ц а 2. Сводная таблица с фильтрацией по критерию «Охват» (выборка – «второй уровень»)
T a b l e 2. Summary table with filtering by the criterion of “Coverage” (selection – “second level”)

Кейс / Example	Тематика / Topic	Длительность / Duration	Инициаторы / Initiators	Задействованы ли бизнес? / Is the business involved?	Достигнута ли цель? / Has the goal been achieved?
Тверский бор / Tveritsky Forest	Урбанистические процессы / Urban processes	Долгосрочные / Long-term	Институционализирующиеся индивиды / Institutionalizing individuals	Да / Yes	Да / Yes
Стадион «Локомотив» / Lokomotiv Stadium	Урбанистические процессы / Urban processes	Долгосрочные / Long-term	Незарегистрированные объединения граждан / Unregistered associations of citizens	Да / Yes	Найден компромисс / A compromise has been found
Мышкинские мельницы / Myrkin Mills	Урбанистические процессы / Urban processes	Краткосрочные / Short-term	Институционализирующиеся индивиды / Institutionalizing individuals	Да / Yes	Нет / No
Застройка озера / Lake development	Урбанистические процессы, экологические проблемы / Urban processes, environmental issues	Долгосрочные / Long-term	Незарегистрированные объединения граждан / Unregistered associations of citizens	Да / Yes	В процессе (на данный момент – нет) / In the process (not at the moment)
Расширение Sport Line / SportLine Expansion	Урбанистические процессы / Urban processes	Среднесрочные / Medium-term	Незарегистрированные объединения граждан / Unregistered associations of citizens	Да / Yes	Найден компромисс / A compromise has been found

К тематике «Экологические проблемы» также относятся три кейса с разными взаимодействиями акторов. Например, кейс «ЭкоЛофт ЛУВР», который полностью управляется и обеспечивается за счет активистов и грантовой поддержки, одобряется властью. Положительные социальные эффекты по достоинству оцениваются муниципальными и региональными органами власти, готовыми к сотрудничеству. Тем не менее, нет ощущения, что эти взаимоотношения действительно партнерские, так как основная работа все же лежит на волонтерах и организаторах экологических акций и мероприятий. Примером более конструктивных взаимоотношений может стать экологическая катастрофа на р. Вексе, для ликвидации последствий которой и гражданами, и властью были предприняты совместные и своевременные решения. В двух перечисленных кейсах отсутствует бизнес, а его появление (особенно крупного бизнеса) существенно меняет обстоятельства дела. В случае с мусоросжигательным заводом, являющимся предметом жалоб со стороны населения как минимум с 2021 г., власть игнорировала зафиксированные нарушения.

Таким образом можно выделить две основные стратегии поведения ключевых акторов (создающие широкий спектр конфигураций в каждом конкретном кейсе):

1) стремление решить социально значимую проблему (несомненно, с учетом собственных целей и потребностей);

2) стремление достигнуть собственных целей и потребностей с готовностью пренебречь (в определенной степени ущемить) интересы и цели других ключевых акторов.

Важно отметить, что власть редко проявляет себя в конфликтных ситуациях, где основными противодействующими сторонами являются жители и бизнес (в подавляющем большинстве случаев кейсы относятся к тематике «урбанистические процессы»). В кейсах Тверицкого бора, стадиона «Локомотив», мусоросжигательного завода, отстранения главы Тутаевского района, сноса мельниц в Рыбинске и ликвидации депо жители неоднократно высказывали недовольство отсутствием конкретной позиции органов власти, размещением только части материалов и юридической/инвестиционной документации или публикацией постфактум, отсутствием активных действий со стороны представителей муниципальной и региональной власти, а также проявляют недоверие к тем немногим официальным заявлениям, которые все же публикуются. Более того, в кейсе с застройкой береговой линии Плещеева озера органы власти вполне открыто выступили на стороне бизнеса и стали одной из сторон противостояния для граждан.

Одной из заметных общих черт, помимо дистанцирования от урегулирования конфликтной ситуации между гражданами и бизнесом, можно считать негативные социальные последствия и затягивание решения, в том числе откладывание дня проведения слушаний, отписки в качестве ответа на письменные обращения и т. д. В тематике «урбанистические процессы» также имеются примеры положительного взаимодействия, например «Ярославль в цвету: новая волна». В данном кейсе от органов власти ничего не требуется, так как у практики есть собственные ресурсы для реализации. В то же время при удовлетворении запроса граждан на строительство баскетбольных и волейбольной площадок власть

изначально проявила безразличие и пассивность, ограничившись сообщениями о недостатке финансирования для осуществления проектов. Для установки уличного освещения и вырубке аварийных деревьев в пос. Сокол жители привлекали ресурсы самостоятельно при помощи территориального общественного самоуправления.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что жители Ярославской области чувствительно относятся к изъятию/сокращению количества общедоступных рекреационных зон и обветшанию уже имеющихся объектов. Именно эта тематика является наиболее частой в организации и осуществлении низовой гражданской активности в регионе. Как результат, можно сделать вывод, что наиболее частый ее формат – это выражение несогласия и протеста в связи с действиями и бездействиями органов власти и/или бизнеса.

Важно отметить, что инициативы, зарождающиеся как низовые, в процессе своей реализации могут приобретать широкую географию и охватывать несколько муниципальных образований региона.

Инициаторами низовой гражданской активности выступают как отдельные граждане, объединенные группы людей, так и зарегистрированные НКО. Своими действиями они формируют сети партнеров и поддержки, тем самым повышая свой потенциал и ресурсы.

Практики демонстрируют, что возможны различные конфигурации интересов и стратегий поведения ключевых акторов социума в рамках инициированных кампаний низовой гражданской активности. Оптимальным является доминирование у них стремления решить локальную проблему, устранить сформировавшийся дефицит. В результате выстраивается сетевое взаимодействие заинтересованных сторон с мобилизацией различных ресурсов и формирование значимого социального капитала. Это позволяет наиболее оптимальным способом консолидировать сообщество для социального преобразования. В тех случаях, когда действия отдельных акторов направлены, в первую очередь, на достижение собственных интересов, может сформироваться конфликтная ситуация, а гражданская активность, встречая сопротивление и противодействие, может трансформироваться в политическую или протестную.

Исследование позволило выявить, что в подавляющем числе примеров низовой гражданской активности органы власти предпочитали непубличные форматы действий. И только активность жителей и продолжительность существования общественно значимой проблемы являются стимулом, способным вовлечь должностных лиц. При этом в конфликтных ситуациях с участием бизнеса должностные лица часто выступали в его поддержку.

Наиболее часто для защиты своих интересов активисты использовали различные механизмы обращения в органы власти. Это позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, органы власти воспринимаются как значимый субъект, а с другой – демонстрируют достаточно сильные патерналистские установки в сознании граждан. Здесь важно также отметить, что органы власти не в полной мере осведомлены о возникающих и существующих проблемах (либо не готовы к защите интересов граждан), если для их вовлечения требуются активные действия жителей.

Информационно-коммуникативные технологии активно используются в организации и осуществлении низовой гражданской активности. При этом основным каналом являются социальные сети и мессенджеры. Иные используются существенно реже (сайты, видеоролики). Ключевыми задачами использования цифровых сервисов являются: привлечение сторонников, вовлечение новых активистов, формирование личного бренда и размещение новостной ленты, а также разнообразной отчетной информации (о проведенных мероприятиях, собранных и потраченных средствах и т. д.).

Анализ кейсов по их продолжительности говорит о том, что участие бизнеса (который защищает и противопоставляет свои интересы гражданам) обостряет и удлинняет во времени рассматриваемые практики активности (предприниматели готовы отстаивать свои интересы, противопоставляя их интересам жителей, в том числе заручаясь поддержкой органов власти).

Отдельно целесообразно отметить, что инициативы граждан в большем количестве случаев приводят к значимому результату, достижению инициаторами своих целей. В итоге формируются значимый социальный опыт и социальный капитал для дальнейшей деятельности.

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о том, что низовая гражданская активность является формой участия граждан, неформальных движений и формальных объединений в общественной жизни, осуществляется на уровне местных сообществ и направлена на решение локальных проблем самостоятельно или в совместной работе с сообществом и/или местными органами власти. Источники низовой гражданской активности – инициативы активного и непосредственного участия населения в решении локальных проблем, которые стимулируют социальные изменения в местных сообществах. Она также выстраивает практику участия населения в решении локальных проблем, которая позволяет формировать и накапливать социальный капитал, способствующий дальнейшему участию граждан в решении местных проблем, выстраиванию конструктивного сетевого взаимодействия в местном локальном социуме.

Результаты исследования позволили выявить ключевые характеристики и проблемы низовой гражданской активности в современных общественно-политических условиях. Они дают возможность ключевым акторам сформулировать комплекс мер, ориентированных на стимулирование создания эффективных институтов гражданского общества, в том числе в условиях геополитических и технологических вызовов. Полученные выводы позволяют повысить результативность взаимодействия органов власти с гражданскими активистами, НКО и бизнесом. В связи с этим представляется актуальным дальнейшее изучение результативности существующего регулирования низовой гражданской активности на региональном и местном уровнях с целью выработки мер по его дальнейшей оптимизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакунова Е. А. Проявление гражданской активности на примерах экологических организаций (движений) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 1. С. 34–37. URL: <http://intjournal.ru/proyavlenie-grazhdanskoj-aktivnosti-na-primerah-ekologicheskikh-organizatsij-dvizhenij> (дата обращения: 03.02.2024).

2. Гражданская активность и консолидация в системе социальных взаимоотношений / М. С. Начкебия [и др.] // *Modern Science*. 2020. № 10-2. С. 478–480. EDN: [AMXDVY](#)
3. Парма Р. В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13, № 2. С. 31–47. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788>
4. Круглый стол «Трансформация социальной и гражданской активности молодежи в период COVID-19» / Е. В. Морозова [и др.] // *Образование личности*. 2021. № 1-2. С. 64–96. EDN: [BJYGKB](#)
5. Барлыбаев А. А., Сазыкина М. Ю., Мамлеева Э. Р. Социально-экономические эффекты реализации практик инициативного бюджетирования // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 12-3. С. 463–468. <https://doi.org/10.17513/vaael.1534>
6. Воропанов В. А., Бурянина О. А., Бушуева Т. Н. Организация местных сообществ как способ повышения гражданской активности и развития территорий муниципальных образований (на примере Челябинской области) // *Социум и власть*. 2022. № 3 (93). С. 46–55. URL: https://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2022/2022_3.pdf (дата обращения: 03.02.2024).
7. Пашкус В. Ю., Савельев И. А. Реализация инициативного бюджетирования в рамках муниципальных образований Санкт-Петербурга // *Бизнес. Образование. Право*. 2023. № 1 (62). С. 136–142. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.62.552>
8. Пасынкова Е. М. Проблемные теоретические положения территориального общественного самоуправления // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 12-1 (75). С. 228–230. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-1-228-230>
9. Черкасова М. А. Реализация принципов местного самоуправления через повышение гражданской активности в территориальном общественном самоуправлении // *Муниципальная академия*. 2019. № 3. С. 113–118. URL: <https://www.journal-rma.ru/storage/app/media/ma3-2019-web.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).
10. Куikliна Н. С. Волонтерская деятельность как способ развития гражданской активности и приобретения жизненного опыта // *Студенческая наука и XXI век*. 2020. Т. 17, № 1-2 (19). С. 350–352. EDN: [FRMLVD](#)
11. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Потенциал общественного участия в контексте социальной солидарности // *Власть*. 2015. № 5. С. 131–135. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1342> (дата обращения: 03.02.2024).
12. Evaluating Participatory Modeling Methods for Co-creating Pathways to Sustainability / E. A. Moallemi [et al.] // *Earth's Future*. 2021. Vol. 9, issue 3. Article no. e2020EF001843. <https://doi.org/10.1029/2020EF001843>
13. Смолева Е. О. Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хабиутализация или институционализация «сверху» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14, № 5. С. 244–260. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.14>
14. Manzo L. C., Perkins D. D. Finding Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Planning // *Journal of Planning Literature*. 2006. Vol. 20, issue 4. Pp. 335–350. <https://doi.org/10.1177/0885412205286160>
15. The Power of the in Group for Promoting Collective Action: How Distinctive Treatment from Fellow Minority Members Motivates Collective Action / C. Begenya [et al.] // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2022. Vol. 101. Article no. 104346. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2022.104346>
16. On the Preconditions for Large-scale Collective Action / S. Jagers [et al.] // *Ambio*. 2020. Vol. 49. Pp. 1282–1296. <https://doi.org/10.1007/s13280-019-01284-w>
17. Drury J. Recent Developments in the Psychology of Crowds and Collective Behaviour // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 35. Pp. 12–16. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.02.005>
18. Large-scale Collective Action to Avoid an Amazon Tipping Point – Key Actors and Interventions / M. Bastos Limaa // *Current Research in Environmental Sustainability*. 2021. Vol. 3. Article no. 100048. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100048>
19. Internalized Equality and Protest Against Injustice: The Role of Disadvantaged Group Members' Self-respect in Collective Action Tendencies / D. Renger [et al.] // *European Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 50, issue 3. Pp. 547–560. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2637>
20. Домбровская А. Ю. Гражданская и политическая активность в цифровой среде: установка современных молодых россиян // *Россия: общество, политика, история*. 2023. № 2 (7). С. 114–131. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-114-131](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-114-131)

21. Абрамова С. Б. Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 4–14. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
22. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41–57. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
23. Betlemidze M. I Provoke Therefore I Am: Cross-Border Mediatizations of Femen's "Sextremist" Protest // International Journal of Communication. 2021. Vol. 15. Pp. 1531–1550. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/14158/3397> (дата обращения: 03.02.2024).
24. Vamstad J. Giving to be Civil or Civic? – a Social Origins Analysis of Charitable Giving in Sweden // Journal of Civil Society. 2020. Vol. 16, issue 1. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1080/17448689.2020.1717158>
25. Favarel-Garrigues G. 'Vigilante Shows' and Law Enforcement in Russia // Europe-Asia Studies. 2021. Vol. 73, issue 1. Pp. 221–242. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1862061>

REFERENCES

1. Bakunova E.A. Manifestation Civicactivity on Examples of Environmental Organization (Movements). *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2018;(1):34–37. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://intjournal.ru/proyavlenie-grazhdanskoj-aktivnosti-na-primerah-ekologicheskikh-organizatsij-dvizhenij> (accessed 03.02.2024).
2. Nachkebia M.S., Reutova M.N., Khripkova D.V., Khripkov K.A. [Civic Activism and Consolidation in the System of Social Relationships]. *Modern Science*. 2020;(10-2):478–480. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **AMXDVY**
3. Parma R.V. Civil Activity of Generations in Modern Russian Society. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(2):31–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.788>
4. Morozova E.V., Popova S.Yu., Selezneva A.V., Belov S.I., Devochkina A.S., Zinenko V.E., et al. Round Table "Transformation of Social and Civic Activity of Young People in the Period of COVID-19". *Personality Formation*. 2021;(1-2):64–96. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **BJYGKB**
5. Barlybaev A.A., Sazykina M.Yu., Mamleeva E.R. [Socio-Economic Effects of Implementing the Practice of Initiative Budgeting]. *Vestnik Altaiskoy akademii ekonomiki i prava*. 2020;(12-3):463–468. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/vaael.1534>
6. Voropanov V.A., Buryanina O.A., Bushueva T.N. Organizing Local Communities as an Effective Way to Increase Citizens' Activity and Municipal Territories Development (As Exemplified by the Chelyabinsk Region). *Socium and Power*. 2022;(3):46–55. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2022/2022_3.pdf (accessed 03.02.2024).
7. Pashkus V.Yu., Saveliev I.A. Implementation of Initiative Budgeting in Municipalities of St. Petersburg. *Business. Education. Law*. 2023;(1):136–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.62.552>
8. Pasinkova E.M. Problematic Theoretical Provisions of Territorial Public Self-Government. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(12-1):228–230. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-1-228-230>
9. Cherkasova M.A. The Implementation of the Principles of Local Self-Government through the Increase of Civil Activity of Territorial Public Self-Government. *Municipal Academy*. 2019;(3):113–118. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.journal-rma.ru/storage/app/media/ma3-2019-web.pdf> (accessed 03.02.2024).
10. Kuklina N.S. [Volunteer Activity as a Way to Develop Civic Engagement and Gain Life Experience]. *Studencheskaya nauka i XXI vek*. 2020;17(1-2):350–352. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **FRMLVD**
11. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. The Potential of Public Participation in the Context of Social Solidarity. *Vlast (Authority)*. 2015;(5):131–135. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1342> (accessed 03.02.2024).
12. Moallemi E.A., de Haan F.J., Hadjidakou M., Khatami S., Malekpour S., Smajgl A., et al. Evaluating Participatory Modeling Methods for Co-Creating Pathways to Sustainability. *Earth's Future*. 2021;9(3):e2020EF001843. <https://doi.org/10.1029/2020EF001843>

13. Smoleva E.O. Forming the Practices of Citizens' Participation in the Development of the Urban Environment: Habitualization or Institutionalization From Above. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(5):244–260. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.14>
14. Manzo L.C., Perkins D.D. Finding Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Planning. *Journal of Planning Literature*. 2006;20(4):335–350. <https://doi.org/10.1177/0885412205286160>
15. Begenya C., Breenb J., Leachde C., Zomerem M., AartiIye L. The Power of the in Group for Promoting Collective Action: How Distinctive Treatment from Fellow Minority Members Motivates Collective Action. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2022;101:104346. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2022.104346>
16. Jagers S., Harring N., Löfgren Å., Sjöstedt M., Alpizar F., Brülde B., et al. On the Preconditions for Large-Scale Collective Action. *Ambio*. 2020;49:1282–1296. <https://doi.org/10.1007/s13280-019-01284-w>
17. Drury J. Recent Developments in the Psychology of Crowds and Collective Behaviour. *Current Opinion in Psychology*. 2020;35:12–16. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.02.005>
18. Bastos Lima M., Harring N., Jagersb S., Löfgrenc Å., Persson M., Sjöstedt M., et al. Large-scale Collective Action to Avoid an Amazon Tipping Point – Key Actors and Interventions. *Current Research in Environmental Sustainability*. 2021;3:100048. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100048>
19. Renger D., Eschert S., Teichgräber M.L., Renger S. Internalized Equality and Protest Against Injustice: The Role of Disadvantaged Group Members' Self-Respect in Collective Action Tendencies. *European Journal of Social Psychology*. 2020;50(3):547–560. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2637>
20. Dombrovskaya A.Yu. Modern Russian Youth's Attitudes toward the Civil and Political Online Activity. *Russia: Society, Politics, History*. 2023;(2):114–131. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-114-131](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-114-131)
21. Abramova S.B. Digital Participation: Category Conceptualization in Foreign Practice of Civic Engagement. *Digital Sociology*. 2022;5(4):4–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
22. Basheva O.A. Digital Activism as a New Method of Civil Mobilization. *Research Result. Sociology and Management*. 2020;6(1):41–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
23. Betlemidze M. I Provoke Therefore I Am: Cross-Border Mediatizations of Femen's "Sextremist" Protest. *International Journal of Communication*. 2021;15:1531–1550. Available at: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/14158/3397> (accessed 03.02.2024).
24. Vamstad J. Giving to be Civil or Civic? – A Social Origins Analysis of Charitable Giving in Sweden. *Journal of Civil Society*. 2020;16(1):1–14. <https://doi.org/10.1080/17448689.2020.1717158>
25. Favarel-Garrigues G. 'Vigilante Shows' and Law Enforcement in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2021;73(1):221–242. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1862061>

Об авторах:

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>, Researcher ID: C-5767-2018, Scopus ID: 56580305400, alex8119@mail.ru

Фролов Александр Альбертович, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8775-016X>, Scopus ID: 57216081823, a.a.froloff@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

А. В. Соколов – формулирование проблемы; разработка теоретической концепции; анализ литературы по проблеме исследования; обобщение эмпирической базы; формулирование выводов и результатов исследования.

А. А. Фролов – разработка основной концепции статьи; анализ литературы по проблеме исследования; структурирование эмпирической базы; доработка текста статьи; формулирование выводов.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 22.10.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.

About the authors:

Alexander V. Sokolov, Dr.Sci. (Polit.), Head of the Chair of Social and Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University (14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>, Researcher ID: C-5767-2018, Scopus ID: 56580305400, alex8119@mail.ru

Alexander A. Frolov, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor of the Chair of Social and Political Theories, Yaroslavl State University (14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8775-016X>, Scopus ID: 57216081823, a.a.froloff@gmail.com

Contribution of the authors:

A. V. Sokolov – formulation of the problem; creation of a theoretical concept; analysis of the literature on the research problem; generalization of the empirical base; formulation of conclusions and research results.

A. A. Frolov – creation of the main concept of the article; analysis of the literature on the research problem; structuring the empirical base; revision of the text; formulation of conclusions.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 22.10.2023; revised 04.04.2024; accepted 16.04.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503

УДК 330.352.2

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг.

С. В. Дорошенко ✉

Р. И. Васильева

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
✉ doroshenkos@mail.ru

Аннотация

Введение. Сохранение высокой социально-экономической неоднородности российских регионов является одной из проблем устойчивого развития страны. Основной задачей пространственной политики обозначено обеспечение опережающих темпов развития геостратегических и отстающих территорий, а также повышение конкурентоспособности региональных экономик. Однако события последнего десятилетия внесли существенные коррективы в реализацию планов экономического роста. Цель исследования – оценить степени пространственной неоднородности экономического роста и взаимовлияние граничащих субъектов Федерации за период с 2013 по 2021 г.

Материалы и методы. Основными в исследовании выбраны методологии П. Морана и А. Анселлина. Первая позволяет охарактеризовать степень пространственной взаимосвязи регионов через локальные и глобальные индексы, вторая – сформировать пространственные кластеры на основе матрицы локальных индексов пространственной автокорреляции. Оценка проведена на данных о темпах роста реального ВРП на душу населения по 85 субъектам Федерации за пять временных интервалов.

Результаты исследования. Результаты подтвердили, что геополитические потрясения приводят к значительному увеличению неоднородности регионального экономического роста. Наиболее развитые регионы, в том числе нефтегазодобывающие, оказались больше подвержены внешним шокам, что привело к снижению их пространственной взаимосвязи. Южные и восточные регионы продемонстрировали тенденцию к росту. Пандемия COVID-19 закрепила формирование западного и восточного кластеров. В постковидный период региональные экономики продемонстрировали тенденцию к снижению неоднородности за счет ускорения темпов экономического роста. Одновременно подтверждено, что граничащие между собой регионы оказывают взаимовлияние на экономическое развитие друг друга.

Обсуждение и заключение. Результаты позволили выделить три этапа изменения неоднородности темпов роста региональных экономик за 2013–2021 гг. Выводы рекомендованы для актуализации государственной политики в области снижения региональной неоднородности и «скрепления» национального экономического пространства.

© Дорошенко С. В., Васильева Р. И., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: пространственная неоднородность, экономический рост, индекс Морана, матрица Анселина, регионы России

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дорошенко С. В., Васильева Р. И. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг. // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 484–503. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>

Spatial Estimation of Regional Economic Growth Heterogeneity During 2014–2021

S. V. Doroshenko ✉, R. I. Vasilyeva
Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)
✉ doroshenkos@mail.ru

Abstract

Introduction. The aggravation of socio-economic heterogeneity among Russian regions is one of the main challenges for sustainable development of the country. The main task of spatial policy is to ensure advanced rates of development of geostrategic and lagging behind territories as well as increasing competitiveness of regional economies. However, the events of the past decade substantially adjusted plans on regional economic growth enhancement. The aim of the study is to estimate spatial economic growth heterogeneity and interdependence of bordering entities of Russia over 2013–2021.

Materials and Methods. The main research method is Moran's methodology for assessing local and global indices characterizing the inter-regional relation and A. Anselin's approach for local indices of spatial autocorrelation and spatial clusters identification. The research uses regional data on real GRP per capita growth rates for 85 Russian regions for five annual intervals.

Results. The results confirmed that geopolitical tensions significantly enhance the regional economic growth heterogeneity. The most developed regions, including main hydrocarbon producers, are found being most exposed to external economic shocks, which reduced their spatial interrelation. Southern and eastern regions demonstrated an upward growth trend. The COVID-19 pandemic shaped the appearance of western and eastern clusters. Regional economies demonstrated the decreasing heterogeneity through enhancing the economic growth rates in the post-crises period. Coincidentally, we document that economic development of the regions influences the growth in bordering entities.

Discussion and Conclusion. The research allows defining three stages of regional economic growth rates heterogeneity during 2013–2021. The derived conclusions are recommended for actualizing state policy in reducing regional heterogeneity and strengthening the national economic space.

Keywords: spatial heterogeneity, economic growth, Moran's index, Anselin matrix, Russian regions

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Doroshenko S.V., Vasilyeva R.I. Spatial Estimation of Regional Economic Growth Heterogeneity During 2014–2021. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):484–503. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>

Введение. Неоднородность экономического развития территорий выражена в высокой дифференциации социально-экономических показателей между регионами. Эта проблема существует в России в течение длительного периода. Несмотря на относительно эффективную политику снижения экономических диспропорций в советский период, переход к рыночной экономике в конце XX в. привел к усилению социально-экономического неравенства как среди населения, так и в контексте территориальных различий. Российскими исследователями подтверждено, в том числе и эмпирически, влияние внутрирегиональной дифференциации на экономическое развитие субъектов Федерации [1].

Пространственная политика России на современном этапе направлена на повышение устойчивости и сбалансированности развития территорий, что нашло отражение в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.¹ Еще в 2020 г. одним из приоритетов Единого плана по достижению национальных целей² в рамках регионального развития было заявлено сокращение межрегиональных различий за счет опережающего развития отстающих территорий, повышение конкурентоспособности экономик регионов и развития геостратегических территорий.

Однако различные кризисные процессы последнего десятилетия повысили уровень внутренней и внешней неопределенности. Средовые вызовы привели к необходимости адаптировать государственную региональную политику к стремительным изменениям, оказывать дополнительную поддержку бизнесу и населению для обеспечения темпов роста, сохранения дееспособной макроэкономической ситуации, а также поддержания уровня жизни. Результативность такой политики во многом определяется и учетом пространственного взаимодействия субъектов Федерации, оценка которого становится важнейшим компонентом экономических исследований. Цель исследования – оценка степени пространственной неоднородности экономического роста и взаимовлияния на этот процесс граничащих между собой субъектов Федерации за 2013–2021 гг. Согласно гипотезе, в исследовании предполагается, что под воздействием экзогенных вызовов неоднородность экономического роста в российских регионах возросла.

Обзор литературы. Один из основных тезисов теорий пространственного развития заключается в том, что территориальное размещение экономической активности влияет на хозяйственную деятельность объектов различных уровней (предприятий, регионов, стран). В частности, А. Леш утверждал, что теории экономического развития должны учитывать пространственный аспект³. Чуть позднее Г. Мюрдаль предложил теорию неравномерного экономического роста в пространственной перспективе, которая базируется на положении о том, что рыночные силы усиливают межрегиональную дифференциацию за счет отраслевых различий в доступе к ресурсам⁴. Развитие данной теории нашло отражение в работах многих исследователей⁵.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-п // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 17.01.2024).

² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года от 1 окт. 2021 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html (дата обращения: 17.01.2024).

³ Lösch A. The Economics of Location. New Haven ; London : Yale University Press, 1954. 520 p.

⁴ Myrdal G., Sitohang P. Economic Theory and Under-Developed Regions. London : Duckworth, 1957. 167 p.

⁵ Hirschman A. O. The Strategy of Economic Development. New Haven : Yale University Press, 1958. 217 p.; Fujita M., Krugman P. R., Venables A. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. MIT Press, 2001. 367 p.

Несмотря на широкое развитие «пространственной географии» и теорий пространственной экономики, в научной литературе в относительно небольшом количестве работ представлены результаты оценки пространственного взаимовлияния территорий. Одним из основополагающих исследований данного направления является работа П. Морана⁶, где представлена методология пространственной автокорреляции, позволяющая идентифицировать и оценить внешние эффекты, возникающие в результате влияния одних территорий на другие. Современными исследователями методология П. Морана применяется для оценки динамики межрегиональной неоднородности и территориального взаимовлияния экономического роста.

В научном сообществе присутствуют разные точки зрения на эффективность применения этой методологии для оценки пространственной автокорреляции. Однако несмотря на существующую неоднозначность, многие зарубежные ученые достаточно успешно ее используют. В частности, этот подход применялся для оценки пространственного совокупного влияния уровня социальной защиты и экономического развития [2] и оценки пространственного распространения влияния региональных темпов экономического роста в Китае [3]. На основе данной методики была оценена степень пространственного взаимовлияния экономического роста, вызванного потреблением энергии из возобновляемых источников, по странам Европейского союза [4]. Методология Морана легла в основу определения взаимовлияния темпов роста региональных инвестиций в интеллектуальную собственность в динамике на примере китайских провинций [5]. В более ранних исследованиях по США при анализе пространственного взаимовлияния роста душевых доходов также применялся расчет локальных и глобальных индексов Морана [6]. Также методика пространственного моделирования была использована при анализе экономического роста в некоторых китайских и индонезийских провинциях [7; 8].

В последние десятилетия методология Морана широко применяется и российскими исследователями, причем по самому широкому кругу социально-экономических проблем. Так, учеными представлены результаты анализа степени неравномерности распределения экологической нагрузки между российскими регионами в контексте динамики экономического роста в период 2000–2007 гг. [9]; предложено обобщение модели пространственной авторегрессии для случая выделения двух влияющих друг на друга групп (западной и восточной) [10].

Е. Н. Невзорова с соавторами провели анализ пространственного распространения очагов теневой экономики в России и оценили взаимосвязь масштабов теневой экономики и показателей криминальной статистики [11]. Исследование А. В. Резепина на основе статистических данных по 85 субъектам Российской Федерации за период 2015–2019 гг. показало наличие значительных пространственных отличий по показателям региональной экономической динамики [12].

В статье М. Б. Петрова, Л. А. Серкова и К. Б. Кожова апробирован оригинальный инструментальный для исследования факторов, влияющих на возможные межрегиональные взаимодействия Свердловской области с остальными регионами

⁶Moran P. A. P. The Interpretation of Statistical Maps // Journal of the Royal Statistical Society. Series B (Methodological). 1948. Vol. 10, no. 2. Pp. 243–251.

в сфере обрабатывающей промышленности. Среди прочих результаты показали, что распространение знаний является драйвером регионального взаимодействия [13]. Н. В. Артамонов с соавторами, анализируя влияние на экономическое развитие возрастной структуры населения в 79 российских регионах на панельных данных за 2001–2016 гг., в том числе с использованием индексов Морана, установили, что положительное значимое влияние оказывают как самые молодые возрастные группы 16–24 и 25–39 лет, так и самая старшая группа 65–100 лет, что может отражать положительное воздействие их инвестиций на региональный рост [14].

Исследования также показали, что в России сложились разные группы регионов – полюсов экономического развития; одни регионы позитивно влияют на рынки труда соседей, другие – гиперлокализованы по занятости и «вытягивают» рабочую силу из соседних регионов [15].

Пространственные исследования, базирующиеся на методологии Морана, проводятся не только на региональном уровне, но и на муниципальном. К примеру, венгерские экономисты изучили изменения предложения труда в крупнейшем винодельческом регионе Дуная в течение периода предоставления государственной помощи в 2014–2019 гг. Ими была апробирована пространственная модель распределения показателей по муниципалитетам с использованием метода локальной статистики Морана, что позволило установить пространственные особенности потенциальной концентрации доступных в регионе трудовых ресурсов [16]. Д. Х. Красносельская проанализировала влияние показателей социально-экономического развития и дорожной инфраструктуры на пространственную структуру, используя статистические данные 271 российского муниципалитета Республики Башкортостан и 6 прилегающих к ней регионов за 2017 г. [17], а Ю. В. Дубровская и Е. В. Козонова на основе глобального и локальных индексов Морана подтвердили пространственную неоднородность уровня безработицы по муниципальным образованиям Пермского края [18].

Интерес представляют не только экономические, но и политические исследования пространственной зависимости. К примеру, учеными на основе данных парламентских выборов в Польше за 2007–2019 гг. была выявлена тенденция сокращения пространственной зависимости по основным парламентским партиям [19]. В статье Л. Е. Кулецкой систематизированы основные эмпирические подходы к пространственному моделированию электорального выбора [20]. Е. М. Корнеева провела пространственно-эконометрический анализ электоральных процессов в России с 1995 по 2016 г. Результаты показали, что для локального уровня голосования характерна высокая степень пространственной взаимозависимости электорального поведения независимо от идеологической направленности, что сильнее проявляется на уровне муниципальных образований [21]. Е. А. Подколзина и соавторы на примере выборов президента России 2018 г. оценили воздействие на принятие решений проживающих на соседних территориях индивидов. На основе данных по 2 718 территориальным избиркомам было установлено, что экономическая активность в районе и потенциальная мобильность граждан отрицательно влияют на поддержку основного кандидата [22].

В целом методология Морана позволяет учесть влияние пространственной компоненты на социально-экономическое и институциональное развитие любой территории – региона или государства, что обусловило выбор этого подхода в качестве основного метода анализа в проводимом исследовании. Цель исследования – оценка степени пространственной неоднородности экономического роста, а также степени взаимовлияния граничащих субъектов Федерации за период с 2013 по 2021 г.

Материалы и методы. Одним из классических показателей экономического роста являются темпы роста реального ВРП на душу населения [23; 24]. В нашем исследовании этот показатель рассчитан на основе данных по номинальному ВРП, среднегодовой численности населения и индексу потребительских цен за пять годовых интервалов: 2013–2014, 2015–2016, 2018–2019, 2019–2020 и 2020–2021 гг.⁷

В выборке представлены 85 регионов России, входящих в состав страны в 2013–2021 гг. Расчет показателей по Республике Крым и г. Севастополю за 2013–2014 гг. проводился с использованием адаптированных данных по ВРП⁸, приведенных к единому измерению с учетом среднегодового обменного курса рубля и украинской гривны⁹.

Для оценки пространственной неоднородности, а также определения взаимовлияния регионов по темпам экономического роста в исследовании рассчитаны глобальные и локальные индексы пространственной автокорреляции Морана в пакете Stata.

Методология пространственной автокорреляции Морана предполагает использование матрицы пространственных весов. Широкое распространение методологии привело к тому, что в современных исследованиях применяются разнообразные подходы к формированию такой матрицы. В данной работе используется матрица весов (W_{ij}) по смежным границам, которая содержит в себе значения 1 или 0 (1 – наличие общей административной границы между регионами i и j ; 0 – отсутствие общей границы).

Основной переменной для расчетов индексов Морана выступает темп роста реального ВРП на душу населения, скорректированный на уровень инфляции (по паритету покупательной способности) – $GRPgpr$. Темпы роста реального ВРП на душу населения представлены по отношению к значению предыдущего года, например, за 2014 г. по отношению к 2013 г., 2016 г. – к 2015 г. и т. д. Таким образом, год наблюдения $t = \{2014, 2016, 2019, 2020, 2021\}$, а $i, j = \{1...85\}$ – порядковый номер региона.

В исследовании использован алгоритм оценки пространственной неоднородности, включающий несколько этапов.

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели (2021 г.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 17.01.2024).

⁸ Валовый внутренний продукт (у фактических цен) (2023 г.) [Электронный ресурс] // Державна служба статистики України : сайт. URL: <https://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 17.01.2024).

⁹ Курс украинской гривны к рублю ЦБ РФ (2023 г.) [Электронный ресурс] // Внешняя торговля России : сайт. URL: <https://russian-trade.com/kursy-valyut/ukrainskaya-grivna/> (дата обращения: 17.01.2024).

1. Определение глобальных индексов Морана:

$$I_G = \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (GRPgr_i - \overline{GRPgr})(GRPgr_j - \overline{GRPgr})}{\frac{1}{N} \sum_i (GRPgr_i - \overline{GRPgr})^2 \sum_j w_{ij}},$$

где N – общее количество регионов, $GRPgr_i$ – темп роста реального ВВП на душу населения i -го региона за соответствующий период t , $GRPgr_j$ – темп роста реального ВВП на душу населения j -го региона за соответствующий период t , \overline{GRPgr} – средний темп роста реального ВВП на душу населения по России за соответствующий период t , w_{ij} – элементы матрицы пространственных весов (W_{ij}) по смежным границам.

Глобальные индексы Морана используются для оценки пространственной неоднородности темпов экономического роста между российскими регионами и представляют собой пространственный лаг распределения темпов экономического роста в зависимости от территориального расположения регионов и наличия между ними смежной границы. Данный показатель рассчитан авторами за каждый анализируемый период.

2. Расчет локальных индексов Морана, что позволяет оценить степень пространственной схожести субъектов Федерации, исходя из темпов экономического роста:

$$I_{Li} = N \frac{(GRPgr_i - \overline{GRPgr}) \cdot \sum_j w_{ij} (GRPgr_j - \overline{GRPgr})}{\sum_j (GRPgr_j - \overline{GRPgr})^2},$$

где N – общее количество регионов, $GRPgr_i$ – темп роста реального ВВП на душу населения i -го региона за соответствующий период t , \overline{GRPgr} – средний темп роста реального ВВП на душу населения по России за соответствующий период t , w_{ij} – элементы матрицы пространственных весов W .

3. Выявление региональных кластеров на основе локальных индексов пространственной автокорреляции и диаграммы рассеивания Морана.

Локальные индексы Морана позволяют рассчитать индексы пространственной автокорреляции по методологии А. Анселина¹⁰, которые непосредственно отражают тесноту связи между регионами в пространстве, а также направление данной взаимосвязи:

$$LISA_{ij} = Z_i \cdot Z_j \cdot W_{ij},$$

где $LISA_{ij}$ – коэффициент пространственной автокорреляции между регионами i и j ; Z_i – стандартизированный показатель i -го региона, рассчитанный как отношение отклонения темпа роста реального ВВП на душу населения от среднего к его стандартному отклонению; Z_j – аналогичный показатель для j -го региона; W_{ij} – элемент матрицы пространственных весов для регионов i и j по смежным границам.

Таким образом, методология А. Анселина позволяет идентифицировать межрегиональные взаимосвязи в пространстве, которые могут быть отражены графически на диаграмме рассеивания Морана. Плоскость диаграммы подразделяется

¹⁰ Anselin L. Local Indicators of Spatial Association – LISA // Geographical Analysis. 1995. Vol. 27, no. 2. Pp. 93–115.

на четыре квадранта. В зависимости от локальных индексов пространственной автокорреляции каждый регион попадает в некоторый квадрант диаграммы рассеивания Морана, которые характеризуют степень и направление пространственной автокорреляции. Например, первый квадрант (правый верхний угол диаграммы) включает регионы с высокими показателями экономического роста, окруженные субъектами с аналогичными показателями.

Помимо этого, каждый показатель LISA проверяется на значимость с помощью z-статистики. В зависимости от статистической значимости показателя регионы подразделяются на две категории, в случае I, II и IV квадранта – на регионы с сильной и слабой пространственной автокорреляцией. Таким образом, рассчитанные показатели позволяют выделить региональные кластеры, периферийные территории, а также полюса роста и установить территории, которые получают импульс развития от регионов-соседей или способствуют развитию других регионов. Диаграмма рассеивания Морана, построенная в пакете Stata, представлена в схематичной форме на рисунке 1.

В кластер IV входят территории с отрицательной пространственной автокорреляцией. Регионы с высокими значениями коэффициента являются полюсами роста (ядрами) и формируют кластер территорий с высокими темпами экономического роста, которые оказывают влияние на другие пространственные кластеры (I и II). Регионы с высокими темпами экономического роста и низкой пространственной автокорреляцией относятся к выбросам и не относятся к полюсам роста. Кластер I образуют территории с положительной автокорреляцией. При этом территории с высокими значениями коэффициента пространственной автокорреляции подвержены влиянию со стороны регионов, входящих в кластер IV, однако имеют низкий потенциал к увеличению темпов экономического роста. В свою очередь, регионы, имеющие слабую положительную пространственную автокорреляцию, формируют кластер периферийных территорий, которые также подвержены влиянию со стороны кластера IV, однако степень данного влияния остается низкой.

Р и с. 1. Диаграмма рассеивания индексов пространственной автокорреляции¹¹

¹¹ Здесь и далее в статье рисунки и таблица составлены авторами по материалам исследования.

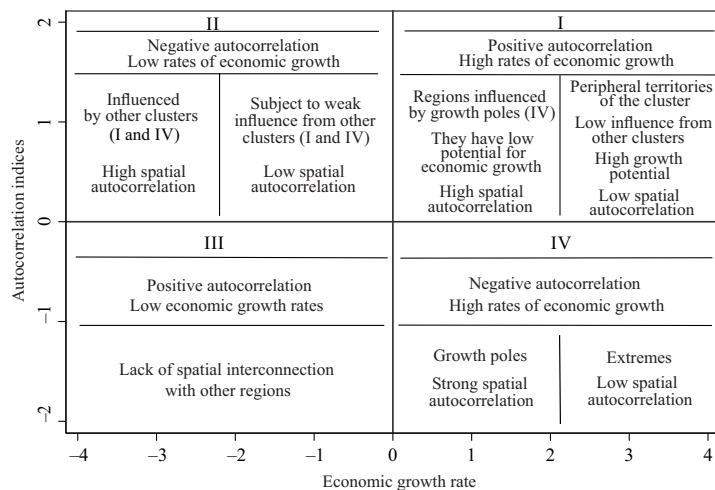

Fig. 1. Modified Moran scatterplot for LISA

В кластер II вошли территории с отрицательной автокорреляцией и низкими показателями темпов экономического роста. Данные территории подвержены влиянию со стороны регионов, составляющих кластеры IV и I, при этом более высокая корреляция говорит о большем влиянии темпов экономического роста пограничных регионов. Согласно анализу, в кластер III вошли некоторые регионы, имеющие весьма низкую, стремящуюся к нулю, положительную автокорреляцию. Они не оказывают ни воздействия на другие регионы, ни пространственного влияния исходя из темпов экономического роста.

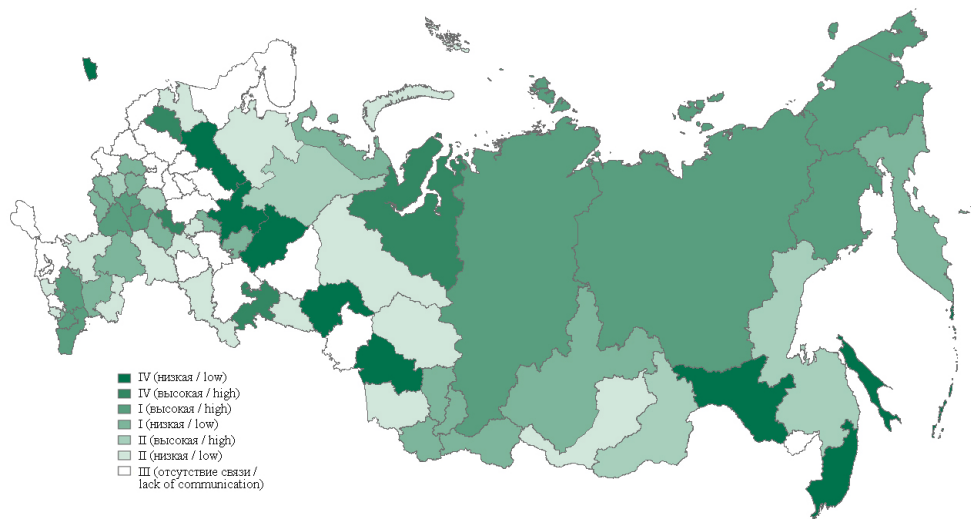
Результаты исследования. На основе рассчитанных локальных индексов Морана были построены модифицированные диаграммы рассеивания индексов пространственной автокорреляции. Для наглядности результаты кластеризации регионов представлены на картах для каждого года: 2014, 2016, 2019, 2020, 2021 (рис. 2–6).

Результаты анализа по темпам экономического роста для 2014 г. (рис. 2) отражают равномерное распределение регионов по кластерам. Достаточно высокие темпы экономического роста в 2014 г. демонстрировали несколько регионов, в том числе Вологодская, Калининградская, Новосибирская, Амурская и Сахалинская области, Приморский край и др. Однако эти регионы являются экстремумами, поскольку, несмотря на высокие значения исследуемого показателя экономического роста, пространственная корреляция имеет низкие значения, близкие к нулю. В то время как Республика Мордовия, Челябинская и Новгородская области и Ямало-Ненецкий автономный округ являлись полюсами роста, т. е. территориями с высокими темпами экономического роста, влияние которых распространялось на соседние регионы, о чем свидетельствуют высокие значения локальных индексов пространственной автокорреляции.

В кластер регионов, подверженных сильному влиянию со стороны полюсов роста, но при этом имеющих слабый потенциал, вошли Республика Дагестан, Чеченская Республика, Ставропольский и Красноярский края, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Воронежская, Липецкая, Тамбовская,

Магаданская области. Другие регионы составили кластер периферийных территорий (республики Алтай, Марий Эл, Удмуртия, Камчатский край, Иркутская, Кемеровская, Белгородская области и др.). На них достаточно слабо влияют полюса роста, при этом они имеют высокий потенциал экономического роста и оказывают воздействие на территории кластера II, из которых Республика Коми, Орловская и Рязанская области, Забайкальский и Хабаровский края подвержены сильному воздействию как со стороны полюсов роста, так и периферийных территорий.

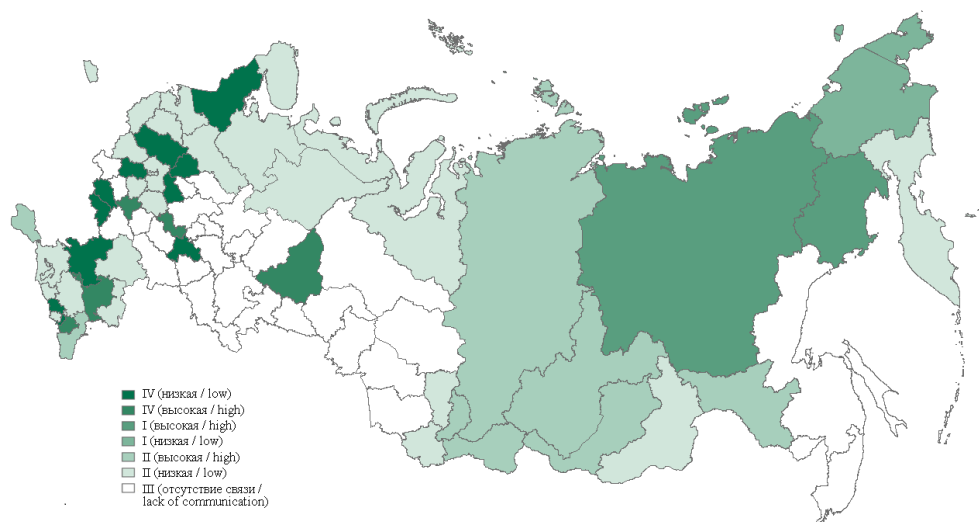

Р и с. 2. Неоднородность экономического роста в России, 2014 г.

F i g. 2. Economic growth heterogeneity in Russia, 2014

Примечательно, что города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) и Республика Крым, ряд регионов центральной России, Свердловская и Омская области продемонстрировали достаточно низкие темпы экономического роста в 2014 г. по сравнению с 2013 г., а локальные индексы пространственной автокорреляции для этих регионов близки к нулю. Таким образом, указанные субъекты Федерации не имели значимой пространственной взаимосвязи и сформировали кластер III.

Результаты анализа для 2016 г. демонстрируют общее снижение темпов экономического роста в российских регионах (рис. 3) на фоне увеличения его неоднородности. По сравнению с 2014 г., значительно увеличилось количество регионов с низкими темпами экономического роста, которые утратили пространственное взаимовлияние (расширение кластера III). Это может объясняться влиянием украинско-российского конфликта 2014 г. и началом санкционного давления на Россию. Санкции 2014–2015 гг. затронули ряд предприятий, финансовых организаций и российских банков. Введенное Россией в качестве ответных мер торговое эмбарго привело к снижению внешнеторгового оборота со странами Европейского союза, США и Японией, что отразилось, в первую очередь, на Хабаровском и Приморском краях и Сахалинской области. Также санкции 2014 г. вызвали значительный отток капитала и снижение прямых иностранных инвестиций в Россию, что привело к спаду экономики во многих субъектах.

Р и с. 3. Неоднородность экономического роста в России, 2016 г.

F i g. 3. Economic growth heterogeneity in Russia, 2016

Снижение темпов роста наблюдается и в ресурсных регионах-экспортерах: Ханты-Мансийский автономный округ вошел в кластер III, а Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа – в кластер II с низкой пространственной взаимосвязью. Компании нефтегазодобывающей отрасли столкнулись с ограничениями по экспорту ряда товаров, а европейские партнеры приостановили предоставление услуг по разведке и реализации некоторых совместных проектов. Таким образом, среди наиболее пострадавших регионов выделяются самые вовлеченные в мировую экономику [25].

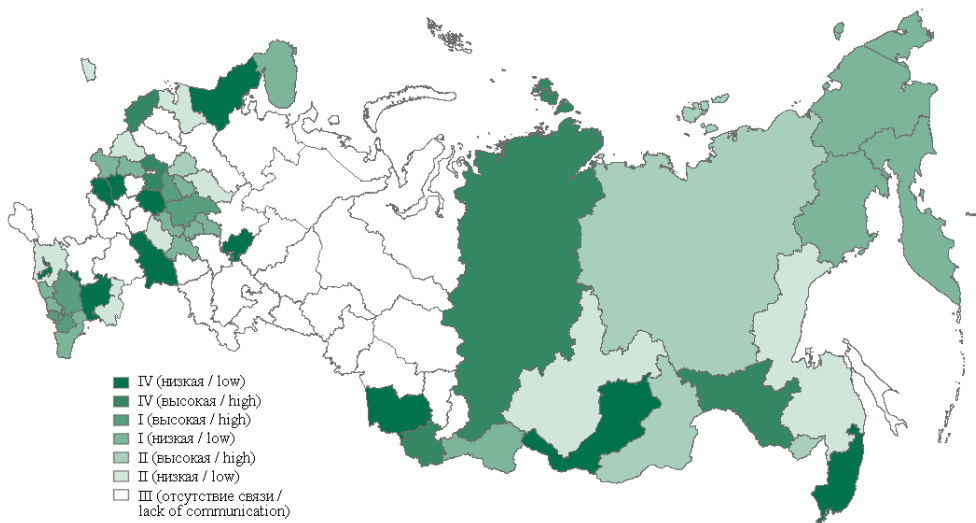
Одновременно следует отметить, что Республика Мордовия сохранила высокие темпы экономического роста наряду с высоким пространственным влиянием на граничащие субъекты Федерации за счет наращивания промышленного производства, выпуска агропромышленной продукции, а также развития НИОКР. При этом полюсами роста в 2016 г. стали Чеченская Республика, Республика Калмыкия, а также Свердловская и Липецкая области. Данные регионы увеличили объем агропромышленного производства, что вызвано введением торгового эмбарго и необходимостью наращивания собственного производства для удовлетворения внутреннего спроса.

Кластер периферийных регионов также в значительной степени изменился в 2016 г. по сравнению с 2014 г. В него вошли Иркутская и Магаданская области, Красноярский край, республики Тыва, Хакасия, Саха (Якутия), Крым и г. Севастополь. Две последние территории, вошедшие в состав России по результатам референдума 2014 г., продемонстрировали высокие темпы экономического роста за счет активной интеграции в национальное пространство, несмотря на то, что имеют относительно низкую пространственную взаимосвязь с остальными регионами.

На рисунке 4 видно усиление неоднородности экономического роста среди российских регионов в 2019 г., что демонстрирует результат адаптации российских

регионов к сложившимся внешнеэкономическим условиям и ограничениям. Наибольший ущерб от систематически расширяющихся антироссийских санкций понесли регионы центральной России, Поволжья и Урала. Кроме того, ограничения, введенные против нефтегазодобывающих предприятий, привели к спаду экономического роста в автономных округах, Сахалинской области и др. Также в санкционный список попали транспортные компании и крупные авиаперевозчики, что сказалось на логистических цепочках поставок.

Р и с. 4. Неоднородность экономического роста в России, 2019 г.

F i g. 4. Economic growth heterogeneity in Russia, 2019

В то же время экономика Красноярского края показала заметный рост в 2019 г., сформировав полюс роста на восточном направлении, который оказывает влияние на республики Саха (Якутия) и Тыва, Иркутскую область и др. Еще одним полюсом роста стала Амурская область, которая также оказывает влияние на граничащие с ней субъекты, а Приморский край и Республика Бурятия продемонстрировали высокий экономический рост, но низкую степень пространственного взаимовлияния. Развитие дальневосточных районов связано с усилением экономической активности на азиатском направлении, в частности, укреплением торговых отношений с Китаем.

Наибольшее количество регионов центральной России и Урала вошли в кластер III с низкими показателями экономического роста в связи с санкциями, введенными против компаний машиностроения, металлургии и промышленности, российских банков и организаций, предоставляющих финансовые услуги (Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Пермский край, Белгородская, Липецкая, Воронежская, Волгоградская области и др.). Также в этот кластер вошли Республика Крым и г. Севастополь, что может быть вызвано запретом на любые инвестиции в регионы и торговую деятельность со стороны западных стран, санкциями против ряда предприятий этих субъектов, включая финансовые взаиморасчеты.

Снижение темпов экономического роста также наблюдается в г. Москве (кластер II), где находится основное количество финансовых и банковских организаций, Калининградской и Ленинградской областях. Пространственное влияние этих субъектов сильно снизилось, и они оказались подвержены влиянию со стороны граничащих регионов.

Одновременно ряд центральных, северо-западных и южных регионов (республики Адыгея и Калмыкия, Московская и Псковская области и др.) образовали полюса экономического роста в западной части России. Высокие темпы роста также выявлены у Марий Эл, Мордовии, Чувашии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ульяновской и Мурманской областей, которые вошли в кластер I (периферийные регионы с высоким потенциалом роста). Чечня, Ингушетия, Ставропольский край, Нижегородская и Владимирская области, подверженные влиянию со стороны граничащих полюсов роста, показали высокие экономические темпы.

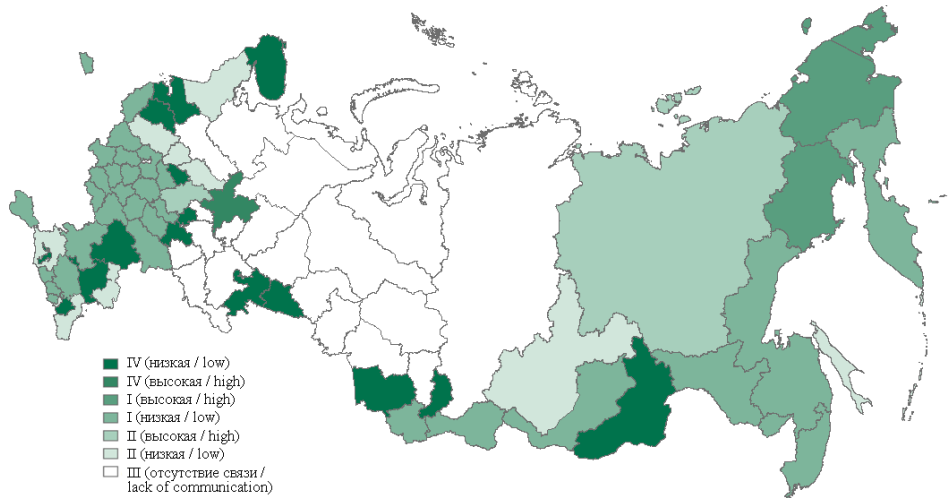
Следует отметить, что в 2019 г. наиболее развитые регионы продемонстрировали низкие темпы экономического роста, в то время как в менее развитых регионах реальный ВРП на душу населения заметно увеличился относительно своих предшествующих значений. Данный факт может свидетельствовать о возможном снижении межрегионального неравенства за счет роста экономик отстающих субъектов Федерации.

Помимо последствий санкций, эффект от которых наблюдается как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде, еще одним вызовом стала пандемия COVID-19, которая привела к короткому, но глобальному экономическому кризису. Ситуация осложнилась ввиду высокой заболеваемости, правительственных ограничений хозяйственной деятельности и закрытия международных границ, что привело к спаду российской экономики на 2,7 %¹².

Карта на рисунке 5 показывает неоднородность экономического роста в регионах в 2020 г., когда подавляющая часть субъектов продемонстрировала снижение темпов экономического роста. Регионы Урала (за исключением Челябинской и Курганской областей) и Сибири в большинстве вошли в кластер III – с низким экономическим ростом и отсутствием пространственного взаимовлияния (значения локальных индексов Морана близки к нулю).

Заметно выделяется группа восточных субъектов России, где высокие темпы роста показал Забайкальский край, однако степень его пространственного влияния низкая. Периферийными регионами с высоким потенциалом экономического роста являются Чукотский автономный округ и Магаданская область, а также Камчатский, Хабаровский и Приморский края, Еврейская автономная и Амурская области, Республика Бурятия, образовавшие кластер территорий с высоким пространственным взаимовлиянием, которое распространяется на территории кластера II, включая Якутию, Сахалинскую и Иркутскую области. Алтайский край, а также республики Тыва, Алтай и Хакасия имели высокие темпы роста, однако их пространственное взаимовлияние низкое.

¹² GDP growth (annual %) – Russian Federation [Электронный ресурс] // Всемирный Банк : сайт. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?name_desc=true&locations=RU (дата обращения: 17.01.2024).

Р и с. 5. Неоднородность экономического роста в России, 2020 г.

F i g. 5. Economic growth heterogeneity in Russia, 2020

В западной части России выделяются центральные и южные регионы. Высокие темпы экономического роста продемонстрировали Ульяновская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Ивановская, Волгоградская и Кировская области, а также Чувашия, Чечня, Адыгея и Калмыкия. Ядром западного кластера стала Кировская область, которая оказала влияние на граничащие с ней территории. Большая часть регионов образовали периферийный кластер, это Республика Крым, города Севастополь и Санкт-Петербург, Ставропольский край, Псковская, Белгородская, Брянская, Воронежская, Московская области и др. Эти субъекты имели высокий потенциал роста и воздействовали на регионы с низкими темпами, в частности, на Нижегородскую и Костромскую области, республики Дагестан и Ингушетия.

Таким образом, пандемия в значительной степени снизила темпы экономического роста в российских регионах, а его неоднородность усилилась. Однако потенциал к кластеризации по темпам экономического роста возрос, что подтверждается рассчитанными глобальными индексами Морана (таблица), которые имеют положительные значения и увеличиваются за рассматриваемый период.

Т а б л и ц а. Глобальные индексы Морана по региональным темпам экономического роста в России

T a b l e. Moran's index based on regional economic growth rates in Russia

Показатель / Indicator	Годы / Years				
	2014	2016	2019	2020	2021
Глобальный индекс Морана / Moran's index	0,0863	0,1010	0,1535	0,3178	0,0740
Стандартная ошибка sd (Ii) / Standard error sd (Ii)	0,0003	0,0004	0,0004	0,0008	0,0006
Математическое ожидание E (Ii) / Mathematical expectation E (Ii)	0,000012	0,000014	0,000021	0,000044	0,000010
Z-оценка / Z-score	264,413	287,679	368,184	420,989	126,639
Значимость / Significance	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Очевидно, что выделяется тенденция близкого расположения регионов с подобными темпами экономического роста. Другими словами, граничащие территории чаще имеют либо высокие, либо низкие темпы экономического роста. На основании показателя значимости отвергается нулевая гипотеза о хаотичном распределении объектов, что свидетельствует о более высоком характере кластеризации темпов экономического роста в регионах России. Проверка z-статистики и значимость также свидетельствуют о наличии пространственного взаимовлияния между российскими регионами в течение всех анализируемых лет. При этом в 2021 г., наряду с восстановлением в постпандемийный период, наблюдается экономический рост во всех регионах, что определило значительное снижение межрегиональной кластеризации, уменьшение пространственной неоднородности и выравнивание регионов по темпам роста (рис. 6).

Р и с. 6. Неоднородность экономического роста в России, 2021 г.

F i g. 6. Economic growth heterogeneity in Russia, 2021

Следует заметить, что большинство регионов, среди которых отмечалась высокая степень пространственной автокорреляции в 2020 г., продемонстрировали отсутствие пространственной взаимосвязи с другими субъектами в 2021 г. К таким регионам относятся республики Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, некоторые субъекты Центрального федерального округа, а на востоке – Приморский и Камчатский края, Сахалинская и Магаданская области, Чукотский автономный округ.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования демонстрируют неоднозначные тенденции относительно увеличения неоднородности региональных темпов роста в России. Тем не менее они позволяют выделить этапы разрыва и сближения, различающиеся по продолжительности. Начало анализируемого периода (2013–2014 гг.) характеризуется относительной стабильностью региональных темпов роста, низкой степенью неоднородности и выраженным взаимовлиянием регионов, что также подтверждается другими исследованиями [26; 27].

Этап разрыва (2015–2020 гг.) характеризуется значительными геополитическими изменениями, а также пандемией, что в совокупности привело к усилению неоднородности. При этом, с одной стороны, произошло ускорение темпов роста в менее развитых регионах, с другой – существенное снижение в промышленно развитых и нефтегазодобывающих субъектах. Полученные в исследовании результаты подтверждаются выводами других авторов [25; 28; 29]. Подобная тенденция в перспективе может способствовать сглаживанию неравенства за счет сокращения разрыва между наиболее развитыми и отстающими регионами. Однако негативный эффект геополитических событий для регионов Урала и Сибири требует особого внимания со стороны властей для обеспечения политики подерживающего роста. Стоит отметить, что в период усиления неоднородности под влиянием внешних шоков сформировались два территориальных кластера – западный и восточный, что на карте (рис. 4) выглядит как «разрыв пространства». В свою очередь, подобные тенденции формируют необходимость активизации механизмов «скрепления» национального экономического пространства.

Этап сближения, начавшийся в 2021 г., продемонстрировал снижение региональной неоднородности по темпам экономического роста. Тенденции к сближению региональных экономик вызваны их восстановлением и адаптацией к последствиям кризисов 2015 и 2020 гг. Значительную роль здесь сыграло наличие пространственного взаимовлияния темпов регионального роста, которое подтверждено результатами нашего исследования. Экономическое развитие полюсов роста (регионов-лидеров) может стимулировать рост граничащих с ними территорий. Необходимо также отметить, что положительные темпы экономического роста периферийных территорий Южного и Северо-Кавказского, а также Дальневосточного федеральных округов, которые в Стратегии пространственного развития определены как геостратегические, косвенно свидетельствуют о результативности заложенных социально-экономических мероприятий в отношении этих регионов. Стоит отметить, что относительно иных концепций, Н. В. Зубаревич отметила некоторые преимущества Стратегии, принятой в 2018 г., обозначившие ее возможную результативность [30].

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что рост геополитической напряженности усиливает неоднородность пространственного развития российских регионов. В условиях непрекращающегося давления необходимо не только реагировать на возникающие изменения, но и разрабатывать преадаптивные механизмы государственной политики, позволяющие хеджировать риски. Ограничением полученных результатов является сложность построения прогноза ввиду слабой предсказуемости не только изменений внешней среды, но и периодически наблюдаемой трансформации государственных механизмов снижения пространственной неоднородности и адаптации к эндогенным рискам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинский В. В., Серга Л. К., Алексеев М. А. Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем // Регионология. 2023. Т. 31, № 3 (124). С. 477–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>

2. Spatial-temporal Characteristics of the Coupling Coordination of Social Security and Economic Development in China during 2002–2018 / Q. Li [et al.] // *Regional Sustainability*. 2021. Vol. 2, issue 2. Pp. 116–129. <https://doi.org/10.1016/j.regsus.2021.04.001>
3. Bai C. E., Ma H., Pan W. Spatial Spillover and Regional Economic Growth in China // *China Economic Review*. 2012. Vol. 23, issue 4. Pp. 982–990. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2012.04.016>
4. Chica-Olmo J., Sari-Hassoun S., Moya-Fernández P. Spatial Relationship between Economic Growth and Renewable Energy Consumption in 26 European Countries // *Energy Economics*. 2020. Vol. 92. Article no. 104962. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.104962>
5. Spatio-temporal Characteristics of Regional Sustainable Economic Growth Drivers of China / L. Wang [et al.] // *Regional Sustainability*. 2021. Vol. 2, issue 3. Pp. 239–255. <https://doi.org/10.1016/j.regsus.2021.11.004>
6. Rey S. J. Spatial Empirics for Economic Growth and Convergence // *Geographical Analysis*. 2001. Vol. 33, issue 3. Pp. 195–214. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.2001.tb00444.x>
7. Ying L. G. Measuring the Spillover Effects: Some Chinese Evidence // *Papers in Regional Science*. 2000. Vol. 79, issue 1. Pp. 75–89. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5597.2000.tb00760.x>
8. Karim A., Suhartono, Prastyo D. D. Spatial Spillover Effect of Transportation Infrastructure on Regional Growth // *Экономика региона*. 2020. Т. 16, вып. 3. С. 911–920. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-18>
9. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Уровень экономического развития и распределение экологической нагрузки между регионами РФ // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2010. № 7. С. 70–88. URL: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-7.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).
10. Демидова О. А. Пространственно-авторегрессионная модель для двух групп взаимосвязанных регионов (на примере восточной и западной части России) // *Прикладная эконометрика*. 2014. № 2 (34). С. 19–35. URL: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0235.html> (дата обращения: 17.01.2024).
11. Невзорова Е. Н., Киреенко А. П., Майбуров И. А. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России // *Экономика региона*. 2020. Т. 16, № 2. С. 464–478. <http://doi.org/10.17059/2020-2-10>
12. Резепин А. В. Пространственные экономические системы: методический инструментарий и прикладные решения // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент*. 2021. Т. 15, № 4. С. 47–56. <http://doi.org/10.14529/em210405>
13. Петров М. Б., Серков Л. А., Кожов К. Б. Моделирование гетерогенности взаимовлияния регионов страны в сфере обрабатывающей промышленности // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 3. С. 944–955. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-16>
14. Артамонов Н. В., Курбацкий А. Н., Халимов Т. М. Взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов Российской Федерации // *Terra Economicus*. 2021. Т. 19, № 2. С. 77–90. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-77-90>
15. Русановский В. А., Марков В. А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 2. С. 36–48. URL: <https://ecfor.ru/publication/zanyatost-i-proizvoditelnost-truda-v-makroregionah-rossii/> (дата обращения: 17.01.2024).
16. Járdány K., Györi T. Spatial Research of the Labour Reserve in the Winery Center of the Danube Wine Region (2014–2019) // *Региональная экономика. Юг России*. 2021. Т. 9, № 4. С. 109–120. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.4.11>
17. Krasnoselskaya D. Kh. Examining Regional Polycentricity: Does It Really Matter in Transitional Russia? // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 2. С. 389–401. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-3>
18. Dubrovskaya J. V., Kozonogova E. V. The Impact of Digitalization on the Demand for Labor in the Context of Working Specialties: Spatial Analysis // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Экономика*. 2021. Т. 37, вып. 3. С. 395–412. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.302>
19. Окунев И. Ю., Горелова Ю. С., Груздева Е. Е. Региональные особенности электорального поведения в Польше: опыт сравнительного пространственного анализа // *Сравнительная политика*. 2021. № 1. С. 149–160. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10011>
20. Кулецкая Л. Е. Пространственные модели электорального выбора: обзор теоретических и эмпирических подходов // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17, № 2. С. 127–164. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.127-164>
21. Корнеева Е. М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход // *Политическая наука*. 2021. № 3. С. 229–250. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.10>

22. Подколзина Е. А., Демидова О. А., Кулецкая Л. Е. Пространственное моделирование электоральных предпочтений в Российской Федерации // Пространственная экономика. 2020. Т. 16, № 2. С. 70–100. <https://doi.org/10.14530/se.2020.2.070-100>
23. Фальцман В. К. Об измерении экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 10–17. URL: <https://ecfor.ru/publication/ob-izmerenii-ekonomicheskogo-rosta/> (дата обращения: 17.01.2024).
24. Иванов Ю. Н. Вопросы измерения экономического роста в странах СНГ // Вопросы статистики. 2014. № 10. С. 3–13. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/146> (дата обращения: 17.01.2024).
25. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
26. Демидова О. А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 34–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-ekonomicheskoe-modelirovanie-ekonomicheskogo-rosta-rossijskih-regionov-imeyut-li-znachenie-instituty> (дата обращения: 17.01.2024).
27. Аверина Л. М., Сиротин Д. В. Оценка пространственных эффектов от инновационной активности промышленно развитых регионов РФ // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 1. С. 268–282. <https://doi.org/10.17059/2020-1-20>
28. Найденова Ю. Н., Леонтьева В. В. Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 141–159. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-141-159>
29. Васильева Р. И. Оценка влияния геополитических рисков на межрегиональное экономическое неравенство в России // π -Economy. 2023. Т. 16, № 6. С. 64–76. <https://doi.org/10.18721/JE.16605>
30. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>

REFERENCES

1. Glinskiy V.V., Serga L.K., Alekseev M.A. Model Representation of Adjustable Differentiation of Regional Socio-Economic Systems. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):477–497. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>
2. Li Q., Zhao Y., Li S., Zhang L. Spatial-Temporal Characteristics of the Coupling Coordination of Social Security and Economic Development in China During 2002–2018. *Regional Sustainability*. 2021;2(2):116–129. <https://doi.org/10.1016/j.regsus.2021.04.001>
3. Bai C.E., Ma H., Pan W. Spatial Spillover and Regional Economic Growth in China. *China Economic Review*. 2012;23(4):982–990. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2012.04.016>
4. Chica-Olmo J., Sari-Hassoun S., Moya-Fernández P. Spatial Relationship between Economic Growth and Renewable Energy Consumption in 26 European Countries. *Energy Economics*. 2020;92:104962. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.104962>
5. Wang L., Wu C., Zhao X., Liu D., Zhang T. Spatio-Temporal Characteristics of Regional Sustainable Economic Growth Drivers of China. *Regional Sustainability*. 2021;2(3):239–255. <https://doi.org/10.1016/j.regsus.2021.11.004>
6. Rey S.J. Spatial Empirics for Economic Growth and Convergence. *Geographical Analysis*. 2001;33(3):195–214. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.2001.tb00444.x>
7. Ying L.G. Measuring the Spillover Effects: Some Chinese Evidence. *Papers in Regional Science*. 2000;79(1):75–89. <https://doi.org/10.1111/j.1435-5597.2000.tb00760.x>
8. Karim A., Suhartono, Prastyo D.D. Spatial Spillover Effect of Transportation Infrastructure on Regional Growth. *Economy of Region*. 2020;16(3):911–920. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-18>
9. Glazyrina I., Zabelina I., Klevakina E. Economic Development and Environmental Impact Disparities among Russia's Regions. *Journal of the New Economic Association*. 2010;(7):70–88. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-7.pdf> (accessed 17.01.2024).
10. Demidova O.A. Spatial-Autoregressive Model for the Two Groups of Related Regions (Eastern and Western Parts of Russia). *Applied Econometrics*. 2014;(2):19–35. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ideas.repec.org/a/ris/apltrx/0235.html> (accessed 17.01.2024).

11. Nevzorova E.N., Kireenko A.P., Mayburov I.A. Spatial Correlation and Distribution of the Shadow Economy in Russia. *Economy of Region*. 2020;16(2):464–478. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.17059/2020-2-10>
12. Rezepin A.V. Spatial Economic Systems: Methodological Tools and Applied Solutions. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"*. 2021;15(4):47–56. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.14529/em210405>
13. Petrov M.B., Serkov L.A., Kozhov K.B. Modelling the Heterogeneity of the Mutual Influence between Russian Regions in the Manufacturing Industry. *Economy of Region*. 2021;17(3):944–955. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-16>
14. Artamonov N.V., Kurbatskii A.N., Khalimov T.M. Relationship between Economic Development and Population Age Structure in the Russian Regions. *Terra Economicus*. 2021;19(2):77–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-77-90>
15. Rusanovskiy V.A., Markov V.A. Employment and Labor Productivity in Macrorregions of Russia: Spatial Interdependence. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(2):135–143. <https://doi.org/10.1134/S1075700718020120>
16. Járdány K., Györi T. Spatial Research of the Labour Reserve in the Winery Center of the Danube Wine Region (2014–2019). *Regional Economy. South of Russia*. 2021;9(4):109–120. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.4.11>
17. Krasnoselskaya D.Kh. Examining Regional Polycentricity: Does It Really Matter in Transitional Russia? *Economy of Region*. 2021;17(2):389–401. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-3>
18. Dubrovskaya J.V., Kozonogova E.V. The Impact of Digitalization on the Demand for Labor in the Context of Working Specialties: Spatial Analysis. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2021;37(3):395–412. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.302>
19. Okunev I.Yu., Gorelova J.S., Gruzdeva E.E. Regional Disparities of Electoral Behaviour in Poland: Comparative Spatial Analysis. *Comparative Politics Russia*. 2021;(1):149–160. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10011>
20. Kuletskaya L.E. Spatial Modeling of Voter Choice: The Survey of Theoretical and Empirical Approach. *Spatial Economics*. 2021;17(2):127–164. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2021.2.127-164>
21. Korneeva E.M. Local Voting in Russia: A Spatial-Econometric Approach. *Political Science*. 2021;(3):229–250. (In Russ., abstract in Eng.) <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.10>
22. Podkolzina E.A., Demidova O.A., Kuletskaya L.E. Spatial Modeling of Voting Preferences in Russian Federation. *Spatial Economics*. 2020;16(2):70–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14530/se.2020.2.070-100>
23. Fal'tsman V.K. On Measurement of Economic Growth. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(1):6–11. <https://doi.org/10.1134/S1075700718010033>
24. Ivanov Yu. Issues of Measuring Economic Growth in the CIS Countries. *Voprosy statistiki*. 2014;(10):3–13. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/146> (accessed 17.01.2024).
25. Zubarevich N.V. Regions of Russia in the New Economic Conditions. *Journal of New Economic Association*. 2022;(3):226–234. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
26. Demidova O., Kamalova E. Spatial Econometric Modeling of Economic Growth in Russian Regions: Do Institutions Matter? *Economic Policy*. 2021;16(2):34–59. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-ekonometricheskoe-modelirovanie-ekonomicheskogo-rosta-rossijskih-regionov-imeyut-li-znachenie-instituty> (accessed 17.01.2024).
27. Averina L.M., Sirotin D.V. Assessment of Spatial Effects from Innovation Activities in the Industrialized Russian Regions. *Economy of Region*. 2020;16(1):268–282. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/2020-1-20>
28. Naidenova Iu.N., Leonteva V.V. Economic Policy Uncertainty and Investment of Russian Companies. *Voprosy ekonomiki*. 2020;(2):141–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-141-159>
29. Vasilyeva R.I. Impact of Geopolitical Risks on Inter-Regional Economic Disparity in Russia. *π -Economy*. 2023;16(6):64–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18721/JE.16605>
30. Zubarevich N.V. Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments. *Voprosy ekonomiki*. 2019;(1):135–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>

Об авторах:

Дорошенко Светлана Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>, Researcher ID: L-6719-2017, Scopus ID: 56470612600, doroshenkos@mail.ru

Васильева Рогнеда Ивановна, старший преподаватель кафедры экономики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5539-3145>, Researcher ID: AAL-4309-2021, Scopus ID: 57417710500, vasilyeva.ri@uiec.ru

Заявленный вклад авторов:

С. В. Дорошенко – анализ теоретической базы; подготовка обзора литературы; критический анализ и доработка текста статьи; общее руководство научным исследованием.

Р. И. Васильева – сбор статистических данных; проведение статистических расчетов в пакете Stata; подготовка графических материалов исследования; обоснование метода исследования; подготовка первоначального варианта статьи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.03.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

About the authors:

Svetlana V. Doroshenko, Dr.Sci. (Econ.), Professor of the Chair of Economics of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8282-6062>, Researcher ID: L-6719-2017, Scopus ID: 56470612600, doroshenkos@mail.ru

Rogneda I. Vasilyeva, Senior Lecturer at the Chair of Economics of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5539-3145>, Researcher ID: AAL-4309-2021, Scopus ID: 57417710500, vasilyeva.ri@uiec.ru

Contribution of the authors:

S. V. Doroshenko – theoretical framework analysis; literature review preparation; critical analysis and text revision; general supervision of the scientific research.

R. I. Vasilyeva – statistical database collection; statistic calculations in Stata software; preparation of visual materials of the research; justification of the research method; preparation of the initial draft of the article.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.03.2024; revised 27.04.2024; accepted 14.05.2024.

Развитие перспективных экономических специализаций как условие роста региональной экономики

Е. Г. Леонидова

*Вологодский научный центр Российской академии наук
(г. Вологда, Российская Федерация)
eg_leonidova@mail.ru*

Аннотация

Введение. В условиях негативного влияния санкционного давления российская экономика нуждается в новых источниках роста. Экономические специализации в российских регионах, под которыми понимаются перспективные отраслевые приоритеты и виды экономической деятельности, способны выступать в качестве источников оживления экономической динамики. Цель исследования – обосновать развитие перспективных экономических специализаций в региональной экономике, являющихся условием роста.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования выбрана Вологодская область – экспортноориентированный регион Северо-Запада России. Информационной базой послужили данные Росстата, региональных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области. Предложенные экономические специализации для изучаемого региона базируются на работах ученых, в которых на принципах применения умной специализации обосновано развитие видов деятельности, являющихся перспективными с точки зрения долгосрочного экономического роста и удлинения цепочек создания стоимости. Межотраслевое моделирование стало основой определения значимости для региональной экономики активизации спроса на продукцию сектора деревообработки.

Результаты исследования. Анализ динамики промышленного производства Вологодской области показал, что экономика региона сильно пострадала от действия санкционных ограничений. В ходе обобщения научных исследований определены перспективные экономические специализации региона – лесопромышленный комплекс и туризм. Использование межотраслевого инструментария позволило определить значимость для региональной экономики удлинения цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленного комплекса за счет формирования внутреннего спроса на продукцию глубокой переработки древесины, формируемого потребностями туристической отрасли.

Обсуждение и заключение. В исследовании определено, что стимулирование спроса на продукцию глубокой переработки древесины (дома из CLT-панелей) окажет значимое влияние на рост экономики региона, обеспечив увеличение выпуска товаров и услуг, фонда заработной платы и численности занятых. Обосновано, что развитие предложенных экономических специализаций в Вологодской области перспективно и позволяет концентрировать добавленную стоимость внутри региона, что особенно важно для развития внутреннего рынка. Для органов власти региона интерес представляют возможность получения количественной оценки от развития экономических специализаций на его территории, что может быть использовано ими при совершенствовании экономической политики.

© Леонидова Е. Г., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: экономическая специализация, экономика региона, туризм, лесопромышленный комплекс, цепочки создания стоимости, вид экономической деятельности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01862 (<https://rscf.ru/project/23-28-01862/>).

Для цитирования: Леонидова Е. Г. Развитие перспективных экономических специализаций как условие роста региональной экономики // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 504–522. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.504-522>

Development of Prospective Economic Specializations as a Condition for Regional Economic Growth

E. G. Leonidova

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russian Federation)
eg_leonidova@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the new economic conditions caused by the sanctions pressure, the Russian economy needs new sources of growth. Economic specializations in Russian regions, which are understood as prospective sectoral priorities and types of economic activity, can act as a source of revitalizing economic dynamics revival. Geopolitical turbulence and the associated focus on the development of the domestic market have led to additional attention from researchers and experts to the study of the economic specializations of Russian subjects. The objective of this study is to substantiate the development of economic specializations in the regional economy, acting as a condition for its growth.

Materials and Methods. Using the materials of the Vologda Region, the export-oriented region of the Northwest, the list of economic specialization, the development of which is promising from the point of view of long-term economic growth, was formulated. The main sources of information are Rosstat data and input-output tables for the Vologda Region. The economic specializations for the region are primarily based on studies that focus on identifying and developing economic specialization in Russian regions. The use of input-output modeling methodology has allowed to determine the impact on the regional economy of extending the value chain in the timber industry due to increased domestic demand for wood products.

Results. Based on the analysis of the dynamics of industrial production in the Vologda Region, it was revealed that the Vologda Region is among the regions that have felt the impact of the sanctions. Based on the approaches of the authors engaged in the search for promising economic specializations of the region, it is established that the timber industry and tourism can act as such. The results of the input-output modeling are shown that stimulating consumer demand for woodworking products has a significant impact on the growth of a region's economy. This demand is driven by the needs of the tourism sector. The calculations were performed in determining the significance of promoting projects for the development of hotels utilizing CLT panel-based technologies in the region.

Discussion and Conclusion. In the study, it was determined that stimulating demand for the production of deep processing of wood (houses from CLT panels) would have a significant impact on the growth of the regional economy, ensuring an increase in the production of goods and services, the wage fund and the number of employed. It was also shown that the development of proposed economic specializations in the Vologda Region is promising and allows for the concentration of added value within the region, which is particularly important for the development of the domestic market. For the regional authorities, the interest lies in the possibility of obtaining a quantitative assessment of the development of economic specializations on their territory, which can be used by them in the improvement of economic policy.

Keywords: economic specialization, regional economy, tourism, timber industry, value chains, economic activities

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-01862 (<https://rscf.ru/project/23-28-01862/>).

For citation: Leonidova E.G. Development of Prospective Economic Specializations as a Condition for Regional Economic Growth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):504–522. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.504-522>

Введение. Экономика российских регионов, испытывая негативное влияние действия экономических санкций, обостривших имеющиеся структурные диспропорции, нуждается в новых источниках роста на долгосрочную перспективу. В научной и экспертной среде указывается на исчерпание факторов, обеспечивающих рост экономики ранее и краткосрочность действия предпринимаемых российским правительством мер бюджетной и кредитно-денежной политики. В частности, прогнозируется, что «при существующих структурных характеристиках российской экономики темпы ее роста около 1 % в год могут сохраниться в перспективе на ближайшие 10–15 лет» [1].

Обострившийся в 2022 г. геополитический кризис сильно отразился на деятельности российских предприятий, особенно экспортоориентированных, руководители которых оказались вынужденными менять рынки сбыта продукции и искать новые логистические решения. К числу макрорегионов России, в экономике которых ключевую роль играет производственный сектор, относится Северо-Западный федеральный округ (далее – СЗФО). Санкционное давление со стороны стран Запада промышленные организации СЗФО ощутили на себе намного сильнее, чем в целом по России, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов. Большинство опрошенных руководителей производственных предприятий округа отметили, что уже в первом полугодии 2022 г. столкнулись с негативными последствиями введения санкций, в то время как в целом по России такого убеждения придерживается меньшее число респондентов [2]. Согласно официальным статистическим данным, за январь – ноябрь 2023 г. СЗФО, наряду с Сибирским федеральным округом, вошел в число тех федеральных округов, в которых зафиксирована самая слабая динамика роста физического объема выпуска по базовым видам экономической деятельности (далее – ВЭД): он составил всего 0,2 % (в Центральном федеральном округе – 11,1 %)¹. В этих условиях поиск новых драйверов роста экономики регионов возможно осуществлять посредством выявления перспективных экономических специализаций. Это дает понимание того, какие конкретные виды экономической деятельности и рыночные ниши целесообразно развивать для стимулирования экономики. Определение экономических специализаций регионов требует оценки экономического эффекта и разработки для этого соответствующего методического инструментария. Цель исследования – обосновать развитие перспективных экономических специализаций в региональной экономике, выступающих как условие ее роста. Для этого был выполнен анализ статистических данных, характеризующих экономическую динамику региона, выявлены существующие в нем экономические специализации, определены эффекты и предложены меры для региональной экономики от их развития. Модельным регионом

¹ Данные Росстата.

для исследования выступила Вологодская область – регион Северо-Запада России, экономика которого испытывает структурные ограничения вследствие упрощения ее структуры, что ухудшает способность генерировать добавленную стоимость, тем самым обеспечивая региональное развитие.

Обзор литературы. В научной литературе вопросы исследования перспективных региональных специализаций являются довольно разработанными. Феномен специализации изучен в рамках двух основных групп теорий: международной торговли и размещения производственных сил. Рост интереса к проблеме определения перспективных специализаций среди зарубежных ученых отмечен с 1990-х гг., что связано с развитием теории новой экономической географии² [3], экономики агломераций [4] и пространственной экономики³. В настоящее время иностранными авторами специализации выявляются в рамках различных подходов, например, концепций экономической сложности⁴ [5–8], технологической близости⁵, умной специализации [9–14].

В России проблеме поиска перспективных специализаций региональной экономики в исследованиях ученых также уделяется внимание. Интерес к их изучению возник в связи с выходом в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., которая получила некоторую долю критики. В ней был сформирован перечень перспективных экономических специализаций для всех российских регионов. В научной и экспертной среде указывается на отсутствие в нем конкретики и наличие большого числа дублирующих специализаций для многих территорий [15]. Авторы подчеркивают недостаток необходимой официальной аналитики, дающей представление о том, где и какие специализации следует развивать в России [16]. Также обосновывается, что в документе не учтены возможность изменения производственной структуры, влияние инноваций [17]. Все это актуализирует проблему поиска и уточнения перспективных экономических специализаций в российских регионах. Исследователями предлагаются различные подходы к их определению. Так, эксперты Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации разработали методологию выявления и комплексной оценки перспектив развития в регионах отраслей их специализации, которая предполагает проведение предварительной классификации локализованных в регионах видов деятельности⁶. Учеными Высшей

² Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99, issue 3. Pp. 483–499.

³ Balsalobre S. J. P., Verduras C. L., Lanchas J. D. Measuring the Economic Complexity at the Sub-national Level Using International and Interregional Trade [Электронный ресурс]. URL: http://www.etsg.org/ETSG2017/papers/perez_llano_complexity_2017.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Lu Zheng, Deng Xiang. Regional Specialization: A Measure Method and Trends in China [Электронный ресурс]. 2011. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/40915/2/MPRA_paper_40915.pdf (дата обращения: 01.02.2024); Pérez-Balsalobre S., Llano-Verduras C., Díaz-Lanchas J. Measuring Subnational Economic Complexity: An Application with Spanish Data. JRC Working Papers on Territorial Modelling and Analysis No. 05/2019. European Commission, Seville, 2019. JRC116253.

⁵ Tullio B., Giancarlo C. Structural Change and Convergence Across European Regions. University Ca' Foscari of Venice, Dept. of Economics Research Paper Series, 16. 2018. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3197017>

⁶ Анализ и оценка перспектив развития существующих специализаций регионов России [Электронный ресурс]. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w2022021.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

школы экономики предложен подход, в котором используется метод значимых кластерных групп, позволяющий оценить не только промышленный сектор, но и другие недооцененные сферы экономики, например креативные индустрии [18]. Другими авторами изучена связь между региональными специализациями и агломерационными эффектами [19].

В последнее время возросло число работ, в которых доказывается, что основой для определения экономической специализации территорий должна стать концепция умной специализации, распространенная в странах Европейского союза [20; 21]. Исследователями подчеркивается преимущество ее использования – ориентированность на выявление отраслей, а не продуктов, и формирование более четкого набора конкурентных преимуществ [22]. Ее применение способствует получению наглядного представления о том, что в регионе лучше всего производить с учетом «сочетания собственных отраслевых и научно-технологических компетенций и где он потенциально может занять новые рыночные ниши»⁷. Такие исследования проводились, например, для Дальнего Востока, для которого были определены специализации с точки зрения их развитости [23], и Югры, где перспективно развитие сферы биоэкономики [24].

В то же время обобщение научной литературы по данной проблематике показало, что все еще недостаточно разработанными остаются вопросы оценки эффектов от развития экономических специализаций для региональных экономик. Ликвидация этого пробела позволит совершенствовать содержание документов стратегического планирования регионального уровня и более четко представлять выгоду от предложенных направлений.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования выступают труды ученых, занимающихся исследованием проблем выявления и развития экономических специализаций в российских регионах, цепочек создания стоимости. Информационной базой исследования являются данные Росстата, региональных таблиц «затраты – выпуск» по Вологодской области.

Предложенные экономические специализации для изучаемого региона базируются на работах ученых [22; 25; 26], в которых с использованием принципов применения умной специализации обосновано развитие ВЭД, в том числе с учетом обеспечения роста экономики в будущем и возможного встраивания в структуру региональной экономики. Применяемый в них методический подход в качестве критериев для выделения экономических специализаций учитывает эффективность отраслевой специализации, рыночный потенциал, инновационную активность, наличие патентов и публикаций, соответствующих ВЭД [25, с. 99]. Кроме того, он предусматривает «потребность в технологическом суверенитете экономики и необходимость трансформации существующих цепочек создания стоимости, для чего используются индикаторы фрагментации цепочек создания стоимости и возможностей региона по импортозамещению» [25 с. 100].

Определение значимости для региональной экономики удлинения цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленного комплекса за счет

⁷ Котов А. В., Гришина И. В., Полянев А. О. Умная специализация региона – вариант решения для России. М. : Всерос. акад. внеш. торговли Мин-ва эконом. развития Рос. Федерации, 2019. 60 с.

формирования внутреннего спроса на продукцию глубокой переработки древесины, формируемого потребностями туристической отрасли, осуществлено с использованием инструментария межотраслевого моделирования. Оценка эффектов от стимулирования развития перспективных экономических специализаций и видов экономической деятельности региона произведена с помощью модели межотраслевого баланса производства и распределения продукции⁸. Она дает возможность рассчитать, как изменится валовой выпуск экономики, число занятых и фонд оплаты труда при изменении структуры экономики. Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y,$$

где x – вектор общего объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x,$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, какой получится сумма выпуска X всех отраслей экономики, если планируется изменение конечного спроса на продукцию отрасли Y .

Информационная база модели включает авторские таблицы «затраты – выпуск» Вологодской области за 2011 г. (исходя из доступности официальных статистических данных по межрегиональной торговле), страновую и региональную статистику по производству, доходам, труду, капиталу, внешней торговле и другие экономические параметры, отражающие структуру экономики региона за 2021 г. Модель не учитывает качественных изменений структуры региональной экономики, что является ее ограничением.

Результаты исследования. Негативное влияние санкционных ограничений среди всех макрорегионов страны довольно сильно почувствовал на себе Северо-Западный федеральный округ, что проявилось в негативной динамике функционирования промышленного производства (табл. 1). Согласно данным Росстата, по итогам 2022 г. спад промышленного производства в СЗФО составил 0,9 %, что стало одним из худших результатов среди остальных округов. Снижение показателя отмечено почти во всех субъектах СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга и ряда сырьевых регионов. В Вологодской области объем промышленного производства по итогам 2022 г. снизился на 5,6 % по сравнению с прошлогодним значением, в результате чего она заняла 71-е место среди всех регионов страны.

Причиной спада во многом является снижение экономической активности в ключевых для региона отраслях. Вологодская область как регион с выраженной специализацией на обрабатывающей промышленности (черная металлургия, химические производства, деревообработка) столкнулась с изменением востребованности этой продукции в новых условиях хозяйствования, которая ранее

⁸ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621875.

традиционно направлялась на экспорт на рынки недружественных стран. До 2022 г. их удельный вес в структуре экспорта регионов Северо-Запада доходил до 66 %. При этом в 12 из 95 экспортируемых товарных групп (среди них минеральное топливо, нефть и продукты их перегонки; рыба и ракообразные; продукты неорганической химии; никель и свинец) зависимость от недружественных стран превышала 75 % их стоимостного объема, еще по 22 позициям (например, древесина и изделия из нее; черные металлы и изделия из них) – составляла 50–75 % [27]. В апреле 2022 г. Федеральная таможенная служба временно приостановила публикацию статистики по экспорту и импорту⁹. Согласно оценочным данным ее руководителя, с начала 2022 г. «объемы экспорта и импорта в округе сократились на 45 %, в результате чего он стал наиболее пострадавшим от введения санкционных ограничений регионом страны в сфере внешней торговли»¹⁰.

Т а б л и ц а 1. Динамика промышленного производства регионов Северо-Западного Федерального округа в 2020–2022 гг.¹¹

Table 1. Dynamics of industrial production in the regions of the Northwestern Federal District in 2020–2022

Территория / Location	Процент к предыдущему году / Compared to the previous year			Ранг ¹² в 2022 г. / Rank in 2022
	2020	2021	2022	
Российская Федерация / Russian Federation	97,9	106,3	99,4	–
Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District	97,4	105,2	99,1	7
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	88,9	102,4	112,3	5
Санкт-Петербург / St. Petersburg	98,4	106,4	103,9	19
Республика Коми / Komi Republic	91,2	101,7	103,3	21
Псковская область / Pskov Region	96,3	105,6	98,6	49
Ленинградская область / Leningrad Region	98,9	107,9	97,1	59
Мурманская область / Murmansk Region	101,0	105,7	95,9	68
Вологодская область / Vologda Region	102,3	101,0	94,4	71
Архангельская область / Arkhangelsk Region	99,1	100,9	94,1	72
Новгородская область / Novgorod Region	102,5	106,8	92,7	78
Республика Карелия / Republic of Karelia	105,5	101,2	91,4	80
Калининградская область / Kaliningrad Region	93,6	104,3	82,4	83

В результате такого положения дел предприятия Северо-Запада оказались вынуждены перестраивать производственно-логистические цепочки и искать

⁹ ФТС приостановила публикацию статистики по экспорту и импорту [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : сайт. 2022. 21 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5318414> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁰ В ФТС назвали наиболее пострадавший от санкций регион [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. 2022. 10 нояб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16292861> (дата обращения: 01.02.2024).

¹¹ Таблица составлена автором статьи на основе данных Росстата.

¹² Ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2022 г. среди 85 субъектов Федерации (без учета Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.

новые рынки сбыта готовой продукции. Об этом свидетельствуют и результаты социологических опросов [27].

Санкционное давление заставляет производителей обратить внимание на внутренний рынок, который органами власти¹³ и экспертами [28] отмечается как весьма перспективный. Исследователи считают, что к числу основных проблем его развития относится малая емкость [29]. В связи с этим актуализируется поиск отраслей и ВЭД, которые могли бы стать драйвером роста экономики российских регионов. По мнению ученых, стратегия специализации предполагает сосредоточение на определенных отраслях и видах деятельности, которые являются конкурентоспособными и приносят высокую прибыль [22]. В этом процессе важно развивать те из них, которые могут быть потенциально встроены в существующие производственные цепочки.

Учеными проведено исследование, в котором был разработан авторский подход к определению перспективных экономических специализаций для Вологодской области [25]. Его апробация осуществлялась на материалах Вологодской области по 235 видам экономической деятельности, а в качестве информационной базы выступили данные Росстата (ЕМИСС, витрина статистических данных, статистика региональных органов), Роспатента, библиотеки eLIBRARY.ru, а также авторские таблицы «затраты – выпуск» по Вологодской области. Данный подход включал в себя расчет эффективности отраслевой специализации (в том числе производительность труда ВЭД в регионе, производительность труда ВЭД в макрорегионе, производительность труда ВЭД в стране, эффективность производительности труда отрасли в целом), рыночного потенциала (значимость ВЭД в масштабах страны, значимость ВЭД в масштабах региона, темпы роста ВЭД в регионе, мультипликативность развития отрасли, потребность региона в импортозамещении продукции ВЭД), инновационной активности (доля затрат на НИР ВЭД региона в объеме странового ВЭД, доля отгруженных товаров, работ, услуг инновационного характера ВЭД региона в объеме странового ВЭД, доля затрат на технологические инновации ВЭД региона в объеме странового ВЭД, соотношение удельных весов инновационных товаров, работ и услуг в регионе и в стране, доля финансирования НИОКР за счет средств предпринимательского сектора в общем объеме финансовых средств), наличия патентов и публикаций, соответствующих ВЭД (патентная активность и публикационная активность). Отличием данной методики от имеющихся является учет потребности экономики в технологическом суверенитете, возможностей региона по импортозамещению и необходимости трансформации существующих цепочек создания стоимости, для чего применены индикаторы фрагментации данных цепочек, которые характеризуют степень фрагментированности производства и позволяют комплексно оценить уровень взаимодействия предприятий в цепочках снабжения и сбыта продукции.

На основе разработанного авторского подхода [25] с учетом принципов умной специализации выявлено, что к числу перспективных видов экономической

¹³ Путин: России надо обеспечить растущий спрос внутреннего рынка [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. 2023. 21 дек. URL: <https://ria.ru/20231221/spros-1917232652.html> (дата обращения: 01.02.2024).

деятельности, способных активизировать рост экономики региона в долгосрочной перспективе, относятся сельское хозяйство, производство продукции лесопромышленного комплекса и туризм. В последующих исследованиях определено, что распиловка и строгание древесины, производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона являются перспективными экономическими специализациями в цепочке создания добавленной стоимости продукции лесопромышленного комплекса Вологодской области [22]. В связи с этим целесообразным видится удлинение цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленного комплекса за счет формирования внутреннего спроса на продукцию глубокой переработки древесины. Исследования доказывают, что в качестве таковой могут выступать «деревянные дома заводского изготовления на базе инновационных лесоматериалов, например CLT-панелей¹⁴» [26]. В Вологодской области расположено производство CLT-панелей¹⁵, использующихся в индивидуальном жилищном строительстве, при возведении многоквартирных домов, модульных средств размещения. Сбыт такой продукции глубокой переработки, производство которой локализовано на территории Вологодской области, на внутренний рынок повысит генерируемую отраслью добавленную стоимость и в целом окажет положительное влияние на экономическое развитие территории. Спрос на такую продукцию, а именно на модульные средства размещения, может быть создан потребностями туристической отрасли региона. Она испытывает дефицит туристической инфраструктуры, в частности средств размещения, о чем мы упоминали ранее [30]. Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что обеспеченность туристов местами размещения в регионе снизилась за 2018–2022 гг. (табл. 2). По итогам 2022 г. Вологодская область заняла 10-е место в стране по приросту внутреннего турпотока по сравнению с прошлым годом (+25,3 %), приняв 461 тыс. россиян, что говорит об увеличении туристического интереса к региону и необходимости наращивания номерного фонда.

В настоящее время российским правительством стимулируется активное наращивание гостиничного фонда в российских регионах путем субсидирования строительства гостиничных объектов в рамках реализации профильного национального проекта. Известно, что возведение капитальных средств размещения требует, как минимум, нескольких лет, в то время как создание модульных гостиниц – кемпингов и набирающих популярность глэмпингов – гораздо быстрее. Они быстро проектируются и вводятся в действие, способствуя удовлетворению текущего спроса. С 2022 г. федеральную финансовую поддержку получают инвесторы, которые реализуют подобные проекты. Наибольшие объемы субсидий получили Алтайский край, Республика Бурятия, Челябинская и Калининградская области. Вологодская область не вошла в число субъектов Федерации, получивших такие субсидии. В 2023–2024 гг. на эти цели российским регионам будут выделены дополнительные средства¹⁶. В то же время

¹⁴ CLT-панели (от англ. Cross Laminated Timber) – перекрестно склеенная древесина.

¹⁵ В г. Сокол Вологодской области производством CLT-панелей занимается компания Segezha Group (входит в АФК «Система»).

¹⁶ Правительство выделило еще 10 млрд рублей на строительство модульных отелей [Электронный ресурс] // Документы : сайт. 2023. 16 сент. URL: <http://government.ru/docs/49518/> (дата обращения: 01.02.2024).

в области имеются все возможности для того, чтобы воспользоваться этой мерой. Предполагаем, что при проведении политики стимулирования внутреннего рынка и создания спроса на товары и услуги, произведенные в России, важно концентрировать добавленную стоимость внутри региона, стремясь к локализации на своей территории звеньев с высоким уровнем добавленной стоимости, что позволит снизить импортозависимость. Наличие в Вологодской области производства крупногабаритных CLT-панелей позволяет удлинить цепочку создания добавленной стоимости лесопромышленного комплекса путем строительства на территории региона средств размещения с применением этой технологии.

Таблица 2. Динамика обеспеченности местами в средствах размещения Вологодской области в 2018–2022 гг.¹⁷

Table 2. Dynamics of the availability of places in accommodation facilities in the Vologda Region in 2018–2022

Показатель / Indicator	2018	2019	2020	2021	2022	2022 к 2018, % / 2022 by 2018, in %
Число мест в среднем на одну гостиницу, ед. / The average number of seats per hotel, units	45,8	43,5	42,3	40,2	42,7	93,3
Число мест в среднем на один хостел, ед. / The average number of places per hostel, units	69,9	71,6	73,5	70,1	60,7	86,8
Число мест в среднем на одну организацию отдыха, ед. / The number of places on average per recreation organization, units	71,4	90,5	68,8	66,7	62,2	87,1

Используемый материал и инновационная технология являются удачным решением для развития гостиничной инфраструктуры для потребителей с разным уровнем дохода (апарт-отели, отели категорий четыре и три звезды, глэмпинги), так как обладают уникальными характеристиками, среди которых высокая прочность, огнестойкость, устойчивость к влаге и экологичность, которая позволяет минимизировать нагрузку на окружающую среду. Кроме того, «сокращенный период от начала инвестирования до начала эксплуатации домов туристами позволяет заказчику максимально сократить срок окупаемости проекта и ускорить оборот вложенных средств»¹⁸. В России одним из успешных примеров их применения в гостиничной индустрии является Пермский край, в котором на основе этой технологии в 2022 г. был возведен экоотель (глэмпинг). Проект был реализован при федеральной поддержке¹⁹, благодаря чему удалось построить три гостевых дома. Изучая этот кейс развития гостиничной инфраструктуры с применением CLT-панелей, мы выяснили, что строительство гостевых домов было осуществлено за рекордно короткие сроки – всего за два месяца. Сокращенные сроки получения государственной субсидии не помешали заказчику

¹⁷ Таблица составлена автором статьи на основе данных Росстата.

¹⁸ CLT-панели помогают развить туристскую инфраструктуру [Электронный ресурс] // Ассоциация деревянного домостроения : сайт. 2023. 6 июля. URL: <https://npadd.ru/novosti/clt-paneli-pomogayut-razvit-turistskuyu-infrastrukturu/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁹ Строительство отеля осуществлялось за счет привлечения федеральных средств в рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

своевременно построить дома и отчитаться за государственные деньги, а также подать заявку на новые субсидии в 2023 г. на строительство еще 11 домов²⁰. В 2023 г. развитие туристической инфраструктуры с применением CLT-панелей получило дальнейшее распространение в российских регионах, например в Московской области, где для загородного клуба был построен коттедж. Кроме того, известно о планах Segezha Group продолжать реализовывать потенциал развития деревянного строительства с использованием CLT-панелей для нужд туристической отрасли в туристических регионах страны. Так, «в 2023 г. было объявлено о планах обеспечить города Золотого кольца 30 деревянными многоэтажными отелями общей стоимостью 9 млрд рублей»²¹.

Перспективность реализации подобных проектов по строительству гостиниц с использованием технологий CLT-панелей обосновывается следующим:

1. В Вологодской области находится производство крупногабаритных CLT-панелей компании Segezha Group на базе Сокольского ДОКа – ООО «Сокол СиЭлТи». Наличие в регионе таких производств является предпосылкой для создания проектов в смежных с ней отраслях.

2. В 2023 г. Минпромторг России, Segezha Group, Вологодская область и Сокольский муниципальный район заключили специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0) на производство CLT-панелей²². Контракт заключен до конца 2036 г. Следует отметить, что развитие производства зданий по технологии CLT-панелей связано с сокращением числа традиционных внешних рынков для российского ЛПК. В связи с этим активная поддержка подобных предприятий способствует удлинению производственно-сбытовых цепочек и позволяет концентрировать добавленную стоимость внутри региона, поскольку полуфабрикатная продукция, ранее уходившая на экспорт на рынок недружественных стран, используется для создания высокотехнологичной продукции.

В качестве потенциального инвестора для строительства модульных средств размещения на территории региона может выступить ПАО АФК «Система», ранее обозначившая интерес к созданию гостиничного комплекса в г. Великий Устюг на территории вотчины Деда Мороза.

Учитывая важность для экономики стимулирования потребительского спроса, предположим, что в результате целенаправленной политики по развитию туристической инфраструктуры²³, в том числе путем участия Вологодской области в профильном национальном проекте, в регионе возрос потребительский спрос на продукцию сектора деревообработки на фиксированную сумму в размере

²⁰ Глэмпинги из CLT: скорость, экологичность и красота [Электронный ресурс] // Segezha Group : сайт. 2023. 17 авг. URL: <https://sg-dom.ru/news/207/> (дата обращения: 01.02.2024).

²¹ Структура АФК «Система» построит 30 деревянных отелей в туристических зонах России [Электронный ресурс] // Финам : сайт. 2023. 18 авг. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/struktura-afk-sistema-postroit-30-derevyannykh-otelay-v-turisticheskikh-zonakh-rossii-20230818-1032/> (дата обращения: 02.02.2024).

²² Минпромторг и Segezha Group заключили СПИК 2.0 на производство CLT-панелей [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. 2023. 7 апр. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17477557> (дата обращения: 02.02.2024).

²³ В настоящее время в рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» существует возможность для участия регионов в программе софинансирования строительства модульных гостиниц.

1,8 млрд руб. в результате строительства 30 деревянных многоэтажных отелей (по аналогии с планами строительства в городах Золотого кольца)²⁴. Согласно проведенному межотраслевому моделированию, выпуск в региональной экономике в результате роста спроса от базового уровня в целом по экономике увеличится на 4,4 млрд руб. (табл. 3).

Прирост ВРП Вологодской области составит 0,13 %. Эффекты скажутся и на других социально-экономических параметрах, например, на росте на 439,6 чел., занятых в производстве. Изменения коснутся фонда оплаты труда, прирост которого составит почти 8,5 млн руб. Стоит отметить, что значение показателя величиной в 2,46, отражающего изменение выпуска в результате импульса, полученного от увеличения спроса на деревообрабатывающую продукцию, как следует из рисунка, довольно высоко. Таким образом, результаты проведенного моделирования демонстрируют значимость для роста экономики региона предлагаемых мероприятий, а именно реализации проектов по строительству гостиниц с использованием технологий CLT-панелей на территории региона.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование позволило обосновать перспективность развития определенных экономических специализаций для роста экономики региона на основе удлинения и локализации в нем цепочки добавленной стоимости. Исходя из выявленных ранее сведений о перспективных экономических специализациях была осуществлена количественная оценка для региональной экономики от их развития на основе межотраслевого моделирования.

Полученные результаты доказывают значимость для региональной экономики удлинения цепочки создания добавленной стоимости лесопромышленного комплекса за счет внутреннего спроса на продукцию глубокой переработки древесины на основе CLT-технологий, формируемого потребностями туристической отрасли. Рассмотренные перспективные экономические специализации, включенные в существующие цепочки создания стоимости лесопромышленной продукции, способствуют развитию внутреннего рынка и снижают импортозависимость экономики. Следует отметить, что развитие цепочки создания добавленной стоимости в лесопромышленном комплексе за счет формирования спроса со стороны туристической отрасли требует решения задачи по развитию туристического предложения в регионе. Видится, что в условиях активного развития государством туризма в ближайшее время усилится конкуренция за туристов между регионами, что обуславливает развитие обеспечивающей инфраструктуры (транспортной и инженерной), в том числе путем привлечения федерального финансирования. Так, в его рамках имеется возможность получения субсидий на эти цели от Минстроя России. Помимо туризма, источником спроса на дома с использованием многослойных деревянных CLT-панелей может стать строительство жилья под муниципальные и частные нужды.

²⁴ Экспертно оценено, что доля затрат на CLT-панели в общей стоимости зданий подобного типа составляет 15–25 %. В данном исследовании в расчет принимается 20 %, что составляет 1,8 млрд руб. от общей стоимости 30 зданий.

Т а б л и ц а 3. Показатели, характеризующие значимость для региональной экономики от увеличения выпуска сектора деревообработки, вызванного спросом туристической отрасли²⁵
 Table 3. Indicators characterizing the importance for the regional economy of the increase in the output of the woodworking sector caused by the demand of the tourism industry

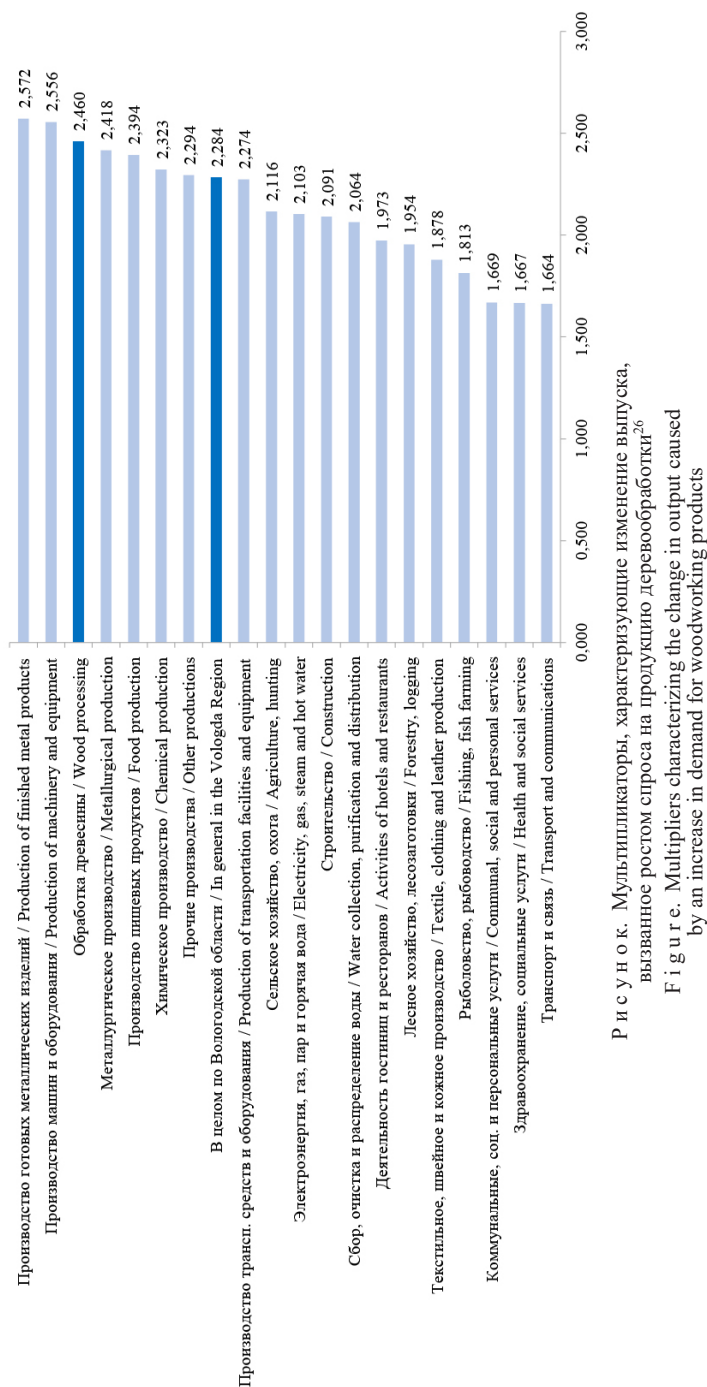
Вид экономической деятельности / Type of economic activity	Прирост валового выпуска, в % / Increase in gross output, in %					Прирост валового выпуска, в млн руб. / Increase in gross output, in millions of rubles					Прирост спроса на работников, чел. / Increase in demand for em- ployees, people					Прирост фонда зарботной платы, млн руб. / Increase in the salary fund, million rubles				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Сельское хозяйство, охота / Agriculture, hunting		0,0	7,8	3,9	1,6															
Лесное хозяйство, лесозаготовки / Forestry, logging		1,4	364,0	96,3	64,0															
Рыболовство, рыбоводство / Fishing, fish farming		0,1	0,2	0,2	0,1															
Добыча полезных ископаемых / Mining		2,7	15,6	10,5	6,4															
Производство пищевых продуктов, включая напитки / Food production, including beverages		0,0	5,7	0,9	0,4															
Текстильное, швейное и кожное производство / Textile, clothing and leather production		0,6	8,7	14,6	3,1															
Обработка древесины и производство изделий из дерева / Wood processing and manufacture of wood products		3,1	2 000,6	294,8	143,5															
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги / Production of pulp, wood pulp, paper		0,4	55,5	3,7	2,1															
Издательская и полиграфическая деятельность / Publishing and printing activities		0,9	5,3	2,4	3,3															
Производство кокса и нефтепродуктов / Production of coke and petroleum products		1,4	157,2	14,2	11,9															
Химическое производство / Chemical production		0,1	188,1	3,4	3,0															
Производство резиновых и пластмассовых изделий / Manufacture of rubber and plastic products		1,1	42,6	6,5	2,8															
Производство строительных материалов и стекла / Production of building materials and glass		0,1	25,5	4,5	2,9															
Металлургическое производство / Metallurgical production		0,0	67,7	1,6	1,3															

²⁵ Таблица составлена автором статьи по материалам исследования.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Производство готовых металлических изделий / Production of finished metal products	0,2	41,0	12,5	6,6
Производство машин и оборудования / Production of machinery and equipment	0,5	80,4	47,3	26,4
Производство электрооборудования и электроники / Manufacture of electrical equipment and electronics	1,3	25,5	10,6	7,2
Производство транспортных средств и оборудования / Production of vehicles and equipment	1,6	36,9	22,1	11,1
Прочие производства / Other productions	0,3	8,0	4,4	1,6
Распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды / Distribution of electricity, gas, steam and hot water	0,6	228,1	76,9	42,8
Сбор, очистка и распределение воды / Water collection, purification and distribution	0,0	5,0	2,6	1,1
Строительство / Construction	0,0	41,7	9,3	5,1
Оптовая и розничная торговля / Wholesale and retail trade	1,0	366,7	362,2	136,3
Деятельность гостиниц и ресторанов / Activities of hotels and restaurants	0,1	3,5	2,7	0,8
Транспорт и связь / Transport and communications	0,3	270,3	108,1	83,2
Финансовое посредничество; страхование / Financial intermediation; insurance	3,4	117,7	165,8	134,7
Операции с недвижимым имуществом: аренда и услуги / Real estate transactions; rentals and services	0,6	230,6	172,0	94,1
Государственное управление; социальное страхование / Public administration; social insurance	1,5	16,2	439,6	273,1
Образование / Education	0,1	1,5	18,9	8,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг / Health and social services provision	0,0	1,0	1,5	0,7
Коммунальные, социальные и персональные услуги / Provision of other public, social and personal services	0,3	9,4	22,0	11,2
В целом по экономике / Overall economy	0,3	4427,8	1 936,0	1 091,0

Р и с у н о к. Мультипликаторы, характеризующие изменение выпуска, вызванное ростом спроса на продукцию деревообработки²⁶
 Figure. Multipliers characterizing the change in output caused by an increase in demand for woodworking products

²⁶ Рассчитано автором статьи на основе межотраслевого моделирования.

Определение перспективных экономических специализаций российских регионов должно опираться на соответствующий методологический инструментарий, учитывать возможность получения дополнительного синергетического эффекта от объединения видов экономической деятельности. Поиск перспективных экономических специализаций должен быть сопряжен с совершенствованием системы государственной статистики, содержащей данные, позволяющие оценить признаки новой специализации.

Для органов власти региона интерес представляет возможность получения количественной оценки от развития экономических специализаций на его территории с помощью предложенного методического инструментария, что может быть использовано при совершенствовании экономической политики в части выявления экономических специализаций региона и стать основой для разработки адресных мер по их развитию. В дальнейших работах будет продолжено исследование перспективных экономических специализаций с учетом опоры на сформированные в регионе компетенции и решения задачи по развитию внутреннего рынка и обеспечению импортозамещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев М. С. Стратегия экономического развития России – 2035: пути преодоления долгосрочной стагнации // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2 (197). С. 18–29. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-18-29>
2. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций / Т. В. Ускова [и др.] // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 7–28. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.1>
3. Растворцева С. Н., Куга Я. Т. Региональная специализация и географическая концентрация промышленности в России // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Т. 23, № 13 (132). С. 37–46. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/54755/1/Rastvortseva_Regional.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
4. Di Comite F., Kancs D., Lecca P. Modeling Agglomeration and Dispersion in Space: The Role of Labor Migration, Capital Mobility and Vertical Linkages // Review of International Economics. 2018. Vol. 26, issue 3. Pp. 555–577. <https://doi.org/10.1111/roie.12313>
5. Basile R., Cicerone G. Economic Complexity and Productivity Polarization: Evidence from Italian Provinces // German Economic Review. 2022. Vol. 23, no. 4. Pp. 567–594. <https://doi.org/10.1515/ger-2021-0070>
6. Gao J., Zhou T. Quantifying China's Regional Economic Complexity // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2018. Vol. 492. Pp. 1591–1603. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2017.11.084>
7. Hidalgo C. A., Hausmann R. The Building Blocks of Economic Complexity // PNAS. 2009. Vol. 106, issue 26. Pp. 10570–10575. <https://doi.org/10.1073/pnas.0900943106>
8. Economic and Technological Complexity: A Model Study of Indicators of Knowledge-based Innovation Systems / I. Ivanova [et al.] // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 120. Pp. 77–89. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.04.007>
9. Asheim B. Smart Specialisation, Innovation Policy and Regional Innovation Systems: What about New Path Development in Less Innovative Regions? // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2019. Vol. 32, issue 1. Pp. 8–25. <https://doi.org/10.1080/13511610.2018.1491001>
10. Balland P.-A., Boschma R. Complementary Interregional Linkages and Smart Specialisation: An Empirical Study on European Regions // Regional Studies. 2021. Vol. 55, issue 6. Pp. 1050–1070. <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1861240>
11. Is Smart Specialisation Strategy Coherent with Regional Innovative Capabilities? / D. D'Adda [et al.] // Regional Studies. 2019. Vol. 53, issue 7. Pp. 1004–1016. <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1523542>
12. Economic Modelling to Evaluate Smart Specialisation: An Analysis of Research and Innovation Targets in Southern Europe / J. Barbero [et al.] // Regional Studies. 2022. Vol. 56, issue 9. Pp. 1496–1509. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1926959>

13. Smart Specialisation and Learning Regions as a Competitive Strategy for Less Developed Regions / J. J. Ferreira [et al.] // *Regional Studies*. 2021. Vol. 55, issue 3. Pp. 373–376. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1891216>
14. Smart Specialization: A Spontaneous Four-step Process in the Mixed Arab–Jewish Region of Haifa and Nazareth / M. Shilon [et al.] // *Regional Studies*. 2022. Vol. 56, issue 5. Pp. 703–718. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1948524>
15. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. «Перспективная экономическая специализация» как новация политики регионального развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 6. С. 49–65. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10122>
16. Козырь Н. С. Перспективные экономические специализации макрорегионов как ключевая недоработка Стратегии пространственного развития России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 1. С. 103–124. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-103-124>
17. Лажнецов В. Н. О диверсификации экономической специализации Республики Коми // ЭКО. 2020. Т. 50, № 12. С. 8–37. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-12-8-37>
18. Куденко Е. С., Абашкин В. Л., Исланкина Е. А. Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 65–89. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89>
19. Растворцева С. Н., Снитко Л. Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 3. С. 46–58. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.4>
20. Котов А. В. Методический подход к определению умной специализации регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2020. № 2. С. 22–45. <https://doi.org/10.15372/REG20200202>
21. Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by Oneself? An Analysis of Russian Regional Innovation Strategies within the RIS3 Framework // *Форсайт*. 2018. Vol. 12, no 1. Pp. 25–45. URL: <https://foresight-journal.hse.ru/article/view/19424> (дата обращения: 01.02.2024).
22. Румянцев Н. М. Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023. Т. 16, № 6. С. 74–90. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.4>
23. Андреев П. А., Лаврентьев И. А., Сидорович М. А. Определение современной отраслевой специализации регионов Дальнего Востока // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023. № 97. С. 7–25. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-7-25>
24. Котов А. В. Стратегия импортозамещения в экспортоориентированном регионе России // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2023. № 1. С. 64–73. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-64-73>
25. Румянцев Н. М., Леонидова Е. Г., Губанова Е. С. Определение отраслевых приоритетов структурной трансформации региона на основе поиска перспективных экономических специализаций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 6. С. 94–109. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.5>
26. Румянцев Н. М. Репозиционирование экономики региона в цепочках создания стоимости на основе поиска перспективных специализаций: кейс лесопромышленного комплекса Вологодской области // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 2. С. 10–22. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.2>
27. Широкова Е. Ю., Лукин Е. В. Функционирование производственного сектора экономики Северо-Запада России в 2022–2023 годах: ожидания и реальность // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 6. С. 44–63. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.4>
28. Ершов М. В., Танасова А. С., Соколова Е. Ю. О механизмах стимулирования внутреннего спроса как ключевого фактора роста экономики // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 114–129. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-9>
29. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций / Т. В. Ускова [и др.] // *Проблемы развития территории*. 2022. Т. 26, № 6. С. 7–28. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.1>
30. Леонидова Е. Г. Приоритеты и угрозы развития регионального туризма // *Регионология*. 2022. Т. 30, № 3. С. 624–646. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646>

REFERENCES

1. Gusev M.S. Russian Economic Development Strategy – 2035: Ways to Overcome Long-Term Stagnation. *Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(2):167–175. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-197-18-29>

2. Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V. The Manufacturing Sector of the Economy of Northwest Russia: Problems of Adaptation and Prospects of Functioning under Sanctions. *Problems of Territory's Development*. 2022;26(6):7–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.1>
3. Rastvortseva S.N., Kuga Ya.T. Regional Specialization and Geographic Concentration of the Industry in Russia. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2012;23(13):37–46. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/54755/1/Rastvortseva_Regional.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
4. Di Comite F., Kanacs D., Lecca P. Modeling Agglomeration and Dispersion in Space: The Role of Labor Migration, Capital Mobility and Vertical Linkages. *Review of International Economics*. 2018;26(3):555–577. <https://doi.org/10.1111/roie.12313>
5. Basile R., Cicerone G. Economic Complexity and Productivity Polarization: Evidence from Italian Provinces. *German Economic Review*. 2022;23(4):567–594. <https://doi.org/10.1515/ger-2021-0070>
6. Gao J., Zhou T. Quantifying China's Regional Economic Complexity. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018;492:1591–1603. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2017.11.084>
7. Hidalgo C.A., Hausmann R. The Building Blocks of Economic Complexity. *PNAS*. 2009;106(26):10570–10575. <https://doi.org/10.1073/pnas.0900943106>
8. Ivanova I., Strand O., Kushnir D., Leydesdorff L. Economic and Technological Complexity: A Model Study of Indicators of Knowledge-Based Innovation Systems. *Technological Forecasting and Social Change*. 2017;120:77–89. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.04.007>
9. Asheim B. Smart Specialisation, Innovation Policy and Regional Innovation Systems: What about New Path Development in Less Innovative Regions? *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2019;32(1):8–25. <https://doi.org/10.1080/13511610.2018.1491001>
10. Balland P.-A., Boschma R. Complementary Interregional Linkages and Smart Specialisation: An Empirical Study on European Regions. *Regional Studies*. 2021;55(6):1050–1070. <https://doi.org/10.1080/00343404.2020.1861240>
11. D'Adda D., Guzzini E., Iacobucci D., Palloni R. Is Smart Specialisation Strategy Coherent with Regional Innovative Capabilities? *Regional Studies*. 2019;53(7):1004–1016. <https://doi.org/10.1080/0343404.2018.1523542>
12. Barbero J., Diukanova O., Gianelle C., Salotti S., Santoalha A. Economic Modelling to Evaluate Smart Specialisation: An Analysis of Research and Innovation Targets in Southern Europe. *Regional Studies*. 2022;56(9):1496–1509. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1926959>
13. Ferreira J.J., Farinha L., Rutten R., Asheim B. Smart Specialisation and Learning Regions as a Competitive Strategy for Less Developed Regions. *Regional Studies*. 2021;55(3):373–376. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1891216>
14. Shilon M., Kaufmann D., Schwartz D., Rosiello A. Smart Specialization: A Spontaneous Four-Step Process in the Mixed Arab–Jewish Region of Haifa and Nazareth. *Regional Studies*. 2022;56(5):703–718. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1948524>
15. Ivanov O.B., Buchvald E.M. “Perspective Economic Specialization” as the Innovation of the Regional Development Policy. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2019;(6):49–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10122>
16. Kozyr N.S. Macro-Regions Promising Economic Specializations as a Key Gap in Spatial Development Strategy of Russian Federation. *Ars Administrandi*. 2023;15(1):103–124. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-103-124>
17. Laghencev B. On Diversification of Economic Specialization of the Komi Republic. *ECO*. 2020;50(12):8–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-12-8-37>
18. Kutsenko E.S., Abashkin V.L., Islankina E.A. Focusing Regional Industrial Policy via Sectorial Specialization. *Voprosy ekonomiki*. 2019;(5):65–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-65-89>
19. Rastvortseva S.N., Snitko L.T. Regional Specialization and Agglomeration Effects in the Russian Economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(3):46–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.4>
20. Kotov A.V. Methodological Approach to Smart Specialization for the Russian Regions. *Region: Economics and Sociology*. 2020;(2):22–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15372/REG20200202>
21. Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by Oneself? An Analysis of Russian Regional Innovation Strategies within the RIS3 Framework. *Foresight and STI Governance*. 2018;12(1):25–45. Available at: <https://foresight-journal.hse.ru/article/view/19424> (accessed 01.02.2024).

22. Rumyantsev N.M. Promising Economic Specializations within a Macroregion (The Case of the Northwestern Federal District). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(6):74–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.4>
23. Andreev P.A., Lavrentiev I.A., Sidorovich M.A. Identification of Modern Industry Specialization of Far East Regions. *Public Administration. E-Journal (Russia)*. 2023;(97):7–25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-7-25>
24. Kotov A.V. Import Substitution Strategy in Russia's Export-Oriented Region. *Russian Foreign Economic Journal*. 2023;(1):64–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-64-73>
25. Rumyantsev N.M., Leonidova E.G., Gubanova E.S. Defining Sectoral Priorities of the Region's Structural Transformation by Searching for Promising Economic Specializations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(6):94–109. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.5>
26. Rumyantsev N.M. Repositioning of the Regional Economy in Value Chains Based on the Search for Promising Specializations: The Case of the Timber Industry Complex of the Vologda Oblast. *Problems of Territory's Development*. 2023;27(2):10–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.2>
27. Shirokova E.Yu., Lukin E.V. Functioning of Manufacturing Sector of the North-West Russian Economy in 2022–2023: Expectations and Reality. *Problems of Territory's Development*. 2023;27(6):44–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.4>
28. Ershov M.V., Tanasova A.S., Sokolova E.Yu. Stimulating Domestic Demand as a Key Factor of Economic Growth. *Economy of Region*. 2021;17(1):114–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-9>
29. Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V. The Manufacturing Sector of the Economy of Northwest Russia: Problems of Adaptation and Prospects of Functioning under Sanctions. *Problems of Territory's Development*. 2022;26(6):7–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.1>
30. Leonidova E.G. Priorities and Threats for the Development of Regional Tourism. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(3):624–646. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646>

Об авторе:

Леонидова Екатерина Георгиевна, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией отраслевых исследований центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, старший научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-6810>, Researcher ID: I-8400-2016, Scopus ID: 57743001500, eg_leonidova@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 12.02.2024; поступила после рецензирования 14.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

About the author:

Ekaterina G. Leonidova, Cand.Sci. (Econ.), Head of the Laboratory of Sectoral Studies of the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development of the Department of Problems for Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-6810>, Researcher ID: I-8400-2016, Scopus ID: 57743001500, eg_leonidova@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 12.02.2024; revised 14.03.2024; accepted 25.03.2024.

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.523-542

УДК 332.142.2

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Перспективные направления экономического развития сельских территорий: кейс Республики Крым

М. С. Оборин¹Н. В. Новикова² ✉Е. Ю. Виноградова²

¹ Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д. Н. Прянишникова
(г. Пермь, Российская Федерация)

² Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)

✉ novikova.nv2@yandex.ru

Аннотация

Введение. Сельские территории представляют значительный стратегический потенциал социально-экономического развития страны. В последние годы роль государства в планировании территориального развития существенно возросла. Это связано с успешным опытом проектирования территориально-отраслевого развития в сложные периоды макроэкономических и геополитических кризисов, финансированием и контролем инфраструктурных проектов, имеющих значение для экономики и общества. Цель исследования – на основе построения структурно-отраслевых профилей обосновать перспективные направления экономического развития сельских территорий Республики Крым.

Материалы и методы. Информационную основу исследования составили официальные статистические данные Росстата и Крымстата, официальных сайтов органов управления Российской Федерации, архивные материалы. Исследование выполнено на основе применения контент-анализа научной литературы, позволяющего выстроить теоретический фундамент проведения собственного научного поиска; метода ретроспективного анализа, помогающего сформировать динамические ряды показателей, обосновать тенденции и факторы происходящих изменений; метода структурного анализа, используемого для построения структурно-отраслевых профилей экономики сельских территорий Республики Крым.

Результаты исследования. Построены структурно-отраслевые профили экономики сельских территорий Республики Крым за 2017 и 2022 гг., позволившие доказать наличие процессов структурно-отраслевых изменений, выявить ключевые факторы влияния и обосновать перспективные направления дальнейшего развития. Авторы доказывают, что на фоне происходящих изменений в экономическом пространстве сельских территорий Крыма сохраняется доминирование сельскохозяйственного производства, базирующегося на использовании уникальных природных факторов, ресурсов и условий (климат, плодородие почв, наличие веками сложившихся технологий выращивания сельскохозяйственной продукции и др.).

Обсуждение и заключение. Снижение удельного веса сельскохозяйственного производства в отраслевой структуре экономики сельских территорий (муниципальных районов) Республики Крым является самым существенным за период 2017–2022 гг., что прежде всего обусловлено усилением транспортно-логистических и рекреационно-курортных функций региона,

© Оборин М. С., Новикова Н. В., Виноградова Е. Ю., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

развитием других видов материального производства. Анализ структурно-отраслевых профилей доказывает устойчивость развития сельских муниципальных образований Республики Крым, обусловленную направленностью на потребности как приезжего, так и местного населения. Полученные результаты можно использовать при разработке стратегий, планов, проектов социально-экономического развития сельских территорий, муниципалитетов и регионов.

Ключевые слова: сельские территории, сельскохозяйственная специализация, отраслевая структура экономики, занятость сельского населения, муниципальные образования, Республика Крым

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Оборин М. С., Новикова Н. В., Виноградова Е. Ю. Перспективные направления экономического развития сельских территорий: кейс Республики Крым // Регионология. 2024. Т. 32, № 3. С. 523–542. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.523-542>

Promising Directions of Economic Development of Rural Areas: The Case of the Republic of Crimea

M. S. Oborin^a, N. V. Novikova^b✉, E. Yu. Vinogradova^b

^a Perm State Agro-Technological University named after academician D. N. Prianishnikov
(Perm, Russian Federation)

^b Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation)
✉ novikova.nv2@yandex.ru

Abstract

Introduction. Rural areas represent significant strategic potential for the socio-economic development of the country. In recent years, the role of the state in planning territorial development has increased significantly. This is due to successful experience in designing territorial and sectoral development in difficult periods of macroeconomic and geopolitical crises, financing and monitoring infrastructure projects that are important for the economy and society. The subject of the study are rural areas localized in the space of one of the constituent entities of the Russian Federation, which recently became part of the state – the Republic of Crimea. The purpose of the article is to substantiate promising directions for the economic development of rural areas of the Republic of Crimea based on the construction of a structural and sectoral profile.

Materials and Methods. The research materials were the scientific results of leading scientists studying the problems of the economy of rural areas, structural and sectoral transformations on a regional and municipal levels. The information base of the study was made up of official statistical data of Rosstat and Crimea, official websites of governmental bodies of the Russian Federation, and archival materials. The research was conducted using content analysis of scientific literature, retrospective and structural analysis.

Results. Structural and sectoral profiles of the economy of rural areas of the Republic of Crimea for 2017 and 2022 were developed, which allowed to prove the presence of processes of structural and sectoral changes, identify key factors and justify promising directions for further development. The authors prove that against the background of ongoing changes in the economic space of rural areas of Crimea, the dominance of agricultural production based on the use of unique natural factors, resources and conditions (climate, soil fertility, availability of centuries-old technologies for growing agricultural products, etc) remains.

Discussion and Conclusion. The decrease in the share of agricultural production in the sectoral structure of the economy of rural territories (municipalities) of the Republic of Crimea is the most significant for the period 2017–2022, which is primarily due to the following factors: strengthening of transport, logistics and recreational and resort functions of the region, development of other types of material production. Analysis of the structural and sectoral profile proves the sustainability of the development of rural municipalities of the Republic of Crimea, due to the focus on the needs of both visitors and local population. It is advisable to use the research results in the development of strategies, plans, projects for the socio-economic development of rural territories, municipalities and regions.

Keywords: rural areas, agricultural specialization, sectoral structure of the economy, employment of the rural population, municipalities, Republic of Crimea

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Oborin M.S., Novikova N.V., Vinogradova E.Yu. Promising Directions of Economic Development of Rural Areas: The Case of the Republic of Crimea. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):523–542. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.523-542>

Введение. Рассматриваемая проблема оптимизации потенциала сельских территорий регламентируется системой нормативно-правовых актов, имеющих стратегический характер. В частности, государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», период реализации которой охватывает 2020–2025 гг., в качестве основных целей предусматривает сохранение доли сельского населения не менее 25 %, выравнивание доходов городских и сельских жителей до соотношения в 80 %, повышение площади благоустроенного жилья до 50 %¹. Приоритеты планирования на федеральном уровне управления в качестве основы развития и сохранения экономического потенциала заключаются в обеспечении высокого уровня жизни населения, их доходов и занятости, что невозможно реализовать без структурно-отраслевого анализа экономики сельских территорий.

Цель исследования – на основе построения структурно-отраслевых профилей обосновать перспективные направления экономического развития сельских территорий Республики Крым.

Обзор литературы. В научной литературе проблемам развития сельских территорий уделено значительное внимание. Во многих странах к устойчивости социально-экономического положения села регуляторы подходят комплексно, вкладывая в нормативно-правовую и институциональную базу три приоритетных направления: во-первых, решение демографических проблем и обеспечение воспроизводства населения; во-вторых, поддержание экологического равновесия и восстановление возобновляемого ресурсного потенциала; в-третьих, обеспечение продовольственной безопасности и обеспечение отраслей экономики сырьем² [1–4].

В России социально-экономическое развитие сельских территорий связывают с сельскохозяйственной специализацией, расширением присутствия крупного агробизнеса, внедрением прогрессивных агротехнологий, переходом на принципы рационального природопользования и зеленые технологии [5]. Предлагается внедрение экосистемного подхода к созданию агропредпринимательских систем, концентрирующих значительный ресурсный потенциал для расширения материально-технической производственной базы, развития локальных рынков труда и повышения занятости молодежи на основе реализации принципов системного, стратегического, программно-целевого и проектного управления, соблюдения экологического баланса [6].

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. URL: <http://government.ru/docs/all/122219/> (дата обращения: 10.01.2024).

² Marsden T. The Condition of Rural Sustainability. Assen : Royal Van Gorcum, 2003. 267 p.; Agricultural Development: New Perspectives in a Changing World / ed. by K. Otsuka, S. Fan. Washington : International Food Policy Research Institute, 2021. 798 p.

В отечественной и зарубежной научной литературе описаны предложения по разработке диверсифицированных проектов, обеспечивающих устойчивость сельских территорий и занятости местного населения, например, агротуристического потребительского сбытового кооператива, а также форм деятельности на основе цифровых технологий: краудфандинг, сити-фермерство, персонификация продукции конкретного фермера, органическое сельское хозяйство, платформенная экономика, шеринг³ [7–10].

Многие авторы уделяют внимание развитию отдельных направлений сферы услуг, связанных с обеспечением качества жизни местного населения, включая образовательные [11; 12]. Дисбаланс потребления социальных услуг и недостаток их качества являются существенными ограничениями реализации мер социальной поддержки, включая низкий уровень инженерной инфраструктуры, дорожной сети, способствуют оттоку молодого населения и семей из сельской местности [13].

Эти решения, в свою очередь, требуют стимулирования формирования бизнес-среды, поддержки социально значимых инициатив агрохолдингов, предлагающих новые рабочие места и создающие материально-технологическую базу. Необходимо учитывать исторические условия формирования специализации, комплексный подход к их адаптации к текущим потребностям рынков, бизнеса и государства.

Трансформационные изменения экономики сельских территорий могут быть как эволюционными, так и революционными. Создать зону опережающего развития на территории муниципального образования возможно благодаря значительным неосвоенным пространствам, на которых можно планировать производственные мощности в соответствии с проектными инициативами. Задачей субъекта управления на различных уровнях является формирование благоприятного делового климата, особого налогового режима и т. д. В качестве одного из вариантов предлагается расширение существующих зон опережающего развития в регионах России за счет прилегающих сельских территорий [14]. Системная политика должна соответствовать региональным стратегиям, планам инфраструктурного и кластерного проектирования производительных сил, что определит направления, тенденции и роль отдельных муниципальных образований в экономической системе субъекта Федерации [15; 16].

В научных работах отечественных и зарубежных авторов предлагается анализ ключевых концепций к изучению устойчивого развития сельских территорий, в частности, модернизации, трансформации, либерализации, децентрализации, свободных рынков, актор-ориентированный и общесекторальный подходы [17–19]. Необходимо использовать наиболее существенные черты каждого из них, например, оценку территории как относительно самостоятельной единицы, обособленной от государственного регулирования и поддержки, обеспечение устойчивости малыми формами хозяйствования, проектирование производственной системы на основе экономически активных бизнес-единиц.

³ Suasih N. N. R., Budhi M. K. S., Wijaya P. Y. Inclusive Crowdfunding Scheme as Capital Source Alternative for Rural Agriculture in Indonesia // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 977. Article no. 012053. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/977/1/012053>

Сторонники индикативного подхода исходят из критериального определения групп показателей [20, с. 25].

Проблема экономических трансформаций сельских территорий рассматривается с точки зрения разнообразных научно-теоретических концепций, каждая из которых обладает преимуществами. Применение структурно-отраслевого подхода позволит определить существенность изменений экономической специализации, выявить ее причины и перспективы, скорректировать инструменты программного развития отдельных сельских территорий.

Материалы и методы. В качестве теоретической базы проведения исследования послужили публикации ведущих ученых, посвященные проблемам экономики сельских территорий, структурно-отраслевых изменений регионального и муниципального масштабов. Эмпирический фундамент статьи сформирован статистическими данными Федеральной службы государственной статистики и ее территориального подразделения по Республике Крым и г. Севастополю, официальных сайтов органов управления, а также архивов.

В процессе исследования использовались: контент-анализ научной литературы, позволивший выстроить теоретический фундамент проведения собственного научного поиска; метод ретроспективного анализа, помогающий сформировать динамические ряды показателей, обосновать тенденции и факторы происходящих изменений; метод структурного анализа, используемый для построения структурно-отраслевых профилей экономики сельских территорий Республики Крым.

Нами был разработан алгоритм проведения исследования, позволяющий определить перспективные направления экономического развития сельских территорий Республики Крым. Он включает в себя четыре основных этапа.

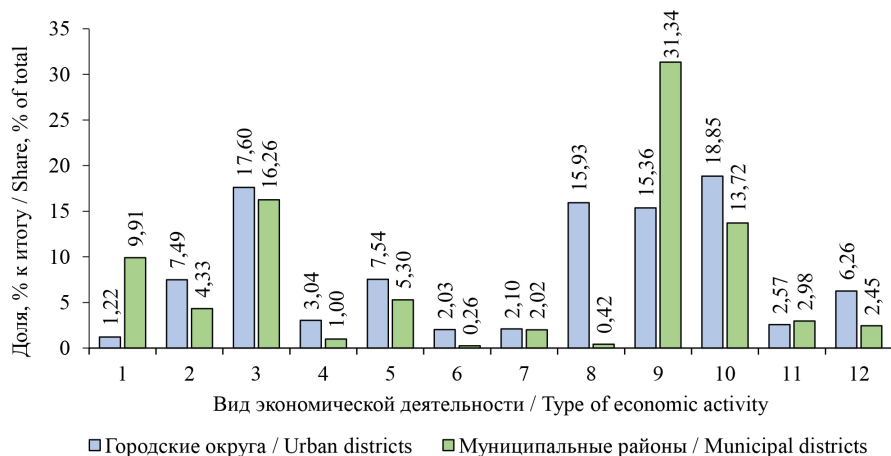
Первый этап – формирование перечня сельских территорий Республики Крым. Так, к сельским территориям отнесены муниципальные районы Республики Крым, в отраслевой структуре экономики которых (по численности занятых) значительные позиции занимает сельскохозяйственное производство.

Второй этап – отбор показателей для анализа экономического развития сельских территорий Республики Крым. Основной показатель – численность занятых по 19 видам экономической деятельности в разрезе 14 муниципальных районов Республики Крым за 2017 и 2022 гг.; дополнительный показатель – общая посевная площадь сельскохозяйственных культур в разрезе 12 районов за 1961, 1965 и 2021 гг.

Третий этап – выявление факторов экономического развития и структурных изменений экономики сельских территорий Республики Крым. На данном этапе построены структурно-отраслевые профили экономики сельских территорий; выявлены основные факторы экономического развития и структурных изменений, такие как усиление транспортно-логистических и рекреационно-курортных функций региона, развитие обрабатывающих производств (прежде всего производство пищевых продуктов).

Четвертый этап – интерпретация полученных результатов, разработка алгоритма применения структурно-отраслевых профилей экономики сельских территорий Республики Крым, обоснование перспективных направлений экономического развития сельских территорий Республики Крым.

Объектом данного исследования выступают территории сельскохозяйственной специализации, локализованные в пространстве одного из субъектов Российской Федерации – Республики Крым, в границах которого, согласно административно-территориальному делению, выделены 11 городских округов и 14 муниципальных районов (рис. 1)⁴.

Вид экономической деятельности / Type of economic activity:

1. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство / Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming
2. Транспортировка и хранение / Transportation and storage
3. Промышленное производство / Industrial production
4. Строительство / Construction
5. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов / Wholesale and retail trade; repair of vehicles and motorcycles
6. Деятельность финансовая и страховая / Financial and insurance activities
7. Деятельность профессиональная, научная и техническая / Professional, scientific and technical activities
8. Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение / Administrative and related activities. services; public administration and ensuring military security; social security
9. Образование / Education
10. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг / Activities in the field of health and social services
11. Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений / Activities in the field of culture, sports, leisure and entertainment
12. Предоставление прочих видов услуг / Provision of other types of services

Р и с. 1. Отраслевая структура экономики городских округов и муниципальных районов Республики Крым (по численности занятых в экономике без учета субъектов малого и среднего предпринимательства) в 2022 г.⁵

F i g. 1. Sectoral structure of the economy of urban districts and municipal districts of the Republic of Crimea (by the number of people employed in the economy, excluding small and medium-sized businesses) in 2022

⁴ Использование показателя «численность занятых» для исследования изменений отраслевой структуры экономики муниципальных образований считаем обоснованным, так как в нем снивелирован ценовой фактор, присутствующий в таких показателях, как «объем товаров, работ, услуг», «инвестиции в основной капитал», «стоимость основных фондов» и т. п.

⁵ Рисунок составлен авторами по: Показатели муниципальных образований [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst35 (дата обращения: 01.02.2024).

В частности, в сельскохозяйственном производстве по состоянию на 2022 г. было занято 9,91 % всего населения муниципальных районов (без учета субъектов малого и среднего предпринимательства), что в три раза больше, чем в среднем по Республике Крым (3,3 %). На территории городских округов сельскохозяйственное производство представлено всего 1,22 % от общей численности занятых.

Результаты исследования. Для большинства муниципальных районов Республики Крым характерна высокая доля занятых по таким видам экономической деятельности, как «сельское хозяйство», «лесное хозяйство», «охота», «рыболовство и рыбоводство». В частности, в 12 муниципальных районах из 14 доля занятых в данных видах экономической деятельности превышает среднее значение по региону (3,3 %) и достигает максимальных значений в Красногвардейском – 18,25 %, Красноперекоском – 18,45 (что в 5,59 раза больше среднерегионального значения) и Первомайском районах – 22,15 % (в 6,71 раза больше среднерегионального значения) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Динамика удельного веса занятого населения в сельскохозяйственном производстве Республики Крым в разрезе муниципальных районов за 2017 и 2022 гг.⁶

Table 1. Dynamics of the share of the employed population in agricultural production of the Republic of Crimea by municipal districts for 2017 and 2022

Муниципальный район / Municipal district	Удельный вес, % / Specific gravity, %		Абсолютное отклонение показателя 2022 г. по сравнению с 2017 г. / Absolute deviation of the 2022 indicator compared to 2017
	2017	2022	
Первомайский / Pervomaisky	21,59	22,15	0,56
Красногвардейский / Krasnogvardeisky	31,21	18,25	–12,96
Красноперекоский / Krasnoperetskopsky	18,90	18,45	–0,45
Джанкойский / Dzhankoysky	18,80	16,75	–2,05
Кировский / Kirovsky	14,71	14,17	–0,54
Нижнегорский / Nizhnegorsky	17,90	14,12	–3,78
Бахчисарайский / Bakhchisaraisky	12,93	12,79	–0,14
Раздольненский / Razdolnensky	16,90	9,90	–7,00
Советский / Sovetsky	4,51	6,08	1,57
Ленинский / Leninsky	6,23	5,55	–0,68
Симферопольский / Simferopolsky	12,32	4,55	–7,77
Белогорский / Belogorsky	5,21	3,73	–1,48
Сакский / Saksky	15,09	2,31	–12,78
Черноморский / Chernomorsky	0,00	0,15	0,15
Всего по муниципальным районам / Total by municipal districts	14,58	9,91	–4,67

⁶ Рассчитано авторами как суммарный результат по видам экономической деятельности «сельское хозяйство», «лесное хозяйство», «охота», «рыболовство и рыбоводство».

Однако в 11 из 14 муниципальных районов за изученный пятилетний период произошло снижение удельного веса занятых в видах экономической деятельности «сельское хозяйство», «лесное хозяйство», «охота, рыболовство и рыболовство» (см. табл. 1). В среднем по всем муниципальным районам за данный период сокращение составило 4,67 %, в частности, снижение произошло с 14,58 % в 2017 г. до 9,91 % в 2022 г. Наиболее существенное падение наблюдается на территории лидера по показателям развития сельского хозяйства – Красногвардейском районе (–12,96 %), за ним следует Сакский муниципальный район (–12,78 %). Ниже приведем обоснование ключевых факторов происходящих изменений.

Важнейшим фактором сокращения значимости сельскохозяйственного производства на территории Красногвардейского муниципального района является активное развитие обрабатывающего производства за счет роста объемов выпуска продукции пищевой промышленности (мясоперерабатывающее производство, производство алкогольных напитков, муки, хлеба, макаронных изделий): доля обрабатывающих производств за период с 2017 по 2022 г. на территории Красногвардейского района увеличилась на 6,64 %.

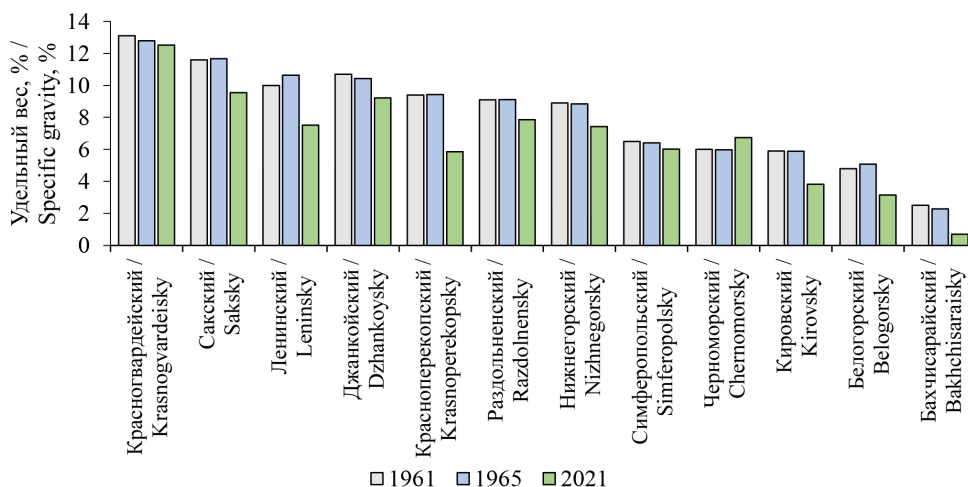
На территории Сакского муниципального района активно формируется курортно-оздоровительная деятельность, основанная на использовании уникальных природных лечебных факторов. В результате проявления мультипликативного эффекта, подробно описанного в исследованиях Я. П. Силина и его коллег⁷ [21], отмечен рост удельного веса занятых в сфере торговли (на 2,55 %), деятельности гостиниц (на 1,7 %), деятельности в области организации досуга и развлечений, а также культуры и спорта (на 3,99 %).

Несмотря на выявленную нами общую нисходящую динамику, проведенное исследование позволяет сделать вывод об устойчивости сельскохозяйственной специализации для большинства территорий.

Дополнительно для проведения анализа нами был привлечен показатель «общая посевная площадь сельскохозяйственных культур, тыс. га» (рис. 2). За изученный период 1961–2021 гг. общая посевная площадь территорий, входящих в состав Республики Крым, сократилась на 396,9 тыс. га – с 1 184,2 тыс. га в 1961 г. до 787,3 тыс. га в 2021 г. Однако масштабы сокращения в разрезе различных территорий были разные.

Из 12 сельских территорий Крыма за 60 лет в меньшей степени изменились позиции 6 территорий (Красногвардейского, Джанкойского, Раздольненского, Нижегорского, Симферопольского, Белогорского районов) благодаря эффективному развитию сельскохозяйственного производства, основанного на использовании уникальных природных ресурсов и условий. В частности, за 60-летний период (с 1961 по 2021 г.) сохранил свои лидирующие позиции в общерегиональном значении по показателю «общая посевная площадь сельскохозяйственных культур» Красногвардейский муниципальный район – от 12,52 % в 2022 г. до 13,10 % в 1961 г.

⁷ Силин Я. П., Новикова Н. В., Харитоненко О. В. Ключевые аспекты исследования санаторно-курортной деятельности в контексте положений региональной науки // Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике / под науч. ред. Я. П. Силина, В. Е. Ковалева. Екатеринбург : УрГЭУ, 2022. С. 153–168.

Р и с. 2. Позиции муниципальных районов в общерегиональном значении показателя «общая посевная площадь сельскохозяйственных культур» Республики Крым⁸

Fig. 2. Positions of municipal districts in the regional value of the indicator “total sown area of agricultural crops” of the Republic of Crimea

Снизил свои позиции по показателю «общая посевная площадь сельскохозяйственных культур» Сакский район, в силу возрастания санаторно-курортной специализации общероссийского и межрегионального значения был выделен г. о. Саки.

На фоне сокращения посевных площадей сохранили свой вес по численности занятых в сельскохозяйственном производстве за 2017–2022 гг. Бахчисарайский и Кировский районы. Важнейшими факторами устойчивости данных территорий являются, во-первых, развитие орошаемого земледелия, в том числе поддержание традиционных отраслей садоводства (выращивание яблонь, груш, персиков, вишни, айвы, абрикосов) и виноградарства; во-вторых, стимулирование туристического направления. Развитие рыболовства и рыбоводства активно формирует промысловый туризм, гармонично представленный в нескольких крупных комплексах на базе прудов Бахчисарайского района (села Холмовка, Поляна, Высокое, Красный Мак).

Сохранил свои позиции как сельскохозяйственная территория Красноперекопский район, важнейшей отраслью экономики которого является сельское хозяйство за счет 14 сельскохозяйственных предприятий и 68 фермерских образований, большинство из которых специализируются на выращивании зерновых культур⁹. Однако у данного муниципального образования в последнее время усиливается транзитная функция, основанная на транспортных

⁸ Показатели за 1961 и 1965 гг. рассчитаны авторами по: От съезда к съезду: Крым в цифрах (1961–1965 гг.): крат. стат. сб. Симферополь : Крым, 1966. С. 26; за 2021 г. по: Регионы Республики Крым. 2021 : стат. сб. Симферополь : Крымстат, 2022. С. 227–228.

⁹ Туристско-рекреационные паспорта городских округов и районов Республики Крым и города Севастополя / И. М. Яковенко [и др.] ; под ред. И. М. Яковенко. Симферополь : АРИАЛ, 2017. С. 108.

коммуникациях с новыми регионами, недавно вошедшими в состав России, активно развивается промысловый туризм за счет охоты и рыбалки (села Новопавловка, Вишневка, Воинка).

Для более детального анализа структурных изменений нами были построены структурно-отраслевые профили экономики сельских территорий (муниципальных районов) Республики Крым за 2017 и 2022 гг., используя первичные данные статистической базы «Показатели муниципальных образований» Росстата о численности занятых в экономике (табл. 2).

Анализ структурно-отраслевых профилей экономики сельских территорий (муниципальных районов) Республики Крым, построенных на основании статистической информации о численности занятого населения за 2017 и 2022 гг., позволяет сделать следующие выводы.

1. Сохранение относительной устойчивости экономики сельских территорий за 2017–2022 гг., отсутствие существенных структурных изменений вследствие инерционности экономики. Наш вывод продолжает научные разработки, представленные ранее в ряде исследований, проведенных на примере других типов муниципальных образований (горнозаводских муниципальных образований Урала, сельских поселений Канады, прибрежных районов Франции и др.)¹⁰ [22–24]. Кроме того, изученный период 2017–2022 гг. является непродолжительным для выявления серьезных структурных сдвигов.

2. Доминирование в отраслевой структуре сельских территорий такого вида экономической деятельности, как «образование» – от 20,23 % в Красногвардейском районе (по итогам 2022 г.) до 56,93 % – в Краснопереконском, что свидетельствует о высокой степени ориентации экономики на потребности местного населения. По данным Крымстата, в 2021 г. средняя численность работников сферы только малого предпринимательства в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве составила 5,8 тыс. чел., а в сфере образования – 0,5 тыс. чел., т. е. в 11,6 раза больше¹¹.

3. Значительные позиции в экономике сельских территорий занимает «деятельность в области здравоохранения и оказания социальных услуг»: от 8,11 % в Черноморском районе (по итогам 2022 г.) до 19,19 % – в Кировском, что также обусловлено каждодневными потребностями, прежде всего местных жителей.

4. Сельскохозяйственное производство, включающее в себя виды экономической деятельности, связанные с ведением сельского, лесного хозяйства, а также охотой, рыболовством и рыбоводством, имеет в разрезе муниципальных районов Республики Крым значительные вариации – от 0,15 % в Черноморском муниципальном районе до 22,15 % в Первомайском.

¹⁰ Анимца Е. Г., Власова Н. Ю., Сурнина Н. М. Теоретико-методологические аспекты структурной трансформации городов старопромышленного региона: в 2 ч. Екатеринбург : УрГЭУ, 2000. Ч. 1. 147 с.; Дворякина Е. Б. Инерционность экономического развития городов традиционно-промышленного региона. Екатеринбург : УрГЭУ, 2005. 205 с.; Новикова Н. В. Новая индустриализация: региональная парадигма / под ред. Е. Г. Анимцы. Екатеринбург : УрГЭУ, 2018. 264 с.

¹¹ Деятельность малого предпринимательства Республики Крым за 2015–2021 годы : стат. сб. Симферополь : Крымстат, 2022. С. 19.

Т а б л и ц а 2. Структурно-отраслевые профили экономики сельских территорий (муниципальных районов) Республики Крым (по численности занятых в экономике без учета субъектов малого и среднего предпринимательства) в 2022 г., в % к итогу¹²
 Table 2. Structural and sectoral profiles of the economy of rural territories (municipal districts) of the Republic of Crimea (by the number of people employed in the economy excluding small and medium-sized businesses) in 2022, as a percentage of the total

Вид экономической деятельности / Type of economic activity	Бахчисарайский / Bakchisarayskiy	Белогорский / Belogorskiy	Джанкойский / Dzhankoiyskiy	Кировский / Kitovskiy	Красновардгейский / Krasnovardskiy	Красноперекопский / Krasnoperekopskiy	Ленинский / Lenskii	Нижнеторский / Nizhnetorskiy	Первомайский / Pervomaiskiy	Раздольненский / Razdolnenskii	Сакский / Sakskiy	Симферопольский / Simferopolskiy	Советский / Sovetskii	Черноморский / Chernomorskiy	Среднее значение по муниципальным районам / Average value for municipal districts	Изменение / Change 2017–2022
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство / Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming	12,8	3,7	16,8	14,2	18,3	18,5	5,6	14,1	22,2	9,9	2,3	4,6	6,1	0,2	9,9	-4,7
Транспортировка и хранение / Transportation and storage	0,7	1,5	2,2	1,0	7,3	0,0	3,8	1,6	1,3	1,3	5,4	11,9	1,6	1,4	4,3	2,1
Промышленное производство / Industrial production	18,4	11,5	8,8	8,4	17,8	12,9	16,6	8,4	6,4	15,7	23,2	16,2	4,6	40,3	16,3	2,8
в том числе обрабатывающие производства / including manufacturing industries	9,8	0,1	4,1	5,2	11,9	1,2	2,8	2,9	0,0	5,4	9,7	4,3	0,0	0,0	5,2	1,6
Строительство / Construction	1,3	1,7	0,0	1,1	0,2	0,0	3,8	4,0	0,0	0,0	0,3	0,6	0,0	0,1	1,0	0,4

¹² Таблица составлена авторами по: Показатели муниципальных образований [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst35 (дата обращения: 07.11.2023).

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов / Wholesale and retail trade; repair of vehicles and motorcycles	2,0	16,3	3,5	4,7	8,5	2,0	2,6	3,8	1,0	2,4	2,6	3,5	3,2	11,5	5,3	1,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение / Public administration and military security; social security	9,4	10,6	8,3	13,1	7,4	3,2	14,1	13,5	16,6	17,1	3,6	5,3	18,5	8,7	9,6	0,5
Образование / Education	28,2	28,7	51,1	32,4	20,2	56,9	29,1	30,5	31,4	30,6	49,7	33,3	40,6	20,0	31,3	0,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг / Activities in the field of health and social services	16,5	17,6	1,5	19,2	13,0	0,0	14,4	15,7	14,0	15,9	0,0	17,8	17,6	8,1	13,7	-1,5
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений / Activities in the field of culture, sports, leisure and entertainment	3,0	1,8	3,4	2,7	2,2	0,0	2,8	2,7	3,4	3,8	6,6	3,7	2,9	1,8	3,0	0,1
Прочие виды экономической деятельности / Other economic activities	7,8	6,7	4,5	3,2	5,2	6,5	7,4	5,8	3,8	3,4	6,5	3,3	4,9	8,1	5,5	-0,9

5. Наблюдается общая тенденция сокращения доли занятых в сельскохозяйственном производстве в границах сельских территорий за изученный период 2017–2022 гг. Комплексный анализ структурно-отраслевых профилей экономики сельских территорий (см. табл. 2) позволил выявить достаточно негативную тенденцию сокращения сельскохозяйственного производства на 4,67 % за 2017–2022 гг. Отметим, что это самое существенное структурное изменение в экономике сельских территорий за изученный период.

Поиск факторов выявленной трансформации свидетельствует о том, что снижение произошло за счет прироста таких видов экономической деятельности, как «транспортировка и хранение» – прирост составил 2,09 %, «торговля оптовая и розничная» – на 1,73 %, «обрабатывающие производства» – на 1,6 %.

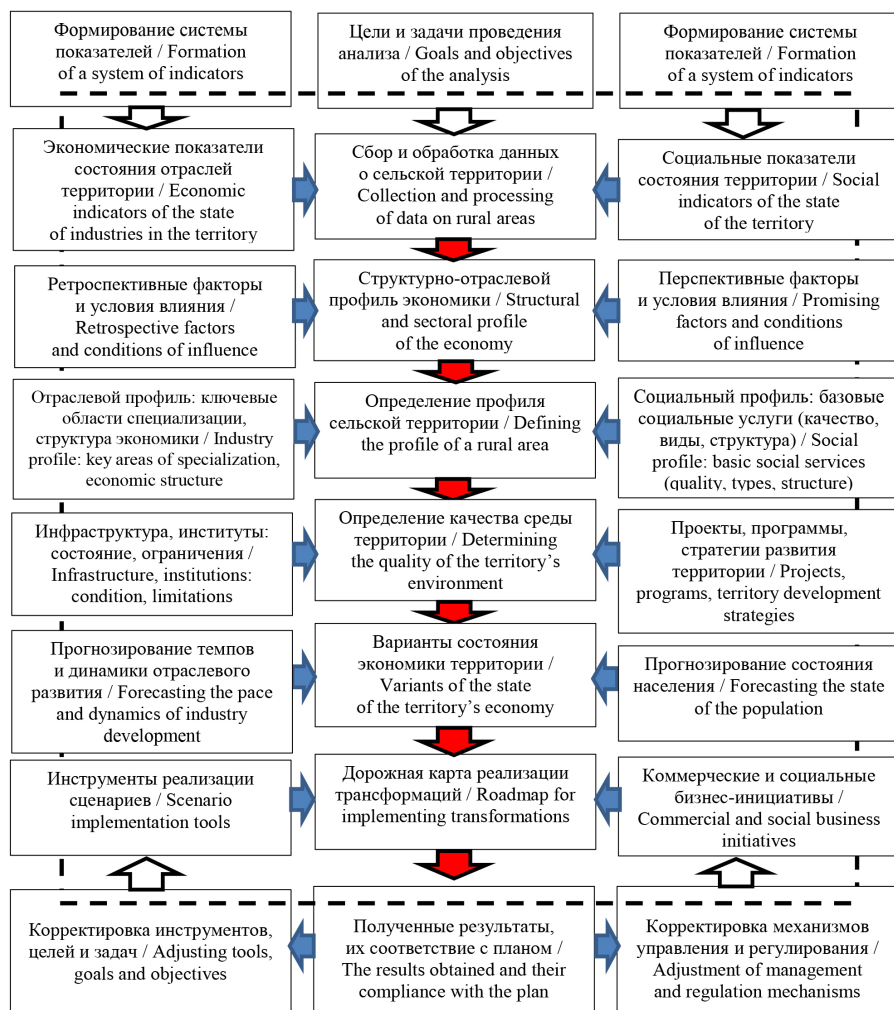
Раскроем подробнее факторы происходящих изменений. Прирост занятости населения в сфере оказания услуг транспортировки и хранения связан с усилением транспортно-логистических функций территорий Крыма, в том числе и сельских территорий, через которые проходит железнодорожное и автомобильное сообщение с соседними регионами Российской Федерации (в частности, в Симферопольском районе прирост занятости за 2017–2022 гг. составил 6,88 %, в Джанкойском – 2,19, в Кировском – 1,04 %).

Положительная динамика укрупнённой группы «торговля оптовая и розничная» вызвана активным развитием транспортно-логистических и рекреационно-курортных функций в экономическом пространстве Крымского полуострова, формирующих эффект мультипликатора для высокой динамики сферы обращения товаров и оказания услуг. Данная взаимосвязь доказывается тем, что в экономике транспортно-логистических центров Республики Крым отмечен высокий прирост занятости в сфере обращения товаров за 2017–2022 гг.: Симферопольский район – 1,09 %, Джанкойский – 3,51, Кировский – 3,25 %. На территории Сакского района, в экономическом пространстве которого активно развивается санаторно-курортная деятельность, за изученный период занятость в сфере обращения товаров увеличилась на 2,55 %.

Повышение в экономике сельских территорий удельного веса обрабатывающих производств в значительной степени обусловлено развитием производства пищевых продуктов (в Красногвардейском районе прирост за 2017–2022 гг. составил 6,64 %, в Раздольненском районе – 5,37 %), строительных материалов, спрос на которые значительно увеличился в связи с реализацией на территории региона крупных инфраструктурных проектов (Кировский район – 5,19 %, Сакский район – 7,66 %).

Руководствуясь полученными результатами, можно предложить следующий алгоритм применения структурно-отраслевого профиля в оценке и анализе экономических трансформаций сельских территорий (рис. 3).

Вначале формулируются цели, задачи и показатели оценки, определяются ведущие социально-экономические тенденции, затем осуществляется построение структурно-отраслевого профиля, что позволяет сформировать сценарии развития сельской территории с последующей разработкой дорожной карты, описанием конкретных мер, проектов и инструментов ее реализации.

Р и с. 3. Процесс применения структурно-отраслевого профиля экономики для управления развитием сельской территории

F i g. 3. The process of applying the structural and sectoral profile of the economy to manage the development of rural areas

Обсуждение и заключение. Сельскохозяйственные территории Крымского полуострова уже в течение трех тысяч лет обеспечивают продуктами питания живущее на его территории население, а также жителей других регионов. По количеству и стоимости произведенной продукции аграрный сектор на протяжении ряда столетий был ведущим в Крыму, обеспечивая в отдельные периоды от 70 до 95 % валовой продукции¹³.

¹³ Бененсон М. Е. Экономические очерки Крыма. Симферополь : Юж. кооп. изд-во, 1919. 77 с.; Статистико-экономический атлас Крыма. Симферополь : Крымстатупр ; Крымиздат, 1922. 55 с.; Маслов Е. П. Крым. Экономико-географическая характеристика. М. : Географгиз, 1954. 174 с.; Лобов И. Г. Крым за 40 лет Советской власти. Симферополь : [б. и.], 1957. 51 с.; Устойчивый Крым. План действий : Научные труды КИПКС / гл. ред. В. С. Тарасенко. Киев – Симферополь : СОНАТ, 1999. 400 с.

Основываясь на полученных выводах, можно прогнозировать, что в ближайшем будущем сельскохозяйственное производство и сельские территории, на которых оно осуществляется, увеличат вклад в экономику и обеспечение продовольственной безопасности Крыма под влиянием ряда ключевых факторов и условий.

1. *Наличие уникальных природных и биоклиматических факторов и условий, способствующих развитию сельскохозяйственного производства.* Обилие тепла, богатые почвы, длинный безморозный период, отсутствие низких температур делают Крым уникальным регионом, на территории которого возможно осуществление широкого спектра сельскохозяйственного производства (выращивание винограда и табака, разнообразных плодовых и овощных культур, а также эфирномасличное производство).

2. *Приоритетное развитие деятельности санаторно-курортных организаций в структуре экономики Республики Крым.* Сочетание климатических факторов и непосредственная близость двух теплых морей – Черного и Азовского, создают на полуострове уникальные рекреационные условия, которые позволяют превратить Крым во Всероссийскую здравницу, а также в курорт мирового значения.

Полноценный отдых и эффективное лечение требуют диетических и экологически чистых продуктов. Такая ориентация сельскохозяйственного производства выгодна как курортно-рекреационному, так и агропромышленному комплексу региона, что обеспечивает бесперебойный сбыт производимой продукции, с одной стороны, и повышение уровня доходов занятого в сельском хозяйстве населения – с другой.

3. *Сохранение и наращивание рекреационного потенциала Республики Крым.* Органам государственной власти и местного самоуправления необходимо проявлять содействие развитию отраслей, не вступающих в конфликт с окружающей средой, в частности, полевое травосеяние, пчеловодство, тутоводство, степное лесоразведение и т. д. Необходимо восстановление площадей виноградников, развитие виноделия, изменение структуры плодовых насаждений, увеличение производства овощей и бахчевых культур, повышение продуктивности и расширение площадей эфирномасличных культур (главным образом на малопродуктивных землях), табака, грецкого ореха, миндаля, подсолнечника, рапса. Необходимо развивать молочное скотоводство и птицеводство по производству диетических яиц. Следует ограничить развитие овцеводства и промышленного свиноводства, поскольку с ними связано ухудшение экологической обстановки. Природные условия Крыма позволяют выращивать сильные и твердые сорта пшеницы высокого качества, зерно, для которых характерен стабильный устойчивый спрос.

Существенным моментом, с экологической точки зрения, является уменьшение размеров животноводческих ферм (их разукрупнение) до уровня, который обеспечил бы незагрязнение окружающей среды, чему в значительной степени способствуют лесополосы, выполняющие почвозащитную, ветроломную, средообразующую роль.

Необходимо рационально организовать рисосеяние, осуществляя орошение на основе норм, позволяющих сократить водопотребление, объем сброса загрязненных вод в озеро Сиваш и Каркинитский залив, уменьшить энергопотребление, снизить уровень подтопления населенных пунктов, процессов дегумификации, силитизации, вторичного засоления, осолонцевания почв.

4. *Развитие ключевых направлений специализации (агропромышленная, туристско-рекреационная) на основе отраслевых и межотраслевых проектов с привлечением крупного бизнеса в муниципальные районы Республики Крым.* Положительный опыт реализации государственных программ, направленных на комплексное территориально-отраслевое развитие, показал преимущество интеграции бизнеса, заключающееся в консолидации ресурсного потенциала и управленческого опыта в условиях стимулирования инфраструктурной и технологической основы материального производства и сферы услуг. Данный фактор позволяет получить конкурентные преимущества в ключевых сферах экономики, сформировать улучшенное предложение, диверсифицированное с учетом рыночных ожиданий. Присутствие крупного агробизнеса позволяет максимально вовлечь в коммерческий оборот сельскохозяйственные ресурсы сельских территорий, повысить объемы производства, увеличить потребление в регионе.

5. *Диверсификация сферы услуг сельских территорий Республики Крым, основанная на многофункциональном использовании агрокомплексов и фермерских хозяйств населения.* Системное развитие сельского, экологического и иных видов туризма имеет значительный потенциал в регионах России, так как позволяет продвигать комплексный продукт для потребителей, сочетающий лечебно-оздоровительные, познавательные, деловые, образовательные цели в одном посещении территории.

Считаем, что важнейшими стратегическими ориентирами развития сельского хозяйства Крыма, а соответственно и его сельских территорий, являются ориентация, во-первых, на учет детальных особенностей биоклиматического потенциала региона и его отдельных частей; во-вторых, на структуру потребления в условиях усиления курортно-рекреационной специализации экономики региона; в-третьих, на максимальную охрану окружающей среды; в-четвертых, на поддержку тенденций интеграции, которые являются фактором устойчивости региональных и муниципальных социально-экономических систем; в-пятых, на диверсификацию сферы услуг и формирование комплексного продукта, востребованного российским рынком.

Выявленные структурные изменения позволили авторам доказать устойчивость экономики сельских поселений Республики Крым, которую в значительной степени обеспечивают сохранение и доминирование сельскохозяйственного производства, базирующегося на использовании уникальных природных факторов, ресурсов и условий (климат, плодородие почв, наличие веками сложившихся технологий выращивания сельскохозяйственной продукции и др.).

Федеральным, региональным органам власти и органам местного самоуправления необходимо учитывать при разработке стратегических документов, выборе направлений поддержки выявленные авторами перспективные направления экономического развития сельских территорий Республики Крым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиббаева Н. А., Котальникова М. А. Комплексное развитие сельских территорий как основа устойчивого развития регионов России // Друкеровский вестник. 2023. № 2 (52). С. 185–192. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-2-185-192>

2. Stojferahn C. W. The Condition of Rural Sustainability, by Terry Marsden // *Rural Sociology*. 2004. Vol. 69, issue 2. Pp. 313–316. <https://doi.org/10.1526/003601104323087660>
3. Harrington B. L. M. Sustainability Theory and Conceptual Considerations: A Review of Key Ideas for Sustainability, and the Rural Context // *Papers in Applied Geography*. 2016. Vol. 2, issue 4. Pp. 365–382. <https://doi.org/10.1080/23754931.2016.1239222>
4. Wineman A., Alia D. Y., Anderson C. L. Definitions of “Rural” and “Urban” and Understandings of Economic Transformation: Evidence from Tanzania // *Journal of Rural Studies*. 2020. Vol. 79. Pp. 254–268. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.014>
5. Билан Ю. Е. Роль развития сельских территорий в пространственном развитии страны // *Russian Journal of Management*. 2022. Т. 10, № 2. С. 96–100. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-96-100>
6. Коломыц О. Н., Степанец Л. Ю. Экосистемный подход к развитию предпринимательства регионального АПК как фактор устойчивого развития сельских территорий // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 347–350. <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0079>
7. Галиев Р. Р. Проект развития аграрного производства и устойчивого развития сельских территорий в регионе // *Уфимский гуманитарный научный форум*. 2020. № 2 (2). С. 68–74. https://doi.org/10.47309/2713-2358_2020_2_68
8. A Sustainable Approach for Urban Farming Based on City Logistics Concepts for Local Production and Consumption of Vegetables / R. L. M. Oliveira [et al.] // *Research in Transportation Economics*. 2021. Vol. 87. Article no. 101038. <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2021.101038>
9. The Rejection of Synthetic Pesticides in Organic Farming has Multiple Benefits / C. A. Brühl [et al.] // *Trends in Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 37, issue 2. Pp. 113–114. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2021.11.001>
10. Spanaki K., Karafili E., Despoudi S. AI Applications of Data Sharing in Agriculture 4.0: A Framework for Role-based Data Access Control // *International Journal of Information Management*. 2021. Vol. 59. Article no. 102350. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102350>
11. Баетова Д. Р. Развитие социальной инфраструктуры как фактор экономического развития сельских территорий // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2019. № 6-1. С. 573–578. EDN: EHDGGU
12. Jiang A., Zhang Y., Yibin Ao. Constructing Inclusive Infrastructure Evaluation Framework – Analysis Influence Factors on Rural Infrastructure Projects of China // *Buildings*. 2022. Vol. 12, issue 6. Article no. 782. <https://doi.org/10.3390/buildings12060782>
13. Крутикова В. В., Бойков А. В., Валов С. О. От устойчивого развития сельских территорий к комплексному развитию // *Наука и образование*. 2021. Т. 4, № 4. Ст. 250. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4298> (дата обращения: 07.05.2024).
14. Миненко А. В., Водясов П. В. Территория опережающего социально-экономического развития как основа модели совершенствования инфраструктуры развития АПК сельского муниципального образования // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 3-2. С. 84–86. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10665>
15. Устойчивое развитие сельских территорий в системе территориального планирования и пространственного развития / М. А. Смирнова [и др.] // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2021. № 5 (383). С. 9–12. <https://doi.org/10.24412/2587-6740-2021-5-9-12>
16. Региональная социально-экономическая политика и устойчивое развитие: приоритеты развития сельских территорий / Н. В. Полуянова [и др.] // *Экономика устойчивого развития*. 2021. № 4 (48). С. 144–152. https://doi.org/10.37124/20799136_2021_4_48_144
17. Прудникова С. А. Развитие современных методов анализа устойчивого развития сельских территорий // *Modern Economy Success*. 2021. № 6. С. 244–248. EDN: BVVLQZ
18. Evaluation of the Coupled and Coordinated Relationship between Agricultural Modernization and Regional Economic Development under the Rural Revitalization Strategy / K. Chen [et al.] // *Agronomy*. 2022. Vol. 12, issue 5. Article no. 990. <https://doi.org/10.3390/agronomy12050990>
19. Mei-Ling Z., Hua-Jun C. Digitizing the Heartland: A Study on Agricultural and Rural Modernization in the Digital Age // *Top Academic Journal of Economics and Statistics*. 2023. Vol. 8, no. 4. URL: <https://topjournals.org/index.php/TAJES/article/view/613> (дата обращения: 21.01.2024).
20. Голова Е. Е., Шумакова О. В., Орлов А. А. Развитие методики анализа социально-экономического развития сельских территорий на основе индикативного подхода // *Московский экономический журнал*. 2020. № 9. Ст. 25. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10626>

21. Силин Я. П., Новикова Н. В., Харитоненко О. В. Структурно-отраслевая трансформация экономики городских округов санаторно-курортного типа: кейс Республики Крым // *Journal of New Economy*. 2023. Т. 24, № 1. С. 26–49. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-1-2>
22. Hallstrom L. Innovation vs Inertia: Entrepreneurial Governments in 21st Century Rural Alberta // *Canadian Geographies*. 2023. Vol. 67, issue 1. Pp. 165–175. <https://doi.org/10.1111/cag.12822>
23. Robert S., Quercy A., Schleyer-Lindenmann A. Territorial Inertia Versus Adaptation to Climate Change. When Local Authorities Discuss Coastal Management in a French Mediterranean Region // *Global Environmental Change*. 2023. Vol. 81. Article no. 102702. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2023.102702>
24. Demystifying Corporate Inertia Towards Transition to Circular Economy: A Management Frame of Reference / F. A. Yamoah // *International Journal of Production Economics*. 2022. Vol. 244. Article no. 108388. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2021.108388>

REFERENCES

1. Shibaeva N.A., Katalnikova M.A. Integrated Development of Rural Territories as a Basis for Sustainable Development of Russian Regions. *Drukerovskiy vestnik*. 2023;(2):185–192. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2023-2-185-192>
2. Stojferahn C.W. The Condition of Rural Sustainability, by Terry Marsden. *Rural Sociology*. 2004;69(2):313–316. <https://doi.org/10.1526/003601104323087660>
3. Harrington B.L.M. Sustainability Theory and Conceptual Considerations: A Review of Key Ideas for Sustainability, and the Rural Context. *Papers in Applied Geography*. 2016;2(4):365–382. <https://doi.org/10.1080/23754931.2016.1239222>
4. Wineman A., Alia D.Y., Anderson C.L. Definitions of “Rural” and “Urban” and Understandings of Economic Transformation: Evidence from Tanzania. *Journal of Rural Studies*. 2020;79:254–268. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.014>
5. Bilan Yu.E. The Role of Rural Development in the Spatial Development of the Country. *Russian Journal of Management*. 2022;10(2):96–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-96-100>
6. Kolomyts O.N., Stepanets L.Yu. Ecosystem Approach to the Development of Regional Agribusiness Entrepreneurship as a Factor of Sustainable Rural Development. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2019;8(4):347–350. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0804-0079>
7. Galiev R.R. Development Project for Agricultural Production and Sustainable Development of Rural Territories in the Region. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2020;(2):68–74. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47309/2713-2358_2020_2_68
8. Oliveira R.L.M., Santos I.V., Graciano G.F., Libânio A.A.C., Oliveira L.K., Bracarense L.S.F.P. A Sustainable Approach for Urban Farming Based on City Logistics Concepts for Local Production and Consumption of Vegetables. *Research in Transportation Economics*. 2021;87:101038. <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2021.101038>
9. Brühl C.A., Zaller J.G., Liess M., Wogram J. The Rejection of Synthetic Pesticides in Organic Farming Has Multiple Benefits. *Trends in Ecology & Evolution*. 2022;37(2):113–114. <https://doi.org/10.1016/j.tree.2021.11.001>
10. Spanaki K., Karafili E., Despoudi S. AI Applications of Data Sharing in Agriculture 4.0: A Framework for Role-Based Data Access Control. *International Journal of Information Management*. 2021;59:102350. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2021.102350>
11. Baetova D.R. Development of Social Infrastructure as a Factor of Economic Development of Rural Areas. *Actual Issues of the Modern Economy*. 2019;(6-1):573–578. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: EHDGGU
12. Jiang A., Zhang Y., Yibin Ao. Constructing Inclusive Infrastructure Evaluation Framework – Analysis Influence Factors on Rural Infrastructure Projects of China. *Buildings*. 2022;12(6):782. <https://doi.org/10.3390/buildings12060782>
13. Krutikova V.V., Boykov A.V., Valov S.O. From Sustainable Development of Rural Areas to Integrated Development. *Nauka i obrazovanie*. 2021;4(4):250. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4298> (accessed 07.05.2024).
14. Minenko A.V., Vodyasov P.V. Territory of the Leading Socio-Economic Development as a Basis of the Model of Improvement of the Infrastructure Development of Agriculture of Rural Municipal

Education. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(3-2):84–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10665>

15. Smirnova M.A., Gvozdeva O.V., Chuksin I.V., Ganicheva A.O. Sustainable Development of Rural Areas in the System of Territorial Planning and Development Strategies. *International Agricultural Journal*. 2021;(5):9–12. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2587-6740-2021-5-9-12>

16. Polujanova N.V., Kireeva N.A., Kublin I.M., Prushchak O.V. Regional Socio-Economic Policies and Sustainable Development: Priorities for Rural Territories Development. *Economics of Sustainable Development*. 2021;(4):144–152. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.37124/20799136_2021_4_48_144

17. Prudnikova S.A. Development of Modern Methods of Analysis of Sustainable Rural Development. *Modern Economy Success*. 2021;(6):244–248. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: BVVLQZ

18. Chen K., Tian G., Tian Z., Ren Y., Liang W. Evaluation of the Coupled and Coordinated Relationship between Agricultural Modernization and Regional Economic Development under the Rural Revitalization Strategy. *Agronomy*. 2022;12(5):990. <https://doi.org/10.3390/agronomy12050990>

19. Mei-Ling Z., Hua-Jun C. Digitizing the Heartland: A Study on Agricultural and Rural Modernization in the Digital Age. *Top Academic Journal of Economics and Statistics*. 2023;8(4). Available at: <https://topjournals.org/index.php/TAJES/article/view/613> (accessed 21.01.2024).

20. Golova E.Ye., Shumakova O.V., Orlov A.A. Development of a Methodology for Analyzing the Socio-Economic Development of Rural Areas Based on an Indicative Approach. *Moscow Economic Journal*. 2020;(9):25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10626>

21. Silin Ya.P., Novikova N.V., Kharitonenko O.V. Structural and Industrial Transformation of Resort Towns' Economies: The Case of Urban Districts in the Republic of Crimea. *Journal of New Economy*. 2023;24(1):26–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-1-2>

22. Hallstrom L. Innovation vs Inertia: Entrepreneurial Governments in 21st Century Rural Alberta. *Canadian Geographies*. 2023;67(1):165–175. <https://doi.org/10.1111/cag.12822>

23. Robert S., Quercy A., Schleyer-Lindenmann A. Territorial Inertia Versus Adaptation to Climate Change. When Local Authorities Discuss Coastal Management in a French Mediterranean Region. *Global Environmental Change*. 2023;81:102702. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2023.102702>

24. Yamoah F.A., Sivarajah U., Mahroof K., Peña I.G. Demystifying Corporate Inertia Towards Transition to Circular Economy: A Management Frame of Reference. *International Journal of Production Economics*. 2022;244:108388. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2021.108388>

Об авторах:

Оборин Матвей Сергеевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (614070, Российская Федерация, г. Пермь, б-р Гагарина, д. 57); профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15); профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова (614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 23), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4281-8615>, Researcher ID: H-6729-2017, Scopus ID: 55694391500, recreachin@rambler.ru

Новикова Наталья Валерьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7488-8730>, Researcher ID: B-3560-2017, Scopus ID: 57223628112, novikova@usue.ru

Виноградова Екатерина Юрьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5858-7591>, Researcher ID: M-6444-2018, Scopus ID: 57196052651, katerina@usue.ru

Заявленный вклад авторов:

М. С. Оборин – формулирование научного аппарата исследования; анализ статистического материала; критический анализ и доработка текста.

Н. В. Новикова – сбор статистического материала; обзор литературы; формулирование результатов исследования.

Е. Ю. Виноградова – построение структурно-отраслевой модели экономики сельских территорий (муниципальных районов) Республики Крым; обзор литературы; формулирование результатов исследования.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 09.02.2024; одобрена после рецензирования 13.03.2024; принята к публикации 26.03.2024.

About the authors:

Matvey S. Oborin, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Economic Analysis and Statistics Chair, Perm Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics (57 Gagarin Bd., Perm 614070, Russian Federation); Professor of the Chair of World and Regional Economics, Economic Theory of Perm State National Research University (15 Bukirev St., Perm 614068, Russian Federation); Professor of the Chair of Management of Perm State Agro-Technological University named after academician D. N. Prianishnikov (23 Petropavlovskaya St., Perm 614990, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4281-8615>, Researcher ID: H-6729-2017, Scopus ID: 55694391500, recreachin@rambler.ru

Natalya V. Novikova, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Regional, Municipal Economics and Governance Chair, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta St. / Narodnoy Voli, Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7488-8730>, Researcher ID: B-3560-2017, Scopus ID: 57223628112, novikova@usue.ru

Ekaterina Yu. Vinogradova, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Information Technology and Statistics Chair, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta St. / Narodnoy Voli, Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5858-7591>, Researcher ID: M-6444-2018, Scopus ID: 57196052651, katerina@usue.ru

Contribution of the authors:

M. S. Oborin – formulation of the scientific research apparatus; analysis of statistical material; critical analysis and revision of the text.

N. V. Novikova – collecting statistical material; literature review; formulation of research findings.

E. Yu. Vinogradova – construction of a structural and sectoral model of the economy of rural territories (municipal areas) of the Republic of Crimea; literature review; formulation of research findings.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 09.02.2024; revised 13.03.2024; accepted 26.03.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Оригинальная статья / Original article

doi: [10.15507/2413-1407.128.032.202403.543-562](https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.543-562)

УДК 328.185

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Риски «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций: оценка настроений регионального делового сообщества

Н. Г. Чевтаева ✉

А. С. Ваторопин

О. В. Гущин

С. А. Ваторопин

Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
✉ chevtseva-ng@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В условиях масштабного санкционного режима среди комплекса адаптационных мер, связанных со структурными преобразованиями в экономике, изменениями логистики поставок, пристального внимания требует активизация антикоррупционной работы. Санкции становятся триггером появления новых коррупционных практик. Цель исследования – методами социологического анализа выявить «социальную легитимность» (допустимость, приемлемость) коррупционного поведения среди делового сообщества как фактор риска роста коррупции в неблагоприятных условиях санкционного давления.

Материалы и методы. Статья основана на результатах социологического исследования, проведенного авторами методом анкетного опроса по оценке уровня деловой коррупции в 2021 досанкционном и в 2022–2023 санкционных для российской экономики годах среди делового сообщества Свердловской области (n = 500, ежегодно). С целью сопоставления региональных тенденций с общероссийскими использовались результаты социологических исследований «Бизнес-барометр коррупции в России» и «Последствия введения санкций для российского бизнеса».

Результаты исследования. Выявлены риски социальной легитимности коррупции в условиях санкций: на общем фоне негативной оценки бизнес-сообществом коррупции зафиксирован рост сторонников позиции, что коррупция способна помочь решить актуальные вопросы бизнеса, а также нейтрально относящихся к коррупционным бизнес-практикам. Выявлен рост стремления делового сообщества оправдать использование коррупционных моделей поведения привычным «так уж сложилось в России». Другой риск связан с ценностным и поведенческим диссонансом: коррупция – это плохо, но в ситуации кризиса ее можно использовать.

Обсуждение и заключение. Жизненная позиция делового сообщества, в которой коррупция принимается как неизбежная норма социального взаимодействия, оказывается барьером антикоррупционной работы. Зафиксирована потребность в активизации социологических исследований по изучению культуры повседневности российского делового сообщества.

© Чевтаева Н. Г., Ваторопин А. С., Гущин О. В., Ваторопин С. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти, торгово-промышленной палатой; союзом малого и среднего бизнеса, представителями делового сообщества для активизации антикоррупционной работы.

Ключевые слова: коррупционные практики, социальные нормы, толерантность к коррупции, санкционный режим, минимизация коррупционных рисков

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионология» за ценные рекомендации, замечания и советы, которые помогли улучшить качество текста.

Для цитирования: Риски «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций: оценка настроений регионального делового сообщества / Н. Г. Чевтаева [и др.] // Регионология. 2024. Т. 32, № 3. С. 543–562. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.543-562>

Risks of “Social Legitimacy” of Corruption under Sanctions: Assessment of the Sentiments of the Regional Business Community

N. G. Chevtava, A. S. Vatoropin, O. V. Gushchin, S. A. Vatoropin
Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Yekaterinburg, Russian Federation)
✉ chevtava-ng@ranepa.ru

Abstract

Introduction. In the context of a large-scale sanctions regime, the intensification of anti-corruption work requires special attention among a number of adjustment measures related to structural changes in the economy and changes in supply logistics. Sanctions become a trigger for the emergence of new corrupt practices. The purpose of this article: using sociological analysis methods, to identify the “social legitimacy” (admissibility, acceptability) of corrupt behavior in the business community as a risk factor for the growth of corruption in unfavorable conditions of sanctions pressure.

Materials and Methods. The article is based on the results of a sociological study conducted by the authors using a questionnaire survey to assess the level of business corruption in 2021 pre-sanction and in 2022–2023 sanction years for the Russian economy among the business community of the Sverdlovsk region (n = 500 annually). In order to compare regional trends with all-Russian ones, the results of sociological studies were used: “Business Barometer of Corruption in Russia” and “Consequences of the introduction of sanctions for Russian business.”

Results. Risks to the social legitimacy of corruption under sanctions have been identified: against the general background of a negative assessment of corruption by the business community, there has been an increase in the number of supporters of the position that corruption can help solve pressing business problems, as well as those who are neutral towards corrupt business practices; an increase in the desire of the business community to justify the use of corrupt behavior patterns with the usual “that’s the way it is in Russia” has been revealed. Another risk is the dissonance between values and behavior: “In general, corruption is bad, but in a crisis situation, in my daily practice, I can, even must, use corrupt schemes”.

Discussion and Conclusion. The life position of the business community, in which corruption is accepted as an inevitable norm of social interaction, turns out to be a barrier to anti-corruption work. The need to intensify sociological research to study the culture of everyday life in the Russian business community has been recorded. The results obtained can be used by government agencies, the chamber of commerce and industry; the union of small and medium-sized businesses, representatives of the business community to intensify anti-corruption work.

Keywords: corruption practices, social norms, tolerance to corruption, sanctions regime, minimizing corruption risks

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers and editors of the Russian Journal of Regional Studies for valuable recommendations, comments and advice that helped improve the quality of the text.

For citation: Chevtaeva N.G., Vatoropin A.S., Gushchin O.V., Vatoropin S.A. Risks of “Social Legitimacy” of Corruption under Sanctions: Assessment of the Sentiments of the Regional Business Community. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):543–562. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.543-562>

Введение. Введение санкционного режима способно не только негативно повлиять на многие аспекты экономической и социальной жизни страны, но и усилить риски коррупционного поведения. Международный опыт поддержания экономики в условиях санкций демонстрирует значимость применения целого комплекса адаптационных мер, связанных со структурными переменами в экономике, диверсификацией международных партнеров, изменением логистики поставок, оптимизацией социальной сферы [1]. Пристального внимания требует и активизация работы по минимизации коррупционных рисков, которые возрастают в неблагоприятных внешнеэкономических условиях.

В период санкционного давления, которое испытывает сегодня российская экономика, деловое сообщество осознает опасность появления новых коррупционных практик. Эти настроения наглядно демонстрируют результаты опроса предпринимателей (порядка 40 000 респондентов), проведенного в конце 2022 г. торгово-промышленной палатой России: «Более 50 % предпринимателей в России считают, что санкции повлияли на уровень коррупции в стране, в том числе 30 % заметили сильный рост коррупции»¹. Эксперты Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, проанализировав результаты опроса 132 предприятий, проведенного в конце 2022 г., также зафиксировали «рост обеспокоенности бизнеса возможным повышением уровня коррупции на фоне санкций. На вопрос “Какие меры противодействия экономическим санкциям, на Ваш взгляд, должны принять российские власти?” 31,5 % респондентов выбрали ответ “Усилить борьбу с коррупцией”. Весной 2022 г. доля ответивших так составляла 23,3 %»². Обозначенная ситуация свидетельствует об актуальности обращения к проблеме анализа рисков коррупционного поведения делового сообщества в условиях санкционного давления.

В данной статье исследование рисков коррупционного поведения представлено с позиции социолога. Если до недавнего времени исследование проблематики коррупции сосредотачивалось преимущественно в профессиональной среде юристов, то сегодня становится очевидно, что совершенствование правового регулирования является необходимым, но недостаточным условием формирования антикоррупционного поведения. Все более активную исследовательскую позицию демонстрируют представители разных научных направлений: экономистов, психологов, социологов. Цель исследования – методами социологического анализа выявить «социальную легитимность» (допустимость, приемлемость) коррупционного поведения среди делового сообщества как фактор риска роста коррупции в неблагоприятных условиях санкционного давления.

¹ Половина бизнесменов в России заявили о росте коррупции на фоне санкций [Электронный ресурс] // РБК : сайт. 2022. 9 дек. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/12/2022/639205be9a7947ba4c087dc4?from=copy> (дата обращения: 17.03.2024).

² Эксперты РАН увидели наступление российского бизнеса на кризис [Электронный ресурс] // РБК : сайт. 2023. 26 янв. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/01/2023/63d101129a794744d8df541b?from=copy> (дата обращения: 17.03.2024).

Гипотезы исследования: 1) в условиях масштабного санкционного давления на российскую экономику среди делового сообщества сохраняется общее негативное отношение к коррупции; 2) в повседневных практиках делового сообщества увеличиваются риски роста толерантности к коррупции.

Обзор литературы. Вопросы использования санкционного режима в разные периоды развития международных отношений, адаптации современной российской экономики к санкциям в последние годы обсуждаются в работах российских ученых [2; 3]. Так, И. Н. Тимофеев изучает последствия санкционной политики для современной России [4]. Н. В. Глушак с соавторами отмечают тенденцию роста коррупционных проявлений в странах, находящихся длительное время под санкциями [5]. Рассматриваются и правовые аспекты борьбы с коррупцией в Российской Федерации в условиях санкционного давления [6].

Актуализируя проблематику влияния коррупции в условиях санкций на экономику и уровень жизни населения, важно отметить значимость многочисленного блока российских и зарубежных исследований о негативных последствиях коррупционных практик для развития экономики и привлечения инвестиций для субъектов малого бизнеса [7], крупных промышленных предприятий [8] и региона в целом [9]. Х. А. Мурад на примере Сомали исследует негативные последствия коррупции для устойчивого развития и сохранения водных ресурсов страны [10]. М. Хасиб, М. Азам показывают, как коррупционные практики приводят к увеличению разрыва между чиновниками и местным населением и создают препятствия для развития местного туризма [11]. И. А. Юрасов с соавторами акцентируют внимание на вопросах институционализации социального доверия, когда коррупция и неформальная занятость предстают как вариант социальной самоорганизации общества, «закрывающей разрыв между политическими коммуникациями элиты и ожиданиями гражданского общества» [12]. В. Е. Севрюгин выделяет негативные экономические и социальные последствия коррупции: «деловая коррупция оказывает негативное влияние как на инновационную активность, так и на инновационную привлекательность бизнеса в России, способствует дальнейшему процветанию олигархических групп... ведет к дальнейшему обнищанию населения» [13].

В поисках путей минимизации деловой коррупции российские и зарубежные исследователи изучают вопросы избыточного регулирования деловой сферы предпринимательства. Так, ученые проводят детальный анализ коррупционных практик, с которыми сталкиваются российские предприниматели [14; 15]. Дж. Йи с соавторами, используя выборку из 23 018 фирм из 54 стран, исследуют влияние государственной собственности на склонность и интенсивность взяточничества [16]. Подчеркивается роль общественного контроля: корпоративной сплоченности профессионального сообщества в борьбе с коррупцией [17]. С. А. Роганов и Т. Л. Роганова пишут, что «согласованные действия государственных органов и общественных объединений граждан во взаимодействии с наиболее активными членами гражданского общества» могут создавать эффективные практики борьбы с коррупцией [18].

Осознание того факта, что противостояние коррупции требует также и изменения культуры повседневности делового сообщества, побуждает экспертов

обращаться к анализу отношения различных профессиональных групп российского общества к коррупции. В поле внимания исследователей попадают такие профессиональные группы, как сотрудники Госавтоинспекции [19]. И. А. Савченко определяет «возможности диагностики коррупциогенных личностных установок и их последующую коррекцию среди сотрудников органов внутренних дел» [20]. Н. Г. Чевтаева обращается к служебным взаимоотношениям внутри чиновничьего аппарата, когда зависимость от начальника порождает дисфункции поведения служащего государства [21]. Исследование О. И. Дубровиной направлено на выявление различий в представлениях о коррупции у государственных служащих с разным уровнем дохода [22]. Н. А. Лимкина анализирует мотивы и алгоритмы поведения бизнесменов в коррупционных взаимоотношениях, частоту обращения предпринимателей к коррупционным практикам [23].

Привлекает исследователей не только специфика коррупционного поведения в отдельных профессиональных группах, но и гендерное проявление коррупции. С. С. Джонс усматривает гендерную коррупцию в тактиках газлайтинга, «заставляющих женщин сомневаться в своем здравом уме»; и как следствие, коррупционер получает возможность использовать женщину – жертву газлайтинга в своих корыстных интересах, «как средство обеспечения личной выгоды» [24]. Увеличивается возможность коррупционного поведения и в работе с группами риска, склонными к девиантному поведению³.

Внимание к работе с социумом в вопросах формирования устойчивых антикоррупционных практик проявляется в интересном блоке работ, посвященных социокультурным основаниям коррупционного поведения. В частности, антикоррупционный центр НИУ ВШЭ провел исследование о влиянии социальных норм на коррупционное поведение государственных служащих⁴. С. Дж. Ким и Д. Ли рассматривают поведенческие характеристики коллективной коррупции с точки зрения коррупционных предпочтений отдельных лиц, определяемых личными качествами коррупционера [25]. А. Н. Татарко и А. А. Миронова в поисках культурно-психологических факторов, влияющих на индивидуальные установки по отношению к коррупции, представляют методику оценки приемлемости коррупционного поведения и отмечают, что «ценности Власть – Ресурсы позитивно связаны с приемлемостью коррупции в России» [26]. С. Токло, исследуя феномен терпимости к коррупции в странах Африки, отмечает, что «толерантность к коррупции влияет на политическое поведение граждан... терпимость людей к коррупции снижает их готовность голосовать на выборах» [27]. Н. П. Копстева находит взаимосвязь оснований коррупционного поведения современных россиян с глубинными культурными практиками, связанными с дарением и пированием. Необходимо внедрять культурные практики, «трансформированные к новым социальным коммуникациям и новым стратегиям

³ Chevtava N. G., Kachanova E., Makhova N. State Anti-drug Health Policy in Russia (on the Example of the Khanty-mansiysk Autonomous District of the Russian Federation) // CBU International Conference Proceedings 2018. Innovations in Science and Education. 2018. Pp. 540–546. <https://doi.org/10.12955/cbup.v6.1210>

⁴ Опубликован обзор исследований о влиянии социальных норм на коррупционное поведение [Электронный ресурс] // Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ. 2023. 17 авг. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_obzor_issledovaniy_o_vliyaniy_sotsialnyh_norm_na_korrupsionnoe_povedenie (дата обращения: 17.03.2024).

социального управления» [28]. Примечательно, что в общественном сознании социокультурные основания коррупции нередко воспринимаются как неизбежное следствие сохранения девиантных традиций в современной деловой среде. Так, А. Л. Журавлев и Д. А. Китова обращают внимание, что «среди российской студенческой молодежи представления о причинах коррупции связаны... с российской ментальностью; преобладает стремление объяснить причины распространения коррупции прежде всего культурно-историческими факторами» [29].

Интерес вызывают также иностранные исследования, посвященные влиянию руководителя, лидера на формирование устойчивых антикоррупционных практик в коллективе [30; 31].

Таким образом, в дальнейшем изучении нуждается анализ культуры повседневности делового сообщества, установки и ценности, которые могут быть использованы как ресурс в антикоррупционной работе. Жизненная и социально-профессиональная позиция участников делового взаимодействия, в которой коррупция принимается как неизбежная норма социального взаимодействия, оказывается тем серьезным барьером, который препятствует эффективности внедрения антикоррупционных мер в условиях санкционного давления.

Материалы и методы. С целью проверки выдвинутых гипотез исследования, связанных с оценкой антикоррупционных настроений делового сообщества в условиях «до» и «во время» санкционного давления на российскую экономику, были проанализированы результаты нескольких исследований (в том числе авторских). Так, в основу настоящей статьи легли материалы социологических исследований, проведенных нами по оценке уровня деловой коррупции в 2021 досанкционном году и в 2022–2023 санкционных для российской экономики годах среди делового сообщества промышленного региона – Свердловской области⁵. Общее число респондентов – по 500 чел. ежегодно. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. Основным методом исследования является онлайн-опрос хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), ведущих бизнес на территории Свердловской области. Структура выборки по видам экономической деятельности респондентов была составлена с учетом структуры занятости населения в промышленном регионе⁶.

Уровень управления участников исследования позволил им давать экспертные оценки: акционеры (собственники) – 24,0 %, члены правления – 5,3, глава организации и руководители высшего звена – 28,7, руководители среднего звена и линейные руководители – 37,0, ведущие специалисты – 5,0 %.

⁵ Исследование проводилось согласно «Методике проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 662 от 25 мая 2019 г.

⁶ Обрабатывающие производства (24,8 %); торговля оптовая и розничная (11,5); строительство (5,0); водоснабжение, обеспечение электроэнергией (4,5); сельское хозяйство (3,0); добыча полезных ископаемых (1,5); транспортировка и хранение (6,8); деятельность гостиниц и общественного питания (2,2); деятельность в области информации и связи (5,0); финансовая, страховая, операции с недвижимостью (4,8); профессиональная научная и техническая деятельность (2,8); административная деятельность и деятельность для поддержания основной деятельности предприятий (7,2); образование (9,0); здравоохранение и социальные услуги (6,0); культура (1,8); прочие виды услуг (4,2 %).

На предварительном этапе социологического опроса авторами была осуществлена рассылка приглашений для участия в социологическом опросе представителям хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), ведущих бизнес на территории Свердловской области согласно плановой выборке рассылки. Привлечение респондентов осуществлялось при содействии Аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Свердловской области; Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей; Уральской торгово-промышленной палаты; Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.

Полученные авторами выводы были сопоставлены с результатами «Исследования мнений руководителей предприятий – членов Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей за 2021–2023 годы»⁷, что позволило подтвердить выдвинутую гипотезу.

С целью сравнения выявленных в региональных исследованиях рисков «социальной легитимности» коррупции среди делового сообщества во время введения масштабного санкционного режима с общероссийскими тенденциями авторы использовали результаты следующих общероссийских социологических исследований:

1. «Бизнес-барометр коррупции в России», организованного торгово-промышленной палатой Российской Федерации⁸.

2. Опроса Российского союза промышленников и предпринимателей 2022 г. «Последствия введения санкций для российского бизнеса»⁹.

Результаты исследования. Анализ проведенного авторами исследования и результатов обозначенных вторичных исследований позволил выявить риски, связанные с нарастанием степени лояльности к проявлению коррупционного поведения в настроениях делового сообщества в период масштабных экономических санкций.

Заметим, что расширение масштаба экономических санкций осознается бизнес-сообществом как фактор, мешающий осуществлению эффективной работы предприятий. В условиях осознания негативного влияния международных санкций сохраняется общее негативное отношение к коррупции среди российского делового сообщества.

Спектр настроений делового сообщества региона в связи с введением экономических санкций представлен Свердловским областным союзом промышленников и предпринимателей. Руководители предприятий – члены Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей определили наиболее

⁷ Отчет о результатах исследования мнений руководителей предприятий – членов Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей за 2023 год [Электронный ресурс] / СОСПП. Екатеринбург, 2024. 51 с. URL: https://sospp.ru/wp-content/uploads/2024/03/otchet_2024_12.02-2.0.pdf (дата обращения: 17.03.2024).

⁸ Бизнес-барометр коррупции в России [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Российской Федерации : сайт. URL: <https://ach.tpprf.ru/barometer/> (дата обращения: 17.03.2024).

⁹ Результаты опроса «Последствия введения санкций для российского бизнеса» [Электронный ресурс] // Российский союз промышленников и предпринимателей : сайт. URL: <https://rsp.ru/activity/analytics/rezultaty-oprosa-posledstviya-vvedeniya-sanktsiy-dlya-rossiyskogo-biznesa/> (дата обращения: 17.03.2024).

проблемные зоны развития организаций за 2021–2023 гг.¹⁰ В 2021 г. проблема международных экономических санкций не поднималась, начиная с 2022 г. она ощущается как одна из ведущих: третье место в топе наиболее острых проблем, наряду с недостатком квалифицированных кадров и ростом цен поставщиков (табл. 1).

Таблица 1. Топ-5 наиболее острых проблем, мешающих осуществлению эффективной работы предприятий в 2021–2023 гг.¹¹

Table 1. Top 5 most pressing problems hindering the implementation of effective work of enterprises in 2021–2023

Место в иерархии / Place in the hierarchy	2021	2022	2023
	До санкций / Before sanctions	После введения санкций / After the imposition of sanctions	
1	Рост цен поставщиков / Increase in supplier prices	Рост цен поставщиков / Increase in supplier prices	Недостаток квалифицированных кадров / Lack of qualified personnel
2	Недостаток квалифицированных кадров / Lack of qualified personnel	Недостаток квалифицированных кадров / Lack of qualified personnel	Рост цен поставщиков / Increase in supplier prices
3	Рост тарифов / Rising tariffs	Международные экономические санкции / International economic sanctions	
4	Ограничение деятельности и (или) дополнительные требования из-за COVID-19 / Limitation activities and (or) additional requirements due to COVID-19	Снижение внутреннего спроса / Decline in internal demand	Рост тарифов / Rising tariffs
5	Снижение внутреннего спроса / Decline in internal demand	Рост тарифов / Rising tariffs	Недостаток оборотных средств / Lack of working capital

В условиях осознания негативного влияния международных санкций сохраняется общее негативное отношение к коррупции среди делового сообщества.

Мониторинг «Бизнес-барометр коррупции», проводимый Торгово-промышленной палатой России, показывает видение предпринимателями 2023 г. последствий коррупционных проявлений для государства: «43,49 % ответили, что это разрушение рыночных отношений, честной конкуренции, 41,18 – снижение авторитета власти, 38,56 – снижение уровня жизни населения, 31,74 – имущественное расслоение, 30,31 – ущерб госбюджету, 27,62 – ущерб имиджу государства на международной арене, 21,79 % – стагнация экономики»¹².

¹⁰ Экономическое состояние предприятий и оценка ключевых факторов, оказывающих влияние на их деятельность и развитие [Электронный ресурс] // Отчет о результатах исследования мнений руководителей предприятий – членов Свердловского областного союза промышленников и предпринимателей за 2023 год / СОСПП. Екатеринбург, 2024. С. 6–16. URL: https://sospp.ru/wp-content/uploads/2024/03/otchet_2024_12.02-2.0.pdf (дата обращения: 17.03.2024).

¹¹ Здесь и далее в статье таблицы и рисунки составлены авторами по материалам исследования.

¹² ТПП России представила результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции» за 2023 год [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата России : сайт. 2023. 8 дек. URL: <https://news.tpprf.ru/news/5239282/> (дата обращения: 17.03.2024).

Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования¹³, региональное бизнес-сообщество также относится к коррупции отрицательно. Более трети опрошенных предпринимателей 35 % (сумма ответов «скорее мешает» или «чаще мешает») считают, что коррупция мешает их организации работать на рынке (аналогичная ситуация в 2022 г. – 35,6 %). Примерно каждый десятый (12,5 %) отметил позитивное влияние взяточничества (в 2022 г. – 5 %) (табл. 2). Как и в исследованиях прошлых лет, число респондентов, негативно оценивающих влияние коррупции на развитие бизнеса, значительно превышает число тех, кто готов смириться с ее существованием.

Т а б л и ц а 2. Распределение ответов на вопрос «Если исходить из нынешних условий и обстоятельств ведения бизнеса и его регулирования органами власти, коррупция скорее помогает или мешает работать организациям Вашей отрасли, по размерам схожим с Вашей?», %

Table 2. Distribution of answers to the question “Based on the current conditions and circumstances of doing business and its regulation by government authorities, does corruption rather help or hinder the work of organizations in your industry that are similar in size to yours?”, %

Варианты ответа / Answer options	2021	2022	2023
	До санкций / Before sanctions	После введения санкций / After the imposition of sanctions	
Скорее мешает / It's more of a hindrance	32,4	29,0	24,5
Чаще мешает, чем помогает / It's more often a hindrance than a help	6,8	6,6	10,5
Не помогает, но и не мешает / It doesn't help, but it doesn't hinder	2,8	2,2	6,0
Чаще помогает, чем мешает / It's more often a help than a hindrance	3,6	3,0	8,5
Скорее помогает / It's more of a help	2,2	2,0	4,0
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	52,2	57,2	46,5

Вместе с тем для активизации антикоррупционной работы важно выделить факторы риска коррупции, связанные с нарастанием степени лояльности к проявлению коррупционного поведения в настроениях делового сообщества (рис. 1):

1) если в 2021 досанкционный год число лояльных к коррупции (сумма ответов «чаще помогает, чем мешает», «скорее помогает») составляло 5,8 %, то в 2023 г. эта цифра выросла практически в 2 раза – до 12,8 %;

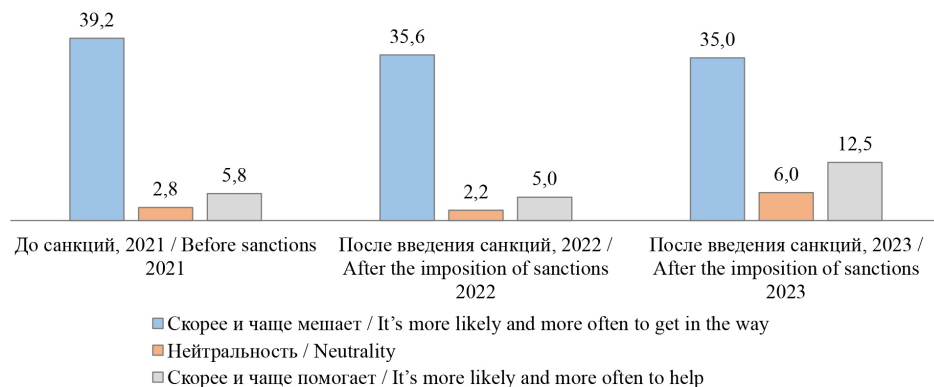
2) в 2 раза выросло и число нейтрально настроенных к проявлению коррупции («не помогает, но и не мешает»): от 2,8 % в 2021 г. до 6,0 % в 2023 г.);

3) соответственно несколько снизилось число негативно настроенных к коррупционным практикам в деловых отношениях (сумма ответов «скорее мешает» и «чаще мешает, чем помогает»): от 39,2 % в 2021 г. до 35,0 % в 2023 г.

Таким образом, можно зафиксировать *первый риск «социальной легитимности» коррупции*: на общем фоне негативной оценки бизнес-сообществом

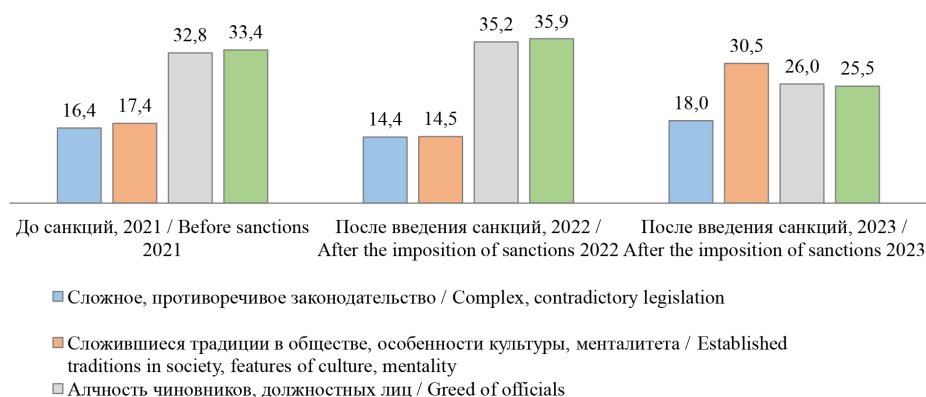
¹³ Исследование проводилось авторами среди делового сообщества Свердловской области согласно «Методике проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации».

коррупции в условиях санкций зафиксировано увеличение числа сторонников позиции, что коррупция способна помочь решить актуальные вопросы бизнеса, а также нейтрально относящихся к коррупционным бизнес-практикам.

Р и с. 1. Оценка деловым сообществом степени влияния коррупции на работу организации, %
F i g. 1. The business community's assessment of the degree of influence of corruption on the organization's work, %

Еще об одном факторе, подтверждающем тезис о росте степени лояльности делового сообщества в отношении коррупции, свидетельствуют результаты опроса делового сообщества Свердловской области о причинах коррупции в России. Около трети предпринимателей (30,5 %) видят причины коррупции в особенностях культуры и менталитета русского народа (в 2022 г. – 14,5 %, в 2021 г. – 17,4 %); 26,0 – винят алчных чиновников (в 2022 г. – 35,2 %; в 2021 г. – 32,8 %); замыкает рейтинг фактор противоречивого законодательства в качестве причины коррупции – 18,0 % (против 14,4 % в 2022 и 2021 гг.) (рис. 2).

Р и с. 2. Оценка региональным деловым сообществом причин распространения коррупции в России в 2021–2023 гг., %
F i g. 2. Assessment by the regional business community of the reasons for the spread of corruption in Russia in 2021–2023, %

Поскольку в 2023 г. мы получили больше содержательных ответов, чем в прошлые годы: только четверть против трети затруднились с ответом (25,5 % в 2023 г. против 33,8 % в 2022 г.), мы не станем сравнивать проценты ответов респондентов нынешнего и прошлого годов, а остановимся на более корректном сравнительном анализе иерархии причин (табл. 3).

Таблица 3. Иерархия причин коррупции в России в ответах делового сообщества
Table 3. Hierarchy of causes of corruption in Russia in responses from the business community

Место в иерархии причин / Place in the hierarchy of causes	2021	2022	2023
	До санкций / Before sanctions	После введения санкций / After the imposition of sanctions	
1	Алчность чиновников, должностных лиц / Greed of officials	Алчность чиновников, должностных лиц / Greed of officials	Сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры, менталитета / Established traditions in society, features of culture, mentality
2	Сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры, менталитета / Established traditions in society, features of culture, mentality	Сложное, противоречивое законодательство / Complex, contradictory legislation	Алчность чиновников, должностных лиц / Greed of officials
3	Сложное, противоречивое законодательство / Complex, contradictory legislation	Сложившиеся традиции в обществе, особенности культуры, менталитета / Established traditions in society, features of culture, mentality	Сложное, противоречивое законодательство / Complex, contradictory legislation

Начиная с 2023 г. мы фиксируем изменения в настроениях делового сообщества: «сложившиеся в российском обществе традиции, особенности культуры и менталитета» становятся, по их мнению, основным тормозом формирования антикоррупционного поведения. Они, по оценкам респондентов, даже в большей степени, чем «алчность должностных лиц» и «сложности законодательства», тормозят эффективность антикоррупционной политики.

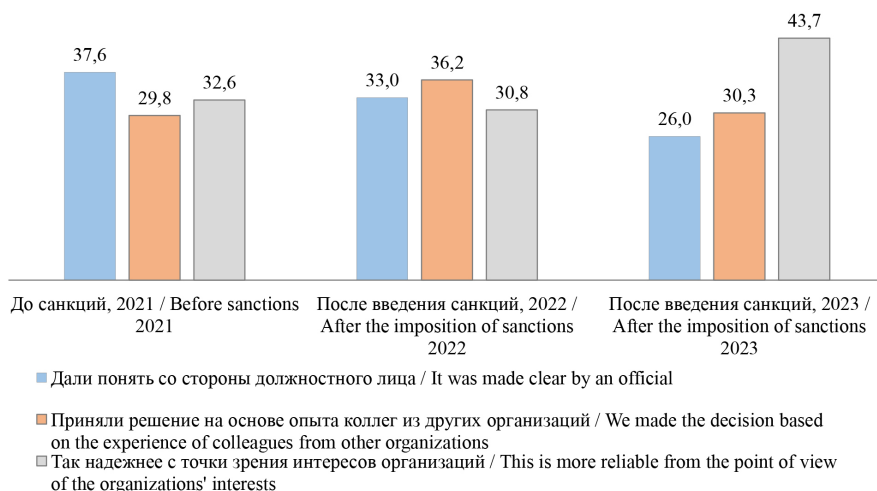
Таким образом, *второй риск «социальной легитимности» коррупции* в условиях санкций связан с ростом стремления делового сообщества оправдать использование коррупционных моделей поведения привычным «так уж сложилось в России».

Следующие факторы риска коррупционного поведения связаны с анализом повседневных практик бизнес-сообщества. Ответы респондентов Свердловской области 2021–2023 гг. на вопрос «Причина, по которой организация (предприятие, фирма, бизнес) из Вашей отрасли, по размерам схожая с Вашей, была бы склонна к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?», позволяет зафиксировать следующие тенденции:

1) наблюдается последовательное снижение фактора «вымогательства» со стороны должностных лиц в группе причин коррупционного поведения предпринимателей (с 37,6 % в 2021 г., 33,0 – в 2022 и до 26,0 % в 2023 г.);

2) значимость фактора традиции, закреплённой практикой других организаций, «опора на опыт коллег», остается достаточно стабильной, претерпевая небольшие колебания (29,8 % в 2021 г., 36,2 – в 2022 и вновь в 2023 г. приблизившись к уровню 2021 г. – 30,3 %);

3) в 2023 г. выросла мотивация, связанная с фактором обеспечения спокойствия для интересов организации, «так надежнее» (с 32,6 % в 2021 г., 30,8 – в 2022 и до 43,7 % в 2023 г.) (рис. 3).

Р и с. 3. Сравнительный анализ видения региональными респондентами причин коррупционного поведения в 2021–2023 гг., %

F i g. 3. Comparative analysis of regional respondents' vision of the causes of corrupt behavior in 2021–2023, %

Здесь мы фиксируем готовность самого делового сообщества к коррупционным практикам, когда «стремление ускорить или обойти слишком сложные процедуры» оказывается более значимым фактором, чем вымогательство со стороны чиновников, «когда платежей не удастся избежать».

Выявленная нами тенденция коррелируется с исследованиями социологов других регионов России. Р. Р. Агишев и И. В. Манаева, анализируя в 2022 г. настроения делового сообщества 9 российских регионов в отношении причин коррупции, отмечают тенденцию доминирования коррупционной инициативы со стороны самого делового сообщества¹⁴ [32].

Чем объясняет деловое сообщество Свердловской области свою лояльность к использованию коррупционных схем? Анализ ответов на вопрос «Как Вы полагаете, с какими целями организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей

¹⁴ В среднем по регионам (Волгоградская, Нижегородская, Новосибирская, Саратовская, Оренбургская области; Алтайский край; республики Северная Осетия, Мордовия, Удмуртия): 78 % «подкуп чиновников» против 22 % «вымогательства со стороны чиновников».

отрасли, по размерам схожие с Вашей, используют неформальные прямые и (или) скрытые платежи при взаимодействии с органами власти?» позволяет выделить следующую тенденцию. Позитивным моментом является тот факт, что около половины 46,5 % (против 20,8 % в 2022 г.; 29,8 % – в 2021 г.) респондентов решают свои производственные проблемы без коррупционных неформальных схем. Вместе с тем предприниматели 2023 г. оправдывают свою лояльность к использованию коррупционных схем: готовностью ускорить прохождение бюрократических процедур, документов – 44,3 % (в 2022 г. – 15,4 %, в 2021 г. – 19,6 %) или обойти запутанные правила и нормы закона (24,8 и 10,0 %; в 2022 г. – 10,9 и 12,5 %; в 2021 г. – 14,0 и 15,4 % соответственно). На неизбежность платежей указывают 20,0 % (в 2022 г. – 5,1 %, в 2021 г. – 7,0 %) опрошенных представителей бизнеса (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы полагаете, с какими целями организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, используют неформальные прямые и (или) скрытые платежи при взаимодействии с органами власти?» (множественный ответ), %

Table 4. Distribution of answers to the question “For what purposes do you think organizations (enterprises, firms, businesses) in your industry, similar in size to yours, use informal direct and (or) hidden payments when interacting with authorities?” (multiple answer), %

Варианты ответа / Answer options	2021	2022	2023
	До санкций / Before sanctions	После введения санкций / After the imposition of sanctions	
Для ускорения получения необходимых документов, разрешений, лицензий, сертификатов и др. / To speed up obtaining the necessary documents, permits, licenses, certificates, etc.	19,6	15,4	44,3
Для обхода слишком сложных, обременительных для организаций (предприятий) требований законодательства или регулирующих органов / To circumvent legal or regulatory requirements that are too complex and burdensome for organizations (enterprises)	14,0	10,9	24,8
Для обхода невыполнимых (противоречивых) требований законодательства или регулирующих органов / To circumvent unenforceable (conflicting) legal or regulatory requirements	15,4	12,5	10,0
Не для достижения определенных целей, просто платежей не удастся избежать / Not to achieve certain goals, it's just that payments can't be avoided	7,0	5,1	20,0
Другое (укажите, что именно) / Other (please specify)	0,8	1,2	5,8
Не используют неформальные платежи / Informal payments are not used	29,8	20,8	46,5
Не знаю, затрудняюсь ответить / I don't know, it's difficult to answer	38,0	52,3	14,5
Всего / Total	124,6	118,2	165,9

Заметим, что при сравнении результатов исследований 2023 г. с предыдущими 2022 и 2021 гг., мы получили больше результативных ответов: если в 2021 г. 38 % – «затруднились с ответом», в 2022 г. более половины респондентов

предпочли не высказывать открыто свою позицию (52,3 %), то в 2023 г. таких неопределившихся с позицией респондентов осталось только 14,5 %. За счет большего количества полученных содержательных ответов в 2023 г. вырос процент в каждой категории ответа. Однако иерархия целей в ответах респондентов 2021–2023 гг. осталась неизменной: преобладает группа тех, кто не использует неформальные платежи, а обращение к подобной практике вызвано стремлением ускорить или обойти сложные процедуры. Эта целевая установка доминирует над неизбежностью неформальных практик.

Схожую тенденцию фиксирует общероссийское исследование «Бизнес-барометр коррупции», проведенное торгово-промышленной палатой России в 2023 г.: «Если бы вы столкнулись с проблемой в бизнесе, то какую стратегию решения проблемы вы бы выбрали: 69,58 % высказались за формальный путь решения проблемы и 30,42 % остаются приверженцами неформального пути»¹⁵. При доминировании в повседневной деятельности «неформальных практик» около трети признаются в использовании неформальных схем, что также остается фактором риска роста коррупционного поведения.

Таким образом, риск «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций связан с ценностным и поведенческим диссонансом: при сохранении ценности общего неприятия коррупции в повседневных практиках наблюдается тенденция к росту лояльности коррупционного поведения делового сообщества ради интересов бизнеса.

Обсуждение и заключение. Опыт реализации антикоррупционной политики в повседневной деловой коммуникации показывает, что без сопряженности интересов бизнеса и государства любые управленческие технологии обречены на неудачу или как минимум на имитацию антикоррупционной работы. Жизненная и социально-профессиональная позиция участников делового взаимодействия, в которой коррупция принимается как неизбежная норма социального взаимодействия, оказывается тем серьезным барьером, который препятствует эффективности внедрения антикоррупционных мер. Отсутствие толерантности к коррупции и неприятие ее в культуре повседневности делового сообщества становятся значимым ресурсом формирования антикоррупционных практик.

Проделанный анализ позволил подтвердить обе выдвинутые гипотезы исследования и найти ответы на поставленные исследовательские вопросы: в условиях масштабного санкционного давления на российскую экономику среди делового сообщества сохраняется общая ценностная установка на неприятие коррупции и поддерживается стремление ей противостоять. В то же время авторы зафиксировали рассогласование общего неприятия коррупции с вполне толерантным к ней отношением, когда дело касается повседневных деловых практик. Таким образом, в российском социуме сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, на макроуровне коррупция однозначно воспринимается как зло, дисфункция, ведущая к негативным экономическим и социальным последствиям, с другой – на микроуровне при решении конкретных жизненных и деловых ситуаций жесткость в оценках коррупции смягчается и может

¹⁵ ТПП России представила результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции» за 2023 год...

восприниматься как вполне объяснимая и допустимая. Становление устойчивых антикоррупционных поведенческих моделей делового сообщества – это процесс, который нуждается в постоянном мониторинге.

Ситуация кризиса способна трансформировать нормы антикоррупционного поведения и уровень легитимности коррупции в настроениях делового сообщества: «вообще говоря, коррупция – это плохо, но в ситуации кризиса я могу, даже вынужден использовать коррупционные практики для защиты своего бизнеса, поэтому в моей повседневной деловой практике она допустима, объяснима». Нарастание подобного тренда в настроениях делового сообщества обуславливает социальную легитимизацию коррупционных практик и создает риски роста коррупции.

Авторы обращают внимание на фактор социальной легитимности, допустимости коррупции в комплексе антикоррупционных мер. Правовые и экономические антисанкционные меры могут быть успешными тогда, когда они сопряжены с интересами всех акторов коммуникации, включая такого значимого субъекта, как бизнес-сообщество. Выявленные риски «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций высвечивают целое поле исследовательских задач, значимых для научного и делового сообщества. Прежде всего, необходимо изучение новых коррупционных практик, связанных с изменением логики поставок, когда толерантность к коррупции создает благоприятную почву для масштабирования вновь возникших коррупционных схем среди делового сообщества. В целях минимизации рисков коррупционных настроений нуждаются в дальнейшем исследовании процессы упрощения коммуникации бизнеса и власти, чтобы сделать более простыми и доступными процессы администрирования. Обеспечение со стороны органов власти «понятности» для бизнес-сообщества сложных бюрократических процедур само по себе способно снизить готовность воспользоваться незаконными практиками для достижения целей бизнеса. Не менее важное направление работы сегодня и у организаций, отстаивающих интересы предпринимателей и промышленного сообщества, которые наиболее остро воспринимают выводы о рисках социальной легитимности коррупции и призваны искать инновационные формы антикоррупционного просвещения, преодоления девиантных традиций и внедрения устойчивых культурных практик, адекватных масштабным задачам современного российского общества.

Наряду с совершенствованием правового регулирования, антикоррупционных институциональных мер по снижению административных барьеров необходима активизация социологических исследований по изучению культуры повседневности российского делового сообщества.

Полученные авторами результаты были представлены в марте 2024 г. на комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области под председательством заместителя губернатора Свердловской области; обсуждены на заседании общественного совета при Департаменте противодействия коррупции Свердловской области, на информационно-дискуссионной площадке «Общественное мнение» и легли в основу рекомендаций органам власти и деловому сообществу региона по повышению эффективности антикоррупционной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимофеев И. Н., Соколышник Ю. С., Морозов В. А. Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, № 4. С. 405–420. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.404>
2. Соколова Е. Н., Якушев И. Л. Глобальный анализ современных экономических санкций // Федерализм. 2023. Т. 28, № 4 (112). С. 110–125. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-4-110-125>
3. Победин А. А., Федулов Д. В. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации // Вопросы управления. 2023. № 4 (83). С. 20–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-20-32>
4. Тимофеев И. Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 4. С. 136–152. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152>
5. Глушак Н. В., Черенков В. Е., Журавков И. А. Последствия экономических санкций как триггер роста коррупционных проявлений в обществе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-1. С. 23–30. <https://doi.org/10.17513/vaael.2241>
6. Шхагапсоев З. Л., Хамгоков М. М. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в Российской Федерации в условиях внешнего санкционного давления // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 4. С. 116–120. URL: <https://www.urvak.ru/articles/pr-3415-vypusk-4-aktualnye-problemy-borby-s-korrup/> (дата обращения: 17.03.2024).
7. Михалина Л. М., Голованов Е. Б. Изменение инвестиционной активности субъектов малого бизнеса в условиях коррупционной среды // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2014. № 3. С. 41–47. URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/2507> (дата обращения: 17.03.2024).
8. Федотов Д. Ю., Инкижинова С. А., Шкурин Д. В. Деловая коррупция в Иркутской области: результаты социологического опроса // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 2. С. 209–226. <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117714>
9. Алексеев С. Л. Мониторинг экономической безопасности субъекта Российской Федерации методами антикоррупционного контроля // Вестник НЦБЖД. 2021. № 1 (47). С. 53–60. URL: https://ncbgd.tatarstan.ru/file/pub/pub_2745379.pdf (дата обращения: 17.03.2024).
10. Mourad Kh. A. Post-conflict Development, Reviewing the Water Sector in Somalia // Environment, Development and Sustainability. 2023. Vol. 25, no. 2. Pp. 1326–1350. <https://doi.org/10.1007/s10668-021-02096-3>
11. Haseeb M., Azam M. Dynamic Nexus among Tourism, Corruption, Democracy and Environmental Degradation: A Panel Data Investigation // Environment, Development and Sustainability. 2021. Vol. 23, no. 4. Pp. 5557–5575. <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00832-9>
12. Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия / И. А. Юрасов [и др.] // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753>
13. Севрюгин В. Е. Деловая коррупция как фактор, тормозящий развитие бизнеса в России // Вестник Академии энциклопедических наук. 2018. № 1 (30). С. 14–23. EDN: YUTYUA
14. Дегтярев А., Маликов Р. Коррупционная основа административных барьеров // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 78–87. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-11-78-87>
15. Шевердяев С. Н. Типология локальной деловой коррупции (к проекту совета Европы о защите предпринимателей от коррупционных практик, прекоп) // Право и экономика. 2019. № 5 (375). С. 5–13. URL: <https://jusinf.ru/catalog/article4073/> (дата обращения: 17.03.2024).
16. Bribe Payments and State Ownership: The Impact of State Ownership on Bribery Propensity and Intensity / J. Yi [et al.] // Business & Society. 2023. Vol. 62, issue 5. Pp. 1103–1135. <https://doi.org/10.1177/00076503221124860>
17. Огородов А. С., Саранчук С. Ю., Чевтаева Н. Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2017. Т. 17, № 1. С. 83–95. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95>
18. Роганов С. А., Роганова Т. Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1 (67). С. 92–101. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_1_92

19. Борисова С. Е. Феномен коррупционного поведения и его ассоциативно-понятийная составляющая в социальных репрезентациях руководителей подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД // Психология и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 58–69. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130205>
20. Савченко И. А. Коррупционная направленность личности в эмпирическом измерении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 77–83. EDN: YHTAUJ
21. Чевтаева Н. Г. Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 143–147. <https://doi.org/10.31857/S013216250019217-1>
22. Дубровина О. И. Представления государственных служащих о коррупции и коррупционном поведении в зависимости от уровня заработной платы // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 2. С. 172–190. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2020-10-2/375469256.html> (дата обращения: 17.03.2024).
23. Лимкина Н. А. Алгоритмы поведения и мотивация представителей деловой сферы в коррупционных ситуациях // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 7 (129). С. 154–161. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-7-154-161>
24. Jones S. S. Gaslighting and Dispelling: Experiences of Non-Governmental Organization Workers in Navigating Gendered Corruption // Human Relations. 2023. Vol. 76, issue 6. Pp. 901–925. <https://doi.org/10.1177/00187267221083274>
25. Kim S. J., Lee J. A Percolation-Like Process of Within-Organization Collective Corruption: A Computational Approach // Business & Society. 2021. Vol. 60, issue 1. Pp. 161–195. <https://doi.org/10.1177/0007650319831630>
26. Татарко А. Н., Миронова А. А. Индивидуальные ценности и отношение к коррупции: кросс-культурный анализ // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 21–37. EDN: XHDDCV
27. Toklo S. The Effects of Corruption Perception on Political Participation: Evidence from Africa // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 2. С. 109–122. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-109-122>
28. Kopsteva N. P. Cultural Grounds of Corruption in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7, no. 11. Pp. 1820–1836. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2014-7-11-1820-1836>
29. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 178–193. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120213>
30. Seeing Others' Side to Serve: Understanding how and when Servant Leadership Impacts Employee Knowledge-hiding Behaviors / M. Usman [et al.] // Human Relations. 2024. Vol. 77, issue 1. Pp. 3–28. <https://doi.org/10.1177/00187267221125353>
31. Ni D., Zheng X., Liang L. H. How and when Leader Mindfulness Influences Team Member Interpersonal Behavior: Evidence from a Quasi-field Experiment and a Field Survey // Human Relations. 2023. Vol. 76, issue 12. Pp. 1940–1965. <https://doi.org/10.1177/00187267221128571>
32. Агишев Р. Р., Манаева И. В. Коррупционная инициатива как предмет социологического анализа // Власть. 2023. Т. 31, № 2. С. 181–187. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9558>

REFERENCES

1. Timofeev I.N., Sokolshchik Yu.S., Morozov V.A. Sanctions Against Iran: Lessons for Russia in the New International Context. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022;15(4):405–420. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.404>
2. Sokolova E.N., Yakushev I.L. Global Analysis of Modern Economic Sanctions. *Federalism*. 2023;28(4):110–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-4-110-125>
3. Pobedin A.A., Fedulov D.V. International Economic Sanctions: Structure and Implementation Scenarios. *Management Issues*. 2023;(4):20–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-20-32>
4. Timofeev I.N. Sanctions on Russia: A New Chapter. *Russia in Global Politics*. 2022;20(4):103–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-4-103-119>

5. Glushak N.V., Cherenkov V.E., Zhuravkov I.A. [Consequences of Economic Sanctions as a Trigger for the Growth of Corruption in Society]. *Vestnik Altaiskoy akademii ekonomiki i prava*. 2022;(6-1):23–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/vaael.2241>
6. Shkhagapsoev Z.L., Khamgovok M.M. Current Problems of Fighting Corruption in the Russian Federation under the Conditions of External Sanction Pressure. *Economic Problems and Legal Practice*. 2023;19(4):116–120. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.urvak.ru/articles/pr-3415-vypusk-4-aktualnye-problemy-borby-s-korrupt/> (accessed 17.03.2024).
7. Mikhulina L.M., Golovanov E.B. Changes in the Investment Activity of Small Businesses Entities in Terms of Corruption Network. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"*. 2014;(3):41–47. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/2507> (accessed 17.03.2024).
8. Fedotov D.Yu., Inkizhinova S.A., Shkurin D.V. Business Corruption in the Irkutsk Region: Results of a Sociological Survey. *Shadow Economy*. 2023;7(2):209–226. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/tek.7.2.117714>
9. Alekseev S.L. Monitoring the Economic Security of Russian Regions by Anti-Corruption Control Methods. *Bulletin of Scientific Center of Safety Research*. 2021;(1):53–60. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://ncbgd.tatarstan.ru/file/pub/pub_2745379.pdf (accessed 17.03.2024).
10. Mourad Kh.A. Post-Conflict Development, Reviewing the Water Sector in Somalia. *Environment, Development and Sustainability*. 2023;25(2):1326–1350. <https://doi.org/10.1007/s10668-021-02096-3>
11. Haseeb M., Azam M. Dynamic Nexus among Tourism, Corruption, Democracy and Environmental Degradation: A Panel Data Investigation. *Environment, Development and Sustainability*. 2021;23(4):5557–5575. <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00832-9>
12. Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Polutin S.V., Zyablikova O.A., Yurasova O.N. Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):733–753. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753>
13. Sevryugin V.E. Corporate Corruption as a Factor Hindering the Development of Business in Russia. *Vestnik Akademii entsiklopedicheskikh nauk*. 2018;(1):14–23. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YUTYUA
14. Degtyarev A., Malikov R. Corrupt Basis of Administrative Barriers. *Voprosy ekonomiki*. 2003;(11):78–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-11-78-87>
15. Sheverdyayev S.N. Typology of Corruption in the Local Business Sector (to the Project "Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Russian Federation from Corrupt Practices", Precop). *Law and Economics*. 2019;(5):5–13. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://jusinf.ru/catalog/article4073/> (accessed 17.03.2024).
16. Yi J., Chen L., Meng Sh., Shaheer N. Bribe Payments and State Ownership: The Impact of State Ownership on Bribe Propensity and Intensity. *Business & Society*. 2023;62(5):1103–1135. <https://doi.org/10.1177/00076503221124860>
17. Ogorodov A.S., Saranchuk S.Yu., Chevtaeva N.G. Corporate Professional Unity under the Unstable Labor Market in the Industrial Region. *RUDN Journal of Sociology*. 2017;17(1):83–95. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-1-83-95>
18. Roganov S.A., Roganova T.L. Public Control in the Field of Combating Corruption. *Leningrad Legal Journal*. 2022;(1):92–101. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.35231/18136230_2022_1_92
19. Borisova S.E. The Phenomenon of Corrupt Behavior and its Associative-Conceptual Component in the Social Representations of the Heads of Departments of the Traffic Police Road Patrol Service. *Psychology and Law*. 2023;13(2):58–69. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130205>
20. Savchenko I.A. Corruption Orientation of Personality in Empirical Measurement. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(1):77–83. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YHTAUJ
21. Chevtaeva N.G. Patrimonialism in Official Relations of Russian officials: On the Materials of Pre-Revolutionary Empirical Studies. *Sociological Studies*. 2022;(6):143–147. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250019217-1>
22. Dubrovina O.I. The Perceptions about Corruption and Corrupt Behavior among Public Servants. *Organizational Psychology*. 2020;10(2):172–190. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2020-10-2/375469256.html> (accessed 17.03.2024).

23. Limkina N.A. Behavior Algorithms and Motivation of Representatives Business Sphere in Corruption Situations. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2021;(7):154–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-7-154-161>

24. Jones S.S. Gaslighting and Dispelling: Experiences of Non-Governmental Organization Workers in Navigating Gendered Corruption. *Human Relations*. 2023;76(6):901–925. <https://doi.org/10.1177/00187267221083274>

25. Kim S.J., Lee J. A Percolation-Like Process of Within-Organization Collective Corruption: A Computational Approach. *Business & Society*. 2021;60(1):161–195. <https://doi.org/10.1177/0007650319831630>

26. Tatarko A.N. Basic Values and Attitude toward Corruption: Cross-Cultural Analysis. *Social Sciences and Contemporary World*. 2016;(6):21–37. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: XHDDCV

27. Toklo S. The Effects of Corruption Perception on Political Participation: Evidence from Africa. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(2):109–122. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-109-122>

28. Kopsteva N.P. Cultural Grounds of Corruption in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2014;7(11):1820–1836. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2014-7-11-1820-1836>

29. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation of the Economic Mentality of Russians. *Psychology and Law*. 2022;12(2):178–193. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120213>

30. Usman M., Ali M., Soetan G.T., Ayoko O.B., Berber A. Seeing Others' Side to Serve: Understanding How and When Servant Leadership Impacts Employee Knowledge-Hiding Behaviors. *Human Relations*. 2024;77(1):3–28. <https://doi.org/10.1177/00187267221125353>

31. Ni D., Zheng X., Liang L.H. How and When Leader Mindfulness Influences Team Member Interpersonal Behavior: Evidence from a Quasi-Field Experiment and a Field Survey. *Human Relations*. 2023;76(12):1940–1965. <https://doi.org/10.1177/00187267221128571>

32. Agishev R.R., Manaeva I.V. Corruption Initiative as a Subject of Sociological Analysis. *Power*. 2023;31(2):181–187. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9558>

Об авторах:

Чевтаева Наталия Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4223-3318>, Researcher ID: ABD-5356-2020, Scopus ID: 57199859026, chevtava-ng@ranepa.ru

Ваторопин Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и социологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7632-5165>, Scopus ID: 6505693896, vatoropin-as@ranepa.ru

Гущин Олег Васильевич, кандидат социологических наук, директор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2950-8485>, Researcher ID: LDQ-8942-2024, gushchin-ov@ranepa.ru

Ваторопин Сергей Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом и социологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6624-8104>, vatoropin-sa@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. Г. Чевтаева – разработка и конкретизация проблемы; интерпретация эмпирического материала; сравнительный анализ с результатами общероссийских исследований; формулирование выводов.

А. С. Ваторопин – организация и проведение эмпирического исследования среди индивидуальных предпринимателей Свердловской области; обзор по проблемам социальной легитимности коррупционного поведения.

О. В. Гушин – организация и проведение эмпирического исследования среди хозяйствующих субъектов Свердловской области; критический анализ текста.

С. А. Ваторопин – количественный анализ итогов анкетирования; доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 06.03.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

About the authors:

Natalia G. Chevtavaeva, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4223-3318>, Researcher ID: ABD-5356-2020, Scopus ID: 57199859026, chevtavaeva-ng@ranepa.ru

Alexander S. Vatoropin, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7632-5165>, Scopus ID: 6505693896, vatoropin-as@ranepa.ru

Oleg V. Gushchin, Cand.Sci. (Sociol.), Director, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2950-8485>, Researcher ID: LDQ-8942-2024, gushchin-ov@ranepa.ru

Sergey A. Vatoropin, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6624-8104>, vatoropin-sa@ranepa.ru

Contribution of the authors:

N. G. Chevtavaeva – development and specification of the problem; interpretation of empirical material; comparative analysis of the results of all-Russian studies; drawing conclusions.

A. S. Vatoropin – organizing and conducting an empirical study among individual entrepreneurs in the Sverdlovsk Region; a review of the problems of social legitimacy of corrupt behavior.

O. V. Gushchin – organizing and conducting empirical research among business entities in the Sverdlovsk Region; critical analysis of the text.

S. A. Vatoropin – quantitative analysis of the survey results; revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 06.03.2024; revised 22.04.2024; accepted 06.05.2024.

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.563-583

УДК 331:314(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Состояние и возможности укрепления трудового потенциала России (на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.)

Л. Н. Липатова ✉

В. Н. Градусова

*Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
✉ ln.lipatova@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Наиболее полную информацию о численности и составе населения дают сплошные переписи населения, в ходе которых собираются данные, необходимые для анализа количественных и качественных сдвигов, произошедших в составе населения и рабочей силы. Цель исследования – выявить изменения в численном составе, возрастной структуре и качественных параметрах трудового потенциала населения России в период между всероссийскими переписями населения 2010 и 2020 гг. и наметить пути его укрепления.

Материалы и методы. Исследование базировалось на итогах всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., данных текущего учета и прогнозных расчетов Росстата, публикациях ученых, занятых исследованиями в области экономической демографии. Анализ изменений в демографическом развитии Российской Федерации в межпереписной период проведен с использованием приемов динамического и структурного анализа, обобщение результатов опубликованных научных исследований осуществлялось на основе критического анализа. Количественные параметры трудового потенциала оценивались показателями численности населения в трудоспособном возрасте, занятых в экономике, безработных граждан, потенциальной рабочей силы.

Результаты исследования. Установлены основные изменения в численности и составе российского населения по возрасту и образованию, произошедшие за межпереписной период. Определены количественные и качественные параметры рабочей силы. Выявлен опережающий рост уровня образования безработных граждан и потенциальной рабочей силы в сравнении с занятыми в экономике, что при высокой степени износа активной части основных фондов и большой части рабочих мест с вредными и опасными условиями труда позволяет говорить об архаичности российской экономики и общем несоответствии ее запросов уровню образования населения. Расчеты показали, что за счет вовлечения в общественное производство потенциальной рабочей силы решить проблему нехватки рабочей силы не удастся.

Обсуждение и заключение. Для обеспечения российской экономики необходимой рабочей силой предложено рассмотреть следующие временные варианты увеличения фонда рабочего времени в случае необходимости: повышение пенсионного возраста для женщин, уменьшение числа праздничных дней, сокращение продолжительности оплачиваемого отпуска, увеличение продолжительности рабочей недели. Результаты проведенного исследования могут быть полезны

© Липатова Л. Н., Градусова В. Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ученым и представителям органов государственной власти, занимающимся вопросами демографического развития, стратегического планирования, регионального развития, регулирования миграции, а также специалистам в сфере подготовки кадров.

Ключевые слова: сплошная перепись населения, естественное движение населения, международная миграция, трудовой потенциал, экономически активное население, рабочая сила, потенциальная рабочая сила, производительность труда, архаичная структура экономики

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Состояние и возможности укрепления трудового потенциала России (на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.) // Регионология. 2024. Т. 32, № 3. С. 563–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.563-583>

State and Possibilities of Strengthening the Labor Potential of Russia (Based on the All-Russian Population Census 2020)

L. N. Lipatova ✉, V. N. Gradusova

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(St. Petersburg, Russian Federation)
✉ ln.lipatova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The most complete information on the size and composition of the population is provided by continuous population censuses, which collect information necessary for the analysis of quantitative and qualitative changes in the composition of the population and the labor force. The purpose of the study is to identify changes in the numerical composition, age structure, and qualitative parameters of the labor potential of the Russian population in the period between the All-Russian population censuses of 2010 and 2020, and to outline ways to strengthen it.

Materials and Methods. The study was based on the results of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020, current accounting data and forecast calculations of Rosstat, publications of scientists engaged in research in the field of economic demography. The analysis of changes in the demographic development of the Russian Federation in the intercensal period was carried out using the methods of dynamic and structural analysis, and the generalization of the results of published scientific research was made on the basis of critical analysis. Quantitative parameters of the labor potential were estimated on the basis of indicators of the population of working age, employed in the economy, unemployed citizens and potential labor force.

Results. The main changes in the number and composition of the Russian population by age and education that occurred during the inter-census period have been established. The quantitative and qualitative parameters of the labor force are determined. The outstripping growth of the level of education of unemployed citizens and potential labor force in comparison with those employed in the economy has been revealed, which, with a high degree of depreciation of the active part of fixed assets and a large part of workplaces with harmful and dangerous working conditions, suggests the archaic nature of the Russian economy and the general discrepancy between its requests and the level of education of the population. Calculations have shown that due to the involvement of potential labor in public production, it will not be possible to solve the problem of labor shortage.

Discussion and Conclusion. In order to provide the Russian economy with the necessary labor force, it is suggested to consider the following options for increasing the working time fund: temporary increase in the retirement age for women, temporary decrease in the number of holidays, temporary decrease in the duration of paid leave, temporary increase in the length of the working week. The results of the research can be useful for scientists and representatives of public authorities dealing with demographic development, strategic planning, regional development, migration regulation, as well as for specialists in the field of personnel training.

Keywords: continuous population census, natural population movement, international migration, labor potential, economically active population, labor force, potential labor force, labor productivity, archaic structure of the economy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Lipatova L.N., Gradusova V.N. State and Possibilities of Strengthening the Labor Potential of Russia (Based on the All-Russian Population Census 2020). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):563–583. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.563-583>

Введение. Зависимость общественного развития от демографической динамики активно исследуется. Изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин этого было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону¹. Поэтому важно регулярно проводить сплошные обследования населения и детально анализировать произошедшие изменения. Особую актуальность такие исследования приобретают в условиях значительных демографических колебаний, что не только серьезно усложняет управление социально-экономическими системами, но и может стать фактором, ограничивающим возможности экономического развития, или, напротив, привести к росту напряженности на рынке труда и необходимости увеличения государственных средств, направляемых на выплату пособий, содействие созданию новых рабочих мест, стимулирование предпринимательской активности и самозанятости, а также другие меры, призванные смягчить негативные последствия превышения предложения над спросом на рынке труда.

В ожидании «демографической ямы», когда в трудовую жизнь после завершения обучения вступает малочисленное поколение родившихся в конце 1990-х гг., в России с 2019 г. был повышен возраст выхода на пенсию, что должно было улучшить конъюнктуру рынка труда. Однако ситуация в сфере занятости осложнилась в связи с обострением геополитической обстановки, что потребовало увеличения численности кадровых военных, проведения частичной военной мобилизации населения, создания новых рабочих мест для увеличения объемов производства различных видов вооружения и др.

Кроме того, многочисленные экономические санкции, введенные в отношении нашей страны, диктуют необходимость расширения и даже создания новых производств, для чего также необходимы дополнительные рабочие руки. Одновременно значительная часть работников со всей России вовлечены в процессы по восстановлению нормальной жизнедеятельности в новых российских субъектах. В итоге совместного влияния названных факторов сегодня многие российские организации испытывают не только дефицит высококвалифицированных кадров, но даже нехватку неквалифицированных работников. Например, дефицит рабочей силы в строительстве оценивается в 3–5 млн чел.², российскому сельскому хозяйству в конце сезона не хватало 200 тыс. чел.³ О проблеме дефицита работников заявили и представители индустрии гостеприимства⁴.

¹ Сорокин П. Современное состояние России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-3-17-Sorokin.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

² В Минстрое из-за нехватки строителей предложили привлекать безработных [Электронный ресурс] // РБК : сайт. 2022. 17 окт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2022/634c7be19a79477f656c1dda> (дата обращения: 15.10.2023).

³ В Минсельхозе раскрыли объем нехватки рабочей силы для сельского хозяйства [Электронный ресурс] // Газета.ru : сайт. 2023. 2 нояб. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/11/08/21664921.shtml> (дата обращения: 10.11.2023).

⁴ Отели столкнулись с нехваткой администраторов и горничных [Электронный ресурс] // Российская газета : сайт. 2023. 28 июля. URL: <https://rg.ru/2023/07/28/oteli-stolkulis-s-nehvatkoj-administratorov-i-gornichnyh.html> (дата обращения: 10.11.2023).

Количественные параметры рабочей силы определяются ходом демографических процессов (естественным и механическим движением населения), а также решениями государства в части изменения границ трудоспособного возраста; качественные закладываются в процессе обучения. Поэтому необходимо знать основные тенденции демографического развития, что позволит спрогнозировать социально-экономическое развитие страны и определить трудовые резервы, так необходимые для современной российской экономики.

Цель исследования – проследить влияние на трудовой потенциал российской экономики изменений в численности и составе населения, произошедших за период между двумя последними всероссийскими переписями, и определить основные пути его укрепления.

Обзор литературы. Ученые подчеркивают, что цифровизация влияет не только на процессы, связанные с накоплением, хранением, обработкой, передачей или приемом информации, но и на содержание и производственных, и управленческих процессов [1; 2], с чем сложно не согласиться, поскольку использование информационных коммуникационных технологий способствует более быстрому распространению знаний, а значит, внедрению в производство новых технологий. Другие исследователи размышляют о том, как в условиях цифровизации меняется не только производственный процесс, но и сектор услуг [3; 4]. Наиболее наглядно это проявилось в сфере государственных, финансовых, образовательных услуг (например, в результате внедрения цифровых технологий резко сократилось число отделений банков, а следовательно, и численность сотрудников).

Ученые описывают, как цифровые технологии влияют на ситуацию в экономически слабо развитых странах, в которых работников, способных использовать современные технологии в производстве и управлении, пока остро не хватает [4–7]. Внедрение цифровых технологий изменяет характер и содержание труда и рабочих, и административно-управленческого персонала, и высшего руководства компаний, что способствует снижению потребности в использовании живого труда [8–15]. И это особенно важно для современного этапа развития российской экономики, для которого характерно наличие жестких ограничений, связанных с нехваткой рабочей силы. Именно этот фактор финансовый регулятор страны называет одним из главных сдерживающих развитие российской экономики⁵.

Еще несколько лет назад усилия отечественных ученых и органов государственной власти России были направлены на сокращение безработицы, ученые выражали озабоченность ухудшением ситуации на отечественном рынке труда [16–19]. Численность работников в сельском хозяйстве сокращается темпами, опережающими другие отрасли российской экономики, и прирост производства сельскохозяйственной продукции обеспечен за счет роста производительности труда на основе внедрения новой техники и технологий⁶ [20; 21].

⁵ Набиуллина назвала главные ограничения для развития экономики России [Электронный ресурс] // Коммерсантъ : сайт. 2024. 3 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6806487> (дата обращения: 07.07.2024).

⁶ Akmarov P. B., Knyazeva O. P., Tretyakova E. S. Assessing the Potential of the Digital Economy in Agriculture // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vladivostok, 2021. Article no. 042036.

Специалисты отмечают, что под воздействием демографических волн страна вступила в долговременный период снижения численности трудовых ресурсов, и при этом прогнозируют уменьшение притока иностранной рабочей силы [22]. Многочисленные исследования свидетельствуют о нарастании дефицита трудовых ресурсов и усилении конкуренции между регионами за рабочую силу [23; 24]. О трудностях с обеспечением региональной экономики необходимой рабочей силой по причине изменения репродуктивных установок и оттока населения заговорили даже в традиционно трудоизбыточных республиках Северного Кавказа [25]. Некоторые исследования зафиксировали даже превышение предложений по уровню оплаты труда над зарплатными ожиданиями самих соискателей рабочих мест [26].

Все чаще стали публиковаться результаты исследований, целью которых является оценка трудовых резервов, которые могли бы быть вовлечены в экономику страны (регионов) [22; 27; 28]. В поисках резервов трудовых ресурсов исследователи занялись изучением трудового потенциала пожилых людей [29].

Обзор научных работ по поднятой проблеме позволяет сделать вывод о том, что вектор исследований национального рынка труда сменился в сторону оценки резервов рабочей силы и способов их вовлечения в общественное производство. Однако решение пока не найдено, поэтому исследование этой проблемы продолжает оставаться актуальным.

Материалы и методы. В качестве материалов были использованы данные Федеральной службы государственной статистики России, публикации периодической научной печати, данные интернет-источников.

В ходе исследования возникла проблема, связанная с точностью данных, полученных в результате Всероссийской переписи населения 2020 г. В частности, более 18,0 % населения страны проигнорировали вопрос об источнике средств существования, что может говорить об их теневой занятости. По вопросам анкеты, ответы на которые раскрывают информацию о численном составе и качестве трудового потенциала страны, также отсутствует значительная часть данных, что может привести к ошибкам при интерпретации результатов переписи: около 17,0 % опрошенных из числа постоянного населения Российской Федерации соответствующего возраста, находившихся на территории страны, не захотели ответить на вопрос об уровне их образования; 16,5 % – не указали статус участия в составе рабочей силы⁷.

Кроме того, были выявлены значительные расхождения в значениях показателей, полученных разными способами. В частности, по данным текущего учета, в конце 2021 г. (дата Всероссийской переписи – 1 октября 2021 г.), численность населения России составляла 145 557 тыс. чел., в ходе переписи было учтено 147 590 600 чел., в том числе 147 182 123 чел. – постоянное население Российской Федерации, находившееся на территории страны⁸. Недоверие к данным, полученным в ходе Всероссийской переписи 2020 г., выражают и другие исследователи [30].

⁷ Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.10.2023).

⁸ Там же.

Поскольку различия в показателях весьма существенны, анализ, основанный на материалах всероссийских переписей, дополнен данными текущего учета, прогнозных расчетов Росстата, а также результатами исследований, проведенных авторитетными учеными.

Количественные параметры трудового потенциала оценивались показателями численности населения в трудоспособном возрасте, занятого в экономике, безработных граждан, потенциальной рабочей силы. Изменение качества трудового потенциала исследовалось изменениями в образовательной структуре занятого населения, занятых, безработных, потенциальной рабочей силы. Количественное несоответствие потребности рынка труда и системы подготовки кадров охарактеризовано опережающим ростом удельного веса лиц с профессиональным образованием в составе безработных граждан и потенциальной рабочей силы по сравнению с изменениями в структуре занятого населения. Качественное несоответствие отечественной системы подготовки кадров и потребности национального рынка труда обосновано удельным весом выпускников, трудоустроившихся не по полученной профессии (специальности).

Результаты исследования. Численность населения Российской Федерации за период между переписями увеличилась на 3 %: горожан стало больше на 4,5 %, сельских жителей – меньше на 1,2 %. Прирост населения обеспечен, главным образом, за счет двух новых субъектов: Республики Крым (1 934 630 чел.) и г. Севастополя (547 820 чел.) – это 2 482 450 чел. из 4 325 587 чел. прироста (или 57,39 %). Другой фактор увеличения численности населения России в 2010–2021 гг. – международная миграция. Естественный прирост в рассматриваемый период фиксировался только в 2013 и 2015 гг. и был незначительным – суммарно за 2 года 56 тыс. чел.⁹

Численность населения страны на дату переписи (01.10.2021 г.) Росстат оценил в 147 182 123 чел., что существенно отличается от данных текущего учета, согласно которым в конце 2021 г. этот показатель был на 1 625 тыс. чел. меньше (145 557 тыс. чел.)¹⁰.

Сильно изменилась возрастная структура населения. Численность детей и подростков возросла на 6,85 %, удельный вес этой категории тоже немного увеличился. Несмотря на то, что верхняя граница трудоспособного возраста была повышена, численность населения старше трудоспособного возраста значительно увеличилась (более чем на 15 %), удельный вес этой категории стал больше на 2,66 п. п. Это стало возможно вследствие повышения продолжительности жизни населения в России с 68,94 года в 2010 г. до 70,06 года в 2021 г.¹¹ и привело к уменьшению структурной доли населения в трудоспособном возрасте (с 62 до 58 %) и росту демографической нагрузки на трудоспособное население.

Что касается численности занятых в экономике, то согласно текущему учету, она увеличилась на 2,55 %, а по данным переписей населения –

⁹ Демографический ежегодник России. 2021 : Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1.2.

¹⁰ Приложение 1. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.568>

¹¹ Российский статистический ежегодник : Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 90.

уменьшилась на 7,57 % (табл. 1). В любом случае наблюдается значительный рост демографической нагрузки на занятое население, а значит, обеспечение достойного уровня жизни населения, включая нетрудоспособных граждан, возможно только на основе роста производительности труда. А это предъявляет особые требования к качеству трудового потенциала.

Т а б л и ц а 1. Распределение населения по статусу участия в рабочей силе в 2010–2021 гг., тыс. чел.¹²

T a b l e 1. Distribution of the population by labor force participation status in 2010–2021, thousands people

Показатель / Indicator	Население* / Population					
	Всего / Total	Рабочая сила / Labor force	Занятые / Employed	Безработные / Unemployed	Лица, не входящие в состав рабочей силы / Persons not included in labor force	Потенциальная рабочая сила / Potential labor force
2010						
текущий учет / current accounting	111 533	75 478	69 934	5 544	36 055	1 731
перепись / census	104 036	72 058	65 752	6 306	31 978**	
2011	110 916	75 779	70 857	4 922	35 137	1 580
2012	110 222	75 676	71 545	4 131	34 546	1 401
2013	110 222	75 529	71 391	4 137	34 693	1 349
2014	109 505	75 428	71 539	3 889	34 076	1 338
2015	110 775	76 588	72 324	4 264	34 187	1 343
2016	110 226	76 636	72 393	4 243	33 590	1 203
2017	121 561	76 285	72 316	3 969	45 276	1 127
2018	121 256	76 190	72 532	3 658	45 066	1 100
2019	121 063	75 398	71 933	3 465	45 665	1 573
2020	120 838	74 923	70 601	4 321	45 916	1 659
2021						
текущий учет / current accounting	120 812	75 350	71 719	3 631	45 462	1 234
перепись / census	122 941	61 491	60 777	714	41 225	860

* До 2017 г. население в возрасте 15–72 лет, с 2017 г. – в возрасте 15 лет и старше / Population aged 15–72 before 2017, aged 15 and over from 2017.

** Экономически неактивное население / Economically inactive population.

¹² Таблица составлена по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) : Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 11.

Особенно сильно расходятся оценки численности безработных и потенциальной рабочей силы: согласно итогам переписи 2020 г., безработных в стране в 5 раз меньше, а потенциальной рабочей силы в 1,4 раза меньше значений показателей, определенных Росстатом путем текущего учета. Такие расхождения сильно затрудняют анализ трудового потенциала, особенно изучение возможности расширения занятости, что может потребоваться в сложившихся геополитических условиях.

В составе взрослого населения удельный вес кадров высшей квалификации увеличился в 2 раза, но в составе занятого населения структурная доля этой категории увеличилась в меньшей степени. Обращаем внимание на то, что наибольшее увеличение удельного веса кадров высшей квалификации отмечается в составе экономически неактивного населения, а также безработных граждан (табл. 2). Возможно, это связано со снижением качества подготовки специалистов высшей категории, что отмечают эксперты, указывая на то, что численность аспирантов, защитивших диссертацию в 2015–2019 гг., снизилась на 65 % [31].

При увеличении удельного веса занятых с высшим образованием на 9 % доля этой образовательной группы в составе безработных граждан стала больше почти в 1,5 раза, а среди экономически неактивного населения – не менее чем на 13 %. Более быстрый рост удельного веса кадров высшей квалификации и граждан с высшим образованием в составе безработных и экономически неактивного населения в сравнении с увеличением их доли в структуре занятого населения говорит о том, что российская экономика не готова их принять в таком количестве, которое обеспечивает отечественная система высшего и послевузовского образования.

Изменения удельного веса граждан, имеющих среднее профессиональное образование, в составе занятых и безработных не сильно отличаются от изменения структурной доли этой образовательной категории в составе населения 15 лет и старше, что говорит о количественном соответствии отечественной системы среднего профессионального образования запросам рынка труда.

Об архаичности российской экономики свидетельствует тот факт, что снижение удельного веса работников с общим образованием в составе занятых не сильно опережает сдвиги в структуре населения по уровню образования. Об этом же говорит стабильный спрос на рабочую силу без образования – структурная доля этой группы в составе занятого населения уменьшилась на 20,0 %, в то время как в составе населения удельный вес граждан, не имеющих образования, снизился почти на 34,5 % (табл. 3).

Конечно, положительные сдвиги в структуре занятых по уровню образования в 2010–2021 гг. произошли. Однако в ситуации, когда наблюдается более значимое улучшение в общей структуре населения, а тем более в составе безработных граждан и лиц, не входящих в состав рабочей силы, есть все основания говорить о том, что изменения, происходящие в структуре спроса на рабочую силу по уровню образования отстают от изменений со стороны предложения этого специфического товара.

Т а б л и ц а 2. Структура населения Российской Федерации, указавшего статус участия в рабочей силе, занятого населения, безработных граждан, потенциальной рабочей силы по уровню образования, в процентах от численности указавших образования¹³
 T a b l e 2. Structure of the population of the Russian Federation indicating labor force participation status, employed population, unemployed citizens, and potential labor force by education level, as a percentage of the number of those who indicated education

Образование / Education	Население / Population		Занятые / Employed		Безработные / Unemployed		2010 г.: Экономически неактивное население / 2010: Economically inactive population	2021	
	2010	2021	2010	2021	2010	2021		Не входящие в состав рабочей силы / Persons not included in labour force	Потенциальная рабочая сила / Potential labour force
Профессиональное образование / Professional education:									
кадры высшей квалификации / highly qualified personnel	0,65	1,36	0,86	1,60	0,39	0,84	0,25	1,01	1,12
высшее / higher professional	24,25	25,77	30,82	33,72	14,53	21,60	12,67	14,31	22,61
неполное высшее (незаконченное высшее) / incomplete higher education (incomplete higher education)	4,88	2,37	4,20	3,00	6,53	2,43	5,95	1,46	2,36
среднее профессиональное / secondary vocational	38,64	39,71	42,77	42,22	36,11	33,72	30,64	36,19	32,59
Общее образование / General education	31,30	30,60	21,30	19,41	42,27	41,27	49,69	46,62	41,13
Не имеют образования / Not educated	0,29	0,19	0,05	0,04	0,17	0,14	0,81	0,41	0,18

¹³ Таблица рассчитана по: Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 20.09.2023).

Т а б л и ц а 3. Изменение структуры населения Российской Федерации, указавшего статус участия в рабочей силе (экономическую активность – 2010), занятого населения, безработных граждан, потенциальной рабочей силы по уровню образования, в процентах от численности указавших образование, 2021 г. в процентах к 2010 г.¹⁴

Table 3. Change in the structure of the population of the Russian Federation indicating the labor force participation status (economic activity – 2010), employed population, unemployed citizens, potential labor force by education level, as a percentage of the number of those who indicated education, 2021 as a percentage of 2010

Образование / Education	Население / Population	Занятые / Employed	Безработные / Unemployed	Не входящие в состав рабочей силы* / Persons not included in labor force
Профессиональное образование / Vocational education:				
кадры высшей квалификации / higher education personnel	209,23	186,05	215,38	404,00
высшее / higher vocational education	106,27	109,41	148,66	112,94
неполное высшее (незаконченное высшее) / incomplete higher education	48,57	71,43	37,21	24,54
среднее профессиональное / secondary vocational education	102,77	98,71	93,38	118,11
Общее образование / General education	97,76	91,13	97,63	93,82
Не имеют образования / Not educated	65,52	80,00	82,35	50,62

* К этой категории относятся граждане, не входящие в состав занятых (включая самозанятых граждан) и безработных / This category includes citizens who are not part of the employed (including self-employed citizens) and the unemployed.

Итак, выявленное за период 2010–2012 гг. сильное увеличение удельного веса кадров высшей квалификации и граждан с высшим образованием в составе безработных и экономически неактивного населения вместе со стабильно высокой долей в составе занятого населения лиц с общим образованием говорит о воспроизводстве прежней структуры экономики. Современных рабочих мест по-прежнему мало, что подтверждают и данные о динамике производительности труда – за 12 лет производительность труда в России увеличилась на 23,3 %¹⁵.

Главным фактором роста производительности труда, как известно, выступает научно-технический прогресс – модернизация производства путем внедрения нового оборудования и технологий. (Достаточно вспомнить высокие темпы роста в период индустриализации.) Судя по динамике производительности труда

¹⁴ Таблица рассчитана по: Всероссийская перепись населения 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 20.09.2023).

¹⁵ Российский статистический ежегодник : Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 110; 2019. С. 124; 2022. С. 123.

в российской экономике, пока этот фактор работает слабо. Это дает основание говорить о существовании угрозы примитивизации рынка труда в России, проявляющейся в хронической нехватке низкоквалифицированной рабочей силы, что подтверждается огромным дефицитом рабочих рук в строительстве, сельском хозяйстве, гостиничном бизнесе и других отраслях. О том, что современных рабочих мест в российской экономике немного, говорит и очень большой износ основных фондов с тенденцией к росту. Так, в добывающих отраслях промышленности коэффициент износа увеличился с 51 % в 2010 г. до 61 % в 2021 г., в обрабатывающей промышленности – с 46 до 52 %, в строительстве – с 48,0 до 50,5 %¹⁶. Причем без учета сегмента малого предпринимательства, где показатели износа значительно выше. В наибольшей степени физически устарели машины и оборудование – 63,4 % (с тенденцией к росту). Очень высок удельный вес полностью изношенного оборудования: от 18,5 % в сельском хозяйстве до 53,0 % в торговле; и ситуация с годами ухудшается¹⁷.

Износ используемого оборудования заметно выше общего коэффициента износа основных фондов. Так, по данным Росстата, машины и оборудование в обрабатывающей промышленности изношены на 62 %, более четверти активной части основных средств этой отрасли изношены полностью. Далеко не все молодые люди, закончив обучение, готовы выйти на работу в таких условиях. Возможно, что и использовать настолько старое оборудование их даже не учили, поскольку государством ежегодно выделяются большие средства на оснащение профессиональных учебных заведений страны. А сфера информатизации и связи – деятельность, которую принято считать проводником инноваций и где особенно нужны молодые работники, по степени износа уступает только торговле (коэффициент износа оборудования – 68 %, полностью изношены 32 % машин и оборудования отрасли).

Из-за использования сильно изношенных оборудования и техники и устаревших технологий условия труда на многих предприятиях оцениваются как неблагоприятные (вредные и/или опасные). Удельный вес численности работников, занятых во вредных и опасных условиях труда остается очень высоким, и в 2021 г. (в сравнении с 2010 г.) показатели во всех отраслях только увеличились¹⁸.

Поскольку выявленные изменения, произошедшие в 2010–2021 гг., в структурах образования всего населения и занятого населения в части удельного веса граждан, имеющих среднее профессиональное образование, довольно близки, можно говорить о том, что по количественным параметрам рабочая сила, подготовленная национальной системой среднего профессионального образования, в целом отвечает запросам рынка труда, что нельзя сказать про систему высшей школы и послевузовского образования, которая находится в очевидном количественном дисбалансе с запросами рынка труда. Об избытке кадров высшей квалификации и лиц с высшим образованием говорит резкий рост этих категорий в составе безработных граждан и экономически неактивного населения – в 2010–2021 гг. удельный вес занятых в российской экономике граждан,

¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2022. С. 311, 313.

¹⁷ Приложение 2. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.568>

¹⁸ Приложение 3. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.568>

имевших высшее образование, увеличился менее чем на 10 %, в то время как структурная доля этой категории среди безработных граждан возросла почти в 1,5 раза (см. табл. 3).

О качественном несоответствии отечественной системы подготовки кадров потребностям рынка труда говорят данные о трудоустройстве выпускников профессиональных учебных заведений (табл. 4). Очевидно, что большинство людей при выборе будущей профессии надеются, что будут работать именно в выбранной сфере. Однако многим выпускникам профессиональных учебных заведений приходится искать себе другое применение. Следовательно, молодежь не устраивают условия труда и его оплаты на предприятиях, или организациям не нужны такие кадры в таком количестве. Конечно, ситуация со временем немного улучшилась, но удельный вес выпускников, работающих не по полученной специальности, остается очень высоким.

Таблица 4. Распределение выпускников, окончивших образовательные организации, по связи работы с полученной профессией (специальностью), в %¹⁹

Table 4. Distribution of graduates, who graduated from educational organizations, by the connection of work with the obtained profession (specialty), %

Образование / Education	Связана / Related		Не связана / Not related	
	2019*	2021	2019	2021
Высшее образование / Higher professional	69,0	73,6	31,0	26,4
Среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена / Secondary vocational education under the program of training of middle-level specialists	57,2	58,6	42,8	41,4
Среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих) / Secondary vocational training programs for skilled workers (employees)	50,1	54,0	49,9	46,0

* 2019 г. – выпуск 2016–2018 гг., 2021 г. – выпуск 2018–2020 гг. / 2019 – 2016–2018 graduating class, 2021 – 2018–2020 graduating class.

Недостаточно высокое качество образования выпускников российских вузов подтверждают результаты научных исследований. Так, Е. А. Черных недостаток образования в категории кадров высокой квалификации оценен в 14,6 % [27, с. 60]. Это означает, что система подготовки таких кадров не обеспечивает формирование необходимых компетенций. О значительном несоответствии качества подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих свидетельствует большой удельный вес выпускников учебных заведений этого уровня системы образования страны, работающих не по полученной профессии (специальности) – 41 и 46 % соответственно. Однако это несоответствие носит обратный характер – результаты исследования Е. А. Черных показали, что специалисты среднего уровня квалификации имеют избыточный уровень образования – оценен в 22,6 %, служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием – 29,3, работники сферы обслуживания и торговли, охраны

¹⁹ Таблица составлена по: Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2020 : Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 86–87; 2022. С. 85–87.

граждан и собственности – 14,4, квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства – 24,3, квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий – 31,5, операторы производственных установок и машин, сборщики и водители – 28,9 % [27, с. 60]. Вредные и опасные условия труда на многих предприятиях побуждают молодых людей искать сферу приложения своих знаний и умений в других видах деятельности²⁰.

Таким образом, согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., численность рабочей силы уменьшилась на 14,7 %: занятых – на 7,6 %, безработных – в 8,8 раза. Демографическая нагрузка на население в трудоспособном возрасте возросла на 14,5 %. При необходимости расширение занятости возможно за счет безработных граждан и потенциальной рабочей силы²¹. По данным текущего учета Росстата, суммарно численность этих категорий в 2021 г. составляла 4 865 тыс. чел. (безработные – 3 631 тыс. чел., потенциальная рабочая сила – 1 234 тыс. чел. (см. табл. 1)); по данным переписи 2020 г. – 1 574 тыс. чел. (безработные – 714 тыс. чел., потенциальная рабочая сила – 860 тыс. чел. (см. табл. 1)), почти 60 % из которых имеют профессиональное образование. Высшее, неполное высшее, а также послевузовское образование имеют 25 % безработных и 26 % от численности потенциальной рабочей силы.

Согласно данным текущего учета Росстата, численность потенциальной рабочей силы в 2010 г. составляла 1 731 тыс. чел., в 2020 г. – 1 659 тыс. чел., в 2021 г. – 1 234 тыс. чел. Однако данные, полученные в ходе переписи населения 2020 г., очень сильно от них отличаются – численность потенциальной рабочей силы составила 860 тыс. чел., т. е. в 1,4 раза меньше оценок на основе текущего учета. Из них 560 тыс. чел. отметили, что не готовы приступить к работе. Из 300 849 чел., сообщивших о готовности приступить к работе, 115 952 чел. старше трудоспособного возраста, абсолютное большинство из них в силу возрастных особенностей человеческого организма не могут работать длительное время, не смогут пройти сложное обучение и освоить новые компетенции, а также переехать на работу в другой регион, что нередко требуется в современных условиях. Фактором, сдерживающим участие пенсионеров в общественном производстве, является отсутствие индексации пенсий для этой категории.

Кроме того, из числа граждан, выразивших готовность приступить к работе, 15 367 сообщили, что причиной незанятости является состояние их здоровья. Наверно, надеяться на привлечение этой категории к активной трудовой деятельности также не стоит.

Таким образом, потенциальная рабочая сила, готовая пополнить ряды рабочей силы, сократилась до 166 тыс. чел. Даже если допустить, что все они будут

²⁰ Молодые специалисты хотят работать в сфере развлечений [Электронный ресурс] // Директор : сайт. 2019. 11 окт. URL: <https://www.hr-director.ru/news/67488-qqn-19-m10-molodye-spetsialisty-hotyat-rabotat-v-sfere-razvlecheniy> (дата обращения: 10.10.2023).

²¹ В эту категорию включены незанятые лица, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе. До 2017 г. возрастные границы рабочей силы и потенциальной рабочей силы были установлены интервалом 15–72 лет, с 2017 г. при определении потенциальной рабочей силы учитывается население в возрасте 15 лет и старше.

вовлечены в экономику, не получится даже численно заместить граждан, призванных в рамках частичной мобилизации, не говоря уже о профессионально-квалификационном соответствии длительное время не работавших граждан.

Кроме того, тот факт, что более 1/4 численности безработных и потенциальной рабочей силы имеют высшее и послевузовское образование, дает основания предположить, что одной из причин безработицы и экономической неактивности является несоответствие имеющихся вакансий компетенциям и запросам обладателей высшего профессионального образования. Ведь высшее образование, а тем более ученые степени, граждане получают не для того, чтобы сидеть дома. Надежды на то, что в скором времени ситуация улучшится, нет – износ основных фондов в российской экономике нарастает почти во всех отраслях, более 20 % из них изношены полностью. Современными такие рабочие места назвать нельзя.

Обсуждение и заключение. Произошедшие за 2010–2021 гг. изменения в развитии народонаселения Российской Федерации характеризуются небольшим увеличением численности населения страны, дальнейшей урбанизацией, увеличением продолжительности жизни россиян. Всероссийская перепись населения 2020 г. зафиксировала сокращение численности рабочей силы, рост демографической нагрузки на работающее население. Это выдвигает особые требования к качеству трудового потенциала, которое во многом определяется образованием.

В ходе исследования установлено, что за период между двумя последними переписями произошло повышение уровня образования населения, улучшилась образовательная структура занятого населения. Однако положительные изменения в структуре спроса на рабочую силу заметно отстают от повышения качества трудового потенциала населения, выразившегося в росте уровня образования россиян. Нельзя дать положительную оценку более быстрому росту удельного веса лиц с высшим и послевузовским образованием в составе безработных и экономически неактивных граждан в сравнении с темпами увеличения структурной доли высокообразованных работников в составе занятых. Это говорит о том, что экономика не готова принять высококвалифицированные кадры в том количестве, которое готовит отечественная система высшего и послевузовского образования, и/или о несоответствии структуры и качества подготовки кадров запросам экономической системы.

Главной причиной такого несоответствия, на наш взгляд, следует рассматривать высокую степень износа основных фондов и большое число рабочих мест, работа на которых признана опасной и вредной. В таких условиях многие молодые люди работать не готовы. Подтверждают это предположение данные Росстата о трудоустройстве выпускников профессиональных учебных заведений, которые свидетельствуют о сохранении большой доли молодых специалистов, чья работа не связана с полученной в учебном заведении профессией; в наибольшей степени это характерно для системы среднего профессионального обучения по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих). По оценкам Е. А. Черных, именно в таких работниках российские предприятия нуждаются особенно остро [27, с. 61]. Часто молодые люди не умеют и не хотят работать на устаревшем оборудовании и во вредных

и опасных условиях труда. Для категории квалифицированных рабочих, занятых в промышленности, строительстве, транспорте, а также для рабочих родственных занятий характерен один из самых высоких уровней избыточного образования, оцениваемый Е. А. Черных в 31,5 % [27, с. 60], что также подтверждает сделанный нами вывод об архаичности российской экономики и существовании угрозы примитивизации труда. О какой модернизации и современных рабочих местах может идти речь, если далеко не все российские организации используют в производстве и управлении компьютерную технику и интернет: в 2021 г. компьютерами были оснащены 82 % предприятий, имели доступ в интернет 78 %²².

Низкая инвестиционная активность российских предпринимателей – отдельная большая проблема. Обновление основных фондов идет очень медленно – соответствующий коэффициент в 2020 г. был равен 3,9 %, 2021 г. – 4,0 %, 2022 г. – 4,6 % общей стоимости основных фондов²³. В рамках данного исследования можно только обратить внимание на необходимость выработки действенной государственной политики, направленной на содействие более быстрой модернизации материально-технической базы предприятий, включающей обоснование приоритетных видов экономической деятельности для мер государственной поддержки и разработку инструментов, побуждающих предпринимателей к инвестированию в развитие производств.

Пока же очевидно, что быстро заменить даже только полностью изношенные основные фонды невозможно. Значит, нужно рассматривать все возможные резервы увеличения ресурсов труда, которых уже сегодня не хватает.

Военные потери и изменение границ призывного возраста еще более усугубят проблему нехватки рабочей силы. Ранее большинство отслуживших в армии 20-летних юношей старались совмещать учебу с работой. Сейчас такое вряд ли станет распространенной практикой. Повышение верхней границы призывного возраста также приведет к сокращению численности занятых в экономике мужчин: ранее многие, пройдя обучение на всех уровнях отечественной системы образования, достигали верхней границы призывного возраста – 27 лет. Сейчас такое невозможно.

Резервы в части потенциальной рабочей силы, как показало исследование, невелики. Хотя при быстром росте реальной заработной платы можно ожидать повышения экономической активности данной категории населения. Помочь этому могло бы также введение часовой тарифной ставки, что будет способствовать развитию гибких форм занятости и позволит предприятиям и организациям упростить процедуры использования работников неполный рабочий день (неделю).

Еще один источник – иностранная рабочая сила – может ослабеть из-за обесценивания российского рубля, поскольку при выводе заработанных на российских предприятиях денег иностранные трудовые мигранты конвертируют их в другие валюты. Следует также учитывать различную привлекательность российских регионов для трудовых мигрантов. Так, по состоянию на конец 2021 г.

²² Российский статистический ежегодник. 2022. С. 483.

²³ Там же. С. 321.

около 56 % общей численности иностранных граждан, имевших разрешение на работу в России, трудились в Тюменской области (16,4 %), Краснодарском крае (9,3), Амурской области (7,5), Хабаровском крае (5,9), Московской (5,7) и Омской областях (5,6), Москве (5,1 %) ²⁴. Однако это в основном неквалифицированные работники. Также есть существенные ограничения по использованию иностранной рабочей силы, например, на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Еще один резерв пополнения рабочей силы – пенсионеры. Эту категорию населения, включая и инвалидов, некоторые исследователи рассматривают как «единственный оставшийся актив для поддержания занятости (особенно на низкоквалифицированных позициях)» [29, с. 115]. Согласиться с этим утверждением сложно в первую очередь из-за продолжительности жизни российских мужчин (в 2021 г. она составляла 65,5 года ²⁵), которые едва доживают до пенсии. Поэтому из числа пенсионеров в качестве возможного источника пополнения рабочей силы можно рассматривать только женщин. В этой связи уместно напомнить, что один из вариантов пенсионной реформы, частью которой стало повышение с 2019 г. возраста выхода граждан России на пенсию, предусматривал повышение этого возраста для женщин до 63 лет. Тогда решением президента России В. В. Путина ограничились 60 годами ²⁶.

На 1 января 2022 г. в России в возрасте 60–64 лет числилось 5 943 тыс. женщин ²⁷; в составе занятых в экономике в этом возрасте около 1 637 тыс. чел. (4,7 % от 34 829 тыс. чел, 2021 г. ²⁸). То есть за счет вовлечения в общественное производство этой категории населения российская экономика может получить дополнительно до 4 млн работников. Возможно, вернуть в экономику часть пенсионеров позволит индексация пенсий работающим пенсионерам. Сегодня это является одной из причин отказа от продолжения трудовой деятельности для многих россиян.

Для решения стоящих перед российской экономикой задач следует рассматривать и такой вариант, как повышение возраста выхода на пенсию для женщин. Конечно, это очень болезненное решение, и многое будет зависеть от геополитической ситуации. Необходимо оценить потребности экономики в рабочей силе, и на основе этих расчетов определить, до какого именно уровня необходимо повысить пенсионный возраст женщин.

Другой способ обеспечения экономики рабочей силой – увеличение фонда рабочего времени путем уменьшения числа праздничных дней, продолжительности оплачиваемых отпусков, увеличения продолжительности рабочей недели. Когда речь идет об обеспечении национальной безопасности государства, должны рассматриваться все возможные варианты.

Конечно, это не означает, что предложенные способы нужно немедленно реализовывать. Однако в условиях обострения геополитической ситуации

²⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели : Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 174–175.

²⁵ Российский статистический ежегодник. 2022. С. 90.

²⁶ Путин: женщины должны выходить на пенсию в 60 лет, мужчины – в 65 [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL: <https://clck.ru/3DKrTV> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁷ Российский статистический ежегодник. 2022. С. 94.

²⁸ Там же. С. 126–127.

и ведения боевых действий надо быть готовыми к любому развитию событий. Современному поколению еще памятни уроки Великой Отечественной войны, когда не было ни выходных, ни праздничных дней, люди работали по ночам, чтобы не быть замеченными вражескими системами слежения (например, при строительстве Сурского рубежа), а статус тружеников тыла имеют многие россияне, которым в период войны было по 10–12 лет.

Для обеспечения качественного соответствия запросов рынка труда и рабочей силы необходимы: 1) более динамичное обновление материально-технической базы производства; 2) ускорение перехода отечественной системы высшего образования на программы специалитета.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых и представителей органов государственной власти, занимающихся вопросами демографического развития, стратегического планирования, регионального развития, регулирования миграции, а также специалистов в сфере подготовки кадров. Исследования по изучению трудового потенциала и выявлению резервов его укрепления должны проводиться также на уровне регионов, и особенно в тех субъектах, где зафиксирован отток населения. Конкуренция регионов за рабочую силу может сильно ослабить экономический потенциал таких субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Factors Affecting SME Owners in Adopting ICT in Business using Thematic Analysis / A. Rozmi [et al.] // *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2020. Vol. 11, issue 7. Pp. 208–218. <https://doi.org/10.14569/IJACSA.2020.0110727>
2. Role of Information and Communication Technology (ICT) in Transforming Higher Education in India: A Review / A. K. Malik [et al.] // *Indian Journal of Pure & Applied Biosciences*. 2019. Vol. 7, issue 6. Pp. 176–183. <https://doi.org/10.18782/2582-2845.7821>
3. Leviäkangas P. Digitalisation of Finland's Transport Sector // *Technological in Society*. 2016. Vol. 47. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2016.07.001>
4. Tackling the Digitalization Challenge: How to Benefit from Digitalization in Practice / P. Parviainen [et al.] // *International Journal of Information Systems and Project Management*. 2017. Vol. 5, no. 1. Pp. 63–77. <https://doi.org/10.12821/ijispm050104>
5. Mutula S., Van Brakel P. E-readiness of SMEs in the ICT Sector in Botswana with Respect to Information Access // *The Electronic Library*. 2006. Vol. 24, issue 3. Pp. 402–417. <https://doi.org/10.1108/02640470610671240>
6. Impact of Technology Adoption and Its Utilization on SMEs in Ghana / A. Selase [et al.] // *International Journal of Small and Medium Enterprises*. 2019. Vol. 2, no. 2. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.46281/ijsmes.v2i2.382>
7. Miraz M., Habib M. ICT Adoption in Small and Medium Enterprises: An Empirical Evidence of Service Sectors in Bangladesh // *Journal of Economics, Business and Management*. 2016. Vol. 4, issue 8. Pp. 482–485. <https://doi.org/10.18178/joebm.2016.4.8.439>
8. Bouncken R. B., Kraus S., Roig-Tierno N. Knowledge- and Innovation-Based Business Models for Future Growth: Digitalized Business Models and Portfolio Considerations // *Review of Managerial Science*. 2021. Vol. 15. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1007/s11846-019-00366-z>
9. Horvath D., Szabo R. Z. Driving Forces and Barriers of Industry 4.0: Do Multinational and Small and Medium-Sized Companies Have Equal Opportunities? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. Vol. 146. Pp. 119–132. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.05.021>
10. Affective Need of ICT in Improving Business Performance among Malay Women Entrepreneur / F. I. Omar [et al.] // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2018. Vol. 8, issue 6. Pp. 975–987. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v8-i6/4295>

11. Bleicher J., Stanley H. Digitization as a Catalyst for Business Model Innovation a Three-Step Approach to Facilitating Economic Success // *Journal of Business Management*. 2018. Vol. 4, no. 2. Pp. 62–71. URL: <http://www.theaspd.com/resources/jbm%20vol.%204-2-1.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).
12. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda // *Journal of Strategic Information Systems*. 2019. Vol. 28, issue 2. Pp. 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
13. Bouwman H., Nikou S., de Reuver M. Digitalization, Business Models, and SMEs: How do Business Model Innovation Practices Improve Performance of Digitalizing SMEs? // *Telecommunications Policy*. 2019. Vol. 43, issue 9. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2019.101828>
14. Torok L. Industry 4.0 from a Few Aspects, in Particular in Respect of the Decision Making of the Management. Will the New Industrial Revolution Change the Traditional Management Functions? // *International Review of Applied Sciences and Engineering*. 2020. Vol. 11, issue 2. Pp. 140–146. <https://doi.org/10.1556/1848.2020.20020>
15. Sousa-Zommer T. T., Need A., Martinez V. Digital Transforming Capability and Performance: A Microfoundations Perspective // *International Journal of Operations & Production Management*. 2020. Vol. 40, issue 7/8. Pp. 1095–1128. <https://doi.org/10.1108/IJOPM-06-2019-0444>
16. Ивасенко А. Г., Парамонова Я. С. Безработица и политика занятости в России // *Вестник современных исследований*. 2018. № 6.2 (21). С. 134–137. EDN: XURLCH
17. Наджафова М. Н. Проблема безработицы в условиях экономического кризиса и ее уровень в регионах ЦФО // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 209–211. URL: <https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2018-4.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).
18. Репринцева Е. В., Фурман Е. Н. Управление кадровым потенциалом страны // *Вестник Курской сельскохозяйственной академии*. 2022. № 5. С. 166–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kadrovym-potentsialom-strany> (дата обращения: 10.11.2023).
19. Иванова О. К. Совершенствование механизмов управления кадровым потенциалом // *Менеджер*. 2017. № 3 (81). С. 224–230.
20. Чекалин В. С. Драйверы роста в аграрном секторе экономики России // *Прикладные экономические исследования*. 2017. № S2. С. 86–91. EDN: KWVUQP
21. Чазова И. Ю., Акмаров П. Б., Князева О. П. Экономические и социальные задачи управления трудовым потенциалом в контексте цифровой трансформации // *Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право*. 2023. Т. 33, № 3. С. 468–474. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/7932> (дата обращения: 10.11.2023).
22. Баскакова М. Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // *Социально-трудовые исследования*. 2022. № 3. С. 105–117. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117>
23. Шевякин А. С. Формирование концептуальной схемы воспроизводства трудового потенциала в условиях экономики региона // *Вестник Курской сельскохозяйственной академии*. 2022. № 9. С. 223–229. URL: <https://kursksau.ru/upload/iblock/ff5/eakka9anf9g3sdb33lb6v2rfe57emy.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).
24. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И., Санкова Л. В. Региональная трансформация напряженности на рынке труда: новые векторы // *Лидерство и менеджмент*. 2022. Т. 9, № 1. С. 137–160. <https://doi.org/10.18334/lim.9.1.114287>
25. Социальные и демографические проблемы формирования трудового потенциала Северного Кавказа / Ш. М. Гимбатов [и др.] // *Народонаселение*. 2023. Т. 26, № 1. С. 135–146. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.11>
26. Свинарев Н. Н., Симонова М. В. Региональная специфика трудового потенциала на специализированном рынке труда // *Human Progress*. 2023. Т. 9, вып. 2. Ст. 11. URL: http://progress-human.com/images/2023/Tom9_2/Svinarev.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
27. Черных Е. А. Недоиспользование рабочей силы: методологические подходы к измерению и статистический анализ // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. Т. 15, № 2 (212). С. 52–62. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10064>
28. Котова Н. Н., Черепанова А. Е. Проблема занятости на рынке труда // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент*. 2019. Т. 13, № 2. С. 54–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zanyatosti-na-rynke-truda> (дата обращения: 10.11.2023).

29. Рязанцев С. В., Ниорадзе Г. В. Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 107–119. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2022.18.1.9>
30. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 1. С. 64–79. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.004>
31. Власова О. В. Об эффективности развития аспирантуры на фоне реформ в системе образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 60–63. <https://doi.org/10.26140/bgjz-2021-1002-0014>

REFERENCES

1. Rozmi A., Nohuddin P.N.E., Abdul Hadi A.R., Bakar M.I.A., Nordin I. Factors Affecting SME Owners in Adopting ICT in Business using Thematic Analysis. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2020;11(7):208–218. <https://doi.org/10.14569/IJACSA.2020.0110727>
2. Malik A.K., Yadav K., Singh S., Kumar A. Role of Information and Communication Technology (ICT) in Transforming Higher Education in India: A Review. *Indian Journal of Pure & Applied Biosciences*. 2019;7(6):176–183. <https://doi.org/10.18782/2582-2845.7821>
3. Leviäkangas P. Digitalisation of Finland's Transport Sector. *Technological in Society*. 2016;47. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2016.07.001>
4. Parviainen P., Tihinen M., Kääriäinen J., Teppola S. Tackling the Digitalization Challenge: How to Benefit from Digitalization in Practice. *International Journal of Information Systems and Project Management*. 2017;5(1):63–77. <https://doi.org/10.12821/ijispm050104>
5. Mutula S., Van Brakel P. E-readiness of SMEs in the ICT Sector in Botswana with Respect to Information Access. *The Electronic Library*. 2006;24(3):402–417. <https://doi.org/10.1108/02640470610671240>
6. Selase A.M., Selase A.E., Ayishetu A.-R., Comfort A.D., Stanley A., Ebenezer G.-A. Impact of Technology Adoption and Its Utilization on SMEs in Ghana. *International Journal of Small and Medium Enterprises*. 2019;2(2):1–13. <https://doi.org/10.46281/ijsmes.v2i2.382>
7. Miraz M., Habib M. ICT Adoption in Small and Medium Enterprises: An Empirical Evidence of Service Sectors in Bangladesh. *Journal of Economics, Business and Management*. 2016;4(8):482–485. <https://doi.org/10.18178/joebm.2016.4.8.439>
8. Bouncken R.B., Kraus S., Roig-Tierno N. Knowledge- and Innovation-Based Business Models for Future Growth: Digitalized Business Models and Portfolio Considerations. *Review of Managerial Science*. 2021;15:1–14. <https://doi.org/10.1007/s11846-019-00366-z>
9. Horvath D., Szabo R.Z. Driving Forces and Barriers of Industry 4.0: Do Multinational and Small and Medium-Sized Companies Have Equal Opportunities? *Technological Forecasting and Social Change*. 2019;146:119–132. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.05.021>
10. Omar F.I., Othman N.A., Salleh M.A.M., Abdullah N.H. Affective Need of ICT in Improving Business Performance among Malay Women Entrepreneur. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2018;8(6):975–987. <https://doi.org/10.6007/IJARBS/v8-i6/4295>
11. Bleicher J., Stanley H. Digitization as a Catalyst for Business Model Innovation a Three-Step Approach to Facilitating Economic Success. *Journal of Business Management*. 2018;4(2):62–71. Available at: <http://www.theaspd.com/resources/jbm%20vol.%204-2-1.pdf> (accessed 10.11.2023).
12. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. *Journal of Strategic Information Systems*. 2019;28(2):118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
13. Bouwman H., Nikou S., de Reuver M. Digitalization, Business Models, and SMEs: How do Business Model Innovation Practices Improve Performance of Digitalizing SMEs? *Telecommunications Policy*. 2019;43(9). <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2019.101828>
14. Torok L. Industry 4.0 from a Few Aspects, in Particular in Respect of the Decision Making of the Management. Will the New Industrial Revolution Change the Traditional Management Functions? *International Review of Applied Sciences and Engineering*. 2020;11(2):140–146. <https://doi.org/10.1556/1848.2020.20020>

15. Sousa-Zommer T.T., Need A., Martinez V. Digital Transforming Capability and Performance: A Microfoundations Perspective. *International Journal of Operations & Production Management*. 2020;40(7/8):1095–1128. <https://doi.org/10.1108/IJOPM-06-2019-0444>
16. Ivasenko A.G., Paramonova Ya.S. [Unemployment and Employment Policy in Russia]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 2018;(6.2):134–137. (In Russ.) EDN: [XURLCH](https://elibrary.ru/XURLCH)
17. Najafova M.N. The Problem of Unemployment in the Economic Crisis and its Level the Regions of the Central Federal District. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018;7(4):209–211. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://landraileiu.ru/wp-content/uploads/2023/04/ANI-EU-2018-4.pdf> (accessed 10.11.2023).
18. Reprintseva E.V., Furman E.N. Management of the Country's Human Resource Potential. *Vestnik Kurskoi selskokhozyaystvennoy akademii*. 2022;(5):166–172. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kadrovym-potentsialom-strany> (accessed 10.11.2023).
19. Ivanova O.K. [Improvement of Human Resources Management Mechanisms]. *Menedzher*. 2017;(3):224–230. (In Russ.)
20. Chekalin V.S. [Drivers of Growth in the Agricultural Sector of the Russian Economy]. *Applied Economic Research*. 2017;(S2):86–91. (In Russ.) EDN: [KWVUQP](https://elibrary.ru/KWVUQP)
21. Chazova I.Yu., Akmarov P.B., Knyazeva O.P. Economic and Social Objectives of Labor Potential Management in the Context of Digital Transformation. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2023;33(3):468–474. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/7932> (accessed 10.11.2023).
22. Baskakova M.E. The Potential Labor Force of Modern Russia: The Socio-Demographic Profile and Level of Education. *Social and Labor Research*. 2022;(3):105–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117>
23. Shevyakin A.S. Approaches to the Formation of a Conceptual Scheme for the Reproduction of Labor Potential in the Conditions of the Regional Economy. *Vestnik Kurskoy selskokhozyaystvennoy akademii*. 2022;(9):223–229. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://kursksau.ru/upload/iblock/ff5/eakka9anf9g3sdb33lb6v2rfe57temy.pdf> (accessed 10.11.2023).
24. Zabelina O.V., Mirzabalaeva F.I., Sankova L.V. Regional Transformation of the Labour Market Tension: New Vectors. *Leadership and Management*. 2022;9(1):137–160. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/lim.9.1.114287>
25. Gimbatov Sh.M., Kutaev Sh.K., Khadzhalova Kh.M., Abdulaeva Z.Z., Abdulmanapov P.G. Social and Demographic Problems of Labor Potential Formation in the North Caucasus. *Population*. 2023;26(1):135–146. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.11>
26. Svinarev N.N., Simonova M.V. Regional Specifics of Labor Potential in the Specialized Labor Market. *Human Progress*. 2023;9(2):11. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://progress-human.com/images/2023/Tom9_2/Svinarev.pdf (accessed 10.11.2023).
27. Chernykh E.A. Underutilization of Labour Force: Methodological Approaches to Measurement and Statistical Analysis. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;15(2):52–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10064>
28. Kotova N.N., Cherepanova A.E. Problem of Labor Market Employment. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment*. 2019;13(2):54–62. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zanyatosti-na-rynke-truda> (accessed 10.11.2023).
29. Ryazantsev S.V., Nioradze G.V. The Labour Potential of Older Generation: Interregional Analysis. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):107–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.9>
30. Fauser V.V., Smirnov A.V., Fauser G.N. Demographic Trends and Transformation of Population Distribution in the North of Russia: Insights from the 2021 Census. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2023;(1):64–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.004>
31. Vlasova O.V. The Effectiveness of Postgraduate Education Development against the Background of Reforms in the Education System. *Baltic Humanitarian Journal*. 2021;10(2):60–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1002-0014>

Об авторах:

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр-т, д. 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр-т, д. 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

Л. Н. Липатова – инициация исследования; сбор и обработка статистических данных; подготовка начального варианта статьи.

В. Н. Градусова – подготовка обзора литературы по изучаемым проблемам; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 19.11.2023; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 29.04.2024.

About the authors:

Lyudmila N. Lipatova, Dr.Sci. (Sociol.), Cand.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Ave., Vasilyevsky Island, St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Chair of Management, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Ave., Vasilyevsky Island, St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Contribution of the authors:

L. N. Lipatova – research initiation; collection and processing of statistical data; preparation of the initial version of the article.

V. N. Gradusova – literature review on the studied problems; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 19.11.2023; revised 16.04.2024; accepted 29.04.2024.

Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области)

М. В. Певная¹Е. А. Шуклина¹Т. С. Киенко² ✉

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)

² Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

✉ tskienko@srfedu.ru

Аннотация

Введение. Качество жизни людей «серебряного» возраста связано не только с психологическим, экономическим и физическим благополучием, но и с особенностями межличностных отношений, разнообразием их социальной активности. Получающая повсеместное распространение идеология активного или «отложенного старения» актуализирует изучение природы включенности пожилых граждан в различные практики социального участия, наполняющие их повседневную жизнь. Цель исследования – раскрыть уровневые характеристики социального участия граждан «серебряного» возраста Свердловской области и факторы, их обуславливающие.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные опроса жителей Свердловской области старше 60 лет. Выборка структурирована по полу, возрасту и месту проживания респондентов (тип поселения). Использована авторская методика опроса, направленная на выявление видов и частоты, уровней и типов социального участия пожилых уральцев, определение факторов, способствующих или препятствующих активности в старшем возрасте.

Результаты исследования. Исследование показало, что социально-потребительское участие, характеризующееся деятельностью «для себя», и коллективное, направленное на социальную инклюзивность «вместе с другими» составляют основное содержание социального участия анализируемой когорты. Включенность пожилых в практики, направленные на помощь и заботу («для других»), заметно ниже, а радикальное снижение активности пожилых уральцев выявлено при переходе к «гражданскому участию». Доказано, что интенсивность социального участия граждан «серебряного» возраста в городах выше, чем в сельской местности. Исключением является только включенность в практики гражданской активности. Такое же влияние оказывает на интенсивность разных практик социального участия всех уровней статус проживания, наличие ближайших родственников и частота использования интернета.

Обсуждение и заключение. Выявление уровней и факторов социального участия пожилых граждан формирует доказательную информационную базу о процессах активного старения в одном, но достаточно типичном российском регионе. Результаты исследования доказывают

актуальность фокусировки региональной социальной политики старения и некоммерческого сектора на активизацию социального участия людей и групп «серебряного» возраста. Статья может представлять интерес для региональной власти, учреждений социальной защиты и обслуживания, регионального некоммерческого сектора, предлагая инструменты разработки и реализации эффективной социальной политики старения, направленной на поддержку социального участия старшего поколения.

Ключевые слова: социальное участие, уровни социального участия, инклюзивный подход, социальная общность, граждане старшего (пожилого, «серебряного») возраста, Свердловская область

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С. Уровни социального участия граждан «серебряного» возраста и факторы его активизации в российском регионе (по материалам исследования в Свердловской области) // Регионология. 2024. Т. 32, № 3. С. 584–601. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.584-601>

Levels of Social Participation among Silver-Age Citizens and Factors of its Activation in the Region of Russia (Case of the Sverdlovsk Region)

M. V. Pevnaya^a, E. A. Shuklina^a, T. S. Kienko^b ✉

^a Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)

^b Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

✉ tskienko@sfnedu.ru

Abstract

Introduction. The quality of life of silver-age people is associated not only with psychological, economic and physical well-being, but also with the peculiarities of interpersonal relations and the diversity of their social activity. The widespread ideology of active or “delayed aging” actualizes the study of the nature of inclusion of elderly citizens in various practices of social participation that fill their daily lives. The aim of the study is to reveal the level characteristics of social participation of citizens of silver age in the Sverdlovsk Oblast and the factors that determine them.

Materials and Methods. The article analyses the data from the survey of residents of the Sverdlovsk Region over the age of 60, the sample is structured by gender, age, and place of residence of the respondents (type of settlement). The authors’ survey method was used to determine the nature and frequency, level and type of social participation of the Urals elderly, to identify factors that contribute to or impede activity in old age.

Results. The study showed that socio-consumer participation characterized by activities “for oneself” and collective participation aimed at social integration “together with others” constitute the main content of social participation of the studied cohort. The participation of the elderly in the practices aimed at helping and caring (“for others”) is significantly lower, and a radical decrease in the activity of the elderly Urals residents is revealed when they switch to “civic participation”. It has been proved that the intensity of social participation of silver-age citizens living in cities is higher than in rural areas. The only exception is participation in civic activities. The same influence on the intensity of the different practices of social participation at all levels is exerted by the status of residence (independent or in a residential institution), the presence of close relatives and the frequency of Internet use.

Discussion and Conclusion. The identification of the levels and factors of social participation of older citizens creates an evidence base on the processes of active aging in a typical Russian region. The results of the study demonstrate the relevance of focusing regional social policy on aging and the non-profit sector on increasing the social participation of people and groups of the “silver” age. The article may be of interest to regional authorities, social protection and service institutions, the regional non-profit sector, offering tools for the development and implementation of effective social aging policies aimed at implementing resources and supporting the social participation of the older generation.

Keywords: social participation, levels of social participation, inclusive approach, social community, older (silver-age) citizens, Sverdlovsk Region

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 23-28-00134 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) at the Southern Federal University.

For citation: Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S. Levels of Social Participation among Silver-Age Citizens and Factors of its Activation in the Region of Russia (Case of the Sverdlovsk Region). *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):584–601. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.584-601>

Введение. Потенциал социального участия граждан «серебряного» возраста в настоящее время далеко не полностью изучен и раскрыт в имеющейся литературе и исследовательской практике. Соответственно, ресурсы активности старшего поколения не всегда находят применение в различных сферах жизни общества. Во многом это касается и социокультурного развития территорий российских регионов, городов. Далеко не всегда понятно, как включение данной возрастной когорты в процессы социальных изменений способствует региональному развитию или решению текущих проблем местных сообществ, с одной стороны, и повышению качества жизни самих пожилых людей и их окружения – с другой.

Качество жизни людей «серебряного» возраста обусловлено не только состоянием здоровья, экономического или эмоционального благополучия, но и качеством межличностных отношений, характером занятости, включенности в разные сферы жизнедеятельности. Ключевую роль играют социальные детерминанты – социальные связи, условия проживания, общения, занятости, социального взаимодействия через различные практики социального участия [1; 2]: от коммуникации с ближайшим окружением (семья, друзья, соседи) до включенности в общественно-политические процессы территориального развития.

Поддержание определенного статуса включенности граждан пожилого возраста в различные практики социального участия зависит от целого ряда факторов. В этом плане идеология активного или «отложенного старения» [3] как многоуровневого социетального, социального, индивидуального процесса зависит от государства, бизнеса, институтов гражданского общества, семьи и самого человека [4]. Понимание природы и динамики социальной активности пожилых россиян – важная научная и практико-ориентированная задача.

Цель исследования – раскрыть уровневые характеристики социального участия граждан «серебряного» возраста Свердловской области и факторы, их обуславливающие. На материалах опросов людей старшего возраста Свердловской области решаются две задачи: 1) выявление уровня сформированности и вариативности практик социального участия пожилых людей, их содержательного, смыслового наполнения; 2) поиск оснований для выработки управленческих решений, нацеленных на интеграцию разных форм самоорганизации людей пожилого возраста в социум и институциональные структуры с целью поддержки в социальной сфере и помощи в реализации потенциала старшего поколения.

Обзор литературы. Увеличение продолжительности жизни и высокие темпы роста возрастных групп старше 65 лет – общемировой тренд, который фиксируется в зарубежных¹ и российских статистических источниках². Эти процессы становятся значимым фактором социальных трансформаций XXI в., изменений институциональных структур обеспечения занятости, социальной поддержки и социальной активности этих возрастных групп. В ответ на складывающиеся демографические тенденции в последние десятилетия все больше проявляется гуманистический тренд, наметившийся в изучении проблем старения общества. При этом стереотипы социальной пассивности и депривации людей старшей возрастной группы как проявления геронтологического эйджизма³ [5; 6] мешают воспринимать их как активных субъектов социальных изменений в контексте политики активного старения [7; 8].

Либерализация старения предполагает переход от эксклюзии к инклюзии⁴, поиск новых социальных моделей старения при отказе от негативных стереотипов старости⁵, социальное конструирование новых смыслов старения на гуманистических основаниях⁶ [9], новых представлений о субъектности серебряной общности, ее социальной активности, социальном участии. При этом явно недостаточно исследований, которые дифференцировали бы эту общность по уровням и факторам социального участия с учетом специфики процессов старения.

Определение понятия социального участия в пожилом возрасте сочетает несколько идей: совместность использования ресурсов в значимой для людей деятельности [10; 11]; их взаимодействие на индивидуальном, групповом и коллективном уровнях [12–14]; многообразие сфер взаимодействия (социальная, хозяйственная, культурная, духовная, гражданская). Социальное участие людей старшего возраста интерпретируется нами как совместное использование ресурсов в различных видах деятельности, формах и уровнях в публичных и непубличных пространствах и отношениях [15, с. 231].

Вопросы типологизации социального участия людей третьего возраста эффективно решаются через анализ уровней вовлеченности [16; 17], инициативности и активности [18], сочетания целей и ресурсов участия [10]. Б. Пишкур и соавторы отделяют социально-потребительское участие от таких понятий, как расширение прав и возможностей, социальная инклюзия и участие [19]. На основе интеграции этих подходов в статье предлагается авторская концепция (Т. С. Киенко) типологизации социального участия «серебряной» общности

¹ Estimating Age-Specific Fertility Rate in the World Population Prospects: A Bayesian Modelling Approach. Technical Paper / F. Chao [et al.] ; United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division UN DESA/POP/2023/TP/No. 6. New York, 2023. 37 p.

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 05.02.2024)

³ Palmore E. B. Ageism: Negative and positive, 2nd ed. New York : Springer. 1999. 288 p.

⁴ From Exclusion to Inclusion in Old Age: A Global Challenge / eds. by N. Scharf, N. C. Keating. Bristol, UK : Polity Press, 2012. 192 p. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781847427731.001.0001>

⁵ Vincent J. A. Old Age. London ; New York : Routledge, 2003. 208 p. <https://doi.org/10.4324/9780203449929>

⁶ Handbook of Theories of Aging / eds. by V. L. Bengtson [et al.]. 2nd ed. New York : Springer, 2009. 516 p.

с выделением четырех типов: социально-потребительское участие «для себя» как приобретение ресурсов для достижения собственных лично значимых целей; коллективное участие направлено на социальную инклюзивность и самореализацию в процессе создания и использования ресурсов «вместе с другими»; продуктивное (помогающее) участие – на воспроизводство ресурсов, помощь и заботу «для других»; гражданское участие – на производство, передачу и перераспределение ресурсов «для социальных изменений».

Исследователи выделяют гендерные особенности реализации жизненных стратегий пожилых мужчин и женщин, отличия в их ролевом поведении, формировании новых идентичностей, восприятия жизненного пути [20]. Существенное влияние на жизнедеятельность и мироощущение пожилых людей оказывает цифровая трансформация, развитие цифровой грамотности [21], цифровизация волонтерской деятельности как способа преодоления социальной исключенности данной возрастной когорты [22]. Выделяют и влияние на пожилых граждан разного социального контекста жизнедеятельности в городе и сельской местности [23]. Ключевым фактором социальной активности пожилых граждан выступает трудовая активность и профессиональная занятость [23–25], в том числе для сохранения персонального благосостояния после достижения пенсионного возраста [26].

Еще один важный маркер жизнедеятельности пожилых граждан – семейный статус, наличие родных и близких людей, способных не только включать престарелых родственников в свой жизненный контекст взаимодействия, но и предоставлять уход, компенсируя пробелы и снимая нагрузку с системы социального обслуживания [27]. Культура заботы в этом смысле становится результатом и процессом формирования практик социального участия пожилых с вовлечением их родственников в деятельность некоммерческого сектора [28]. Некоммерческий сектор в российских регионах – реальная инфраструктура гражданского участия поколения «серебряного» возраста. Вовлеченность в волонтерство дает возможность пожилым одновременно решать свои экзистенциальные проблемы и быть сопричастными к проблемам общества, создавать новые сообщества и взаимодействовать с местными властями для продвижения своих идей, способствуя преодолению социальной исключенности [29]. При этом важно отметить, что значительное место в российской социальной практике занимают «невидимые», повседневные неформальные коммуникации и взаимодействия людей старшего возраста в семейном, дружеском, соседском («ближнем») кругу, где в числе прочего сами старшие оказывают помощь и проявляют заботу.

Материалы и методы. Проведение опроса осуществлялось с опорой на авторский инструментарий и методику. Анкета включала 38 преимущественно полуоткрытых вопросов, направленных на выявление видов, частоты, уровней, факторов активности в старшем возрасте в связке с ключевыми характеристиками статусов респондентов. Программа исследования и инструментарий прошли апробацию и экспертизу, с мая по сентябрь 2023 г. велся сбор эмпирических данных. Анкета распространялась по двум каналам: формальному (через специалистов региональных учреждений социального обслуживания, здравоохранения, сферы культуры) и неформальному (через сотрудников региональных и местных

некоммерческих организаций, специализирующихся на работе с гражданами «серебряного» возраста, студентов, инициативных и равнодушных граждан). В ходе исследования в Свердловской области был проведен опрос 690 жителей разных муниципальных образований региона от 60 до 98 лет по квотной выборке (доверительная вероятность 95 %, ошибка менее 5 %) в соответствии с квотами, отражающими ключевые параметры генеральной совокупности пожилых уральцев⁷. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству. Выборка структурирована по полу (36 % мужчин и 64 % женщин), возрасту (33 % респондентов в возрасте 60–64 лет, 34 % – 65–69 лет, 33 % – старше 70 лет) и месту проживания респондентов (85 % жителей городской и 15 % – сельской местности, согласно региональным распределениям).

В авторской методологии интегрированы подходы М. Левассер [11; 16], Э. Берри [18], А. Букова [10], Б. Пишкур [19]. Нами были выделены сферы, направленность деятельности, фиксировалась интенсивность (частота) социального участия. В методической базе исследования заложен инклюзивный подход к выделению уровней участия по типологии М. Левассер через выявление практик, характеризующих разную степень социальности пожилых людей. Уровни социального участия были дифференцированы от подготовки к взаимодействиям (1-й уровень) и формальной причастности (2-й уровень) к общению и взаимодействиям в повседневных практиках (3-й и 4-й уровни) и далее к помогающему поведению и гражданской активности (5-й и 6-й уровни). Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программного обеспечения IBM SPSS Statistics 26. Статистическая значимость определялась с помощью коэффициентов корреляции Спирмана, Н-теста Краскала – Уоллиса.

Результаты исследования. Рассмотрим уровневые характеристики социального участия людей старшего возраста. К *1-му уровню (подготовка к общению)* относится уход за собой перед встречей с другими, приготовление пищи для своей семьи или угощений в ожидании гостей как формы подготовки к общению, просмотр телевизора, чтение книг, досуг, интеллектуальное развитие самостоятельно в целях обмена этими знаниями с другими и причастности к социальной жизни. На вопрос «Как часто Вы принимаете участие в подготовке к взаимодействиям с другими людьми (приготовление к встречам, покупки в магазинах, уход за жильем и пр.)?» лишь 6 % ответили «никогда», 94 % опрошенных старше 60 лет хотя бы изредка реализуют практики участия 1-го уровня, причем 74 % делают это не реже 1 раза в месяц (табл. 1). Интенсивность участия, варьируясь от 0 (никогда) до 5 (постоянно) в среднем составляет 3,4 балла.

2-й уровень (формальное нахождение с другими) – самостоятельный поход в кино, церковь, магазин, на прогулку для собственных целей, коммуникации в рамках текущих дел и задач, формальное членство в сообществах; присутствие на мероприятиях, обсуждениях, наблюдение за выполнением другими текущих дел. Включенность в практики участия 2-го уровня замерена по трем

⁷ Статистический портрет пенсионера Свердловской области [Электронный ресурс] // Социальный фонд России : сайт. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/sverdlovsk/news/~2022/09/30/239639> (дата обращения: 05.02.2024).

переменным: самостоятельность посещения учреждений для решения текущих задач (социальные и бытовые сервисы, больницы, коммунальные службы); самостоятельные прогулки; посещение учреждений для отдыха, развития, досуга (парки, музеи, театры, выставки и другие образовательные, спортивно-оздоровительные, культурно-досуговые учреждения). Большинство опрошенных пожилых людей (94 %) включаются в формальное нахождение с другими, из них 64 % регулярно. Прогулки совершают 91 % информантов (76 % на регулярной основе), в культурно-досуговую деятельность включены 90 % (51 % постоянно). В среднем практиками участия второго уровня охвачены 92 % респондентов, а 64 % – на регулярной основе, средний показатель интенсивности участия – 2,84 балла.

Т а б л и ц а 1. Частота самостоятельного участия в подготовке к взаимодействиям (1-й уровень) и в практиках формального пересечения с другими людьми (2-й уровень), % от опрошенных⁸

Table 1. Frequency of participation in preparation for interactions (level 1) and in practices of formal intersection with other people (level 2), % of respondents

Частота участия / Frequency of participation	1-й уровень / Level 1	2-й уровень / Level 2		
	Подготовка к взаимодей- ствиям / Preparation for interaction	Решение текущих задач / Solving current problems	Посещение мест отдыха и развития / Visiting places of recreation	Прогулки / Walks
Никогда / Never	6	6	10	9
Раз в несколько лет / Once every few years	9	9	13	5
Несколько раз в год / Several times a year	11	21	26	10
Несколько раз в месяц / Several times a month	17	39	32	24
Несколько раз в неделю / Several times a week	29	18	14	26
Ежедневно / Daily	28	7	5	26
Всего / Total	100	100	100	100

3-й уровень (взаимодействия) – повседневные контакты с соседями, друзьями, членами семьи, сообществами, рассылка открыток в мессенджерах, телефонные и скайп-звонки, переписка по почте. Данный уровень участия замерялся через вопрос «Как часто Вы общаетесь лично или дистанционно (по телефону, почте, видеосвязи)?». При относительно высокой включенности в общение людей старшего возраста частота взаимодействия с разными субъектами различна (табл. 2). Закономерно, что чаще пожилые уральцы общаются с членами своей семьи и друзьями (около 90 %, причем почти 80 % регулярно), реже с соседями (71 %; 42 % регулярно), членами своих сообществ (59 %; 32 % регулярно), помогающими специалистами (социальными работниками) (50 %; 29 % регулярно).

⁸ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам исследования.

Т а б л и ц а 2. Частота взаимодействий (3-й уровень) и совместной деятельности (4-й уровень) с другими людьми, % от опрошенных

T a b l e 2. Frequency of interactions (level 3) and joint activities (level 4) with other people, % of respondents

Частота участия / Frequency of participation	Семья / Family	Друзья / Friends	Соседи / Neighbors	Сообщества / Community	Специалисты заботы / Caregivers
<i>Частота общения с другими людьми (3-й уровень) / Frequency of communication with other people (Level 3)</i>					
Никогда / Never	10	9	29	41	50
Раз в несколько лет / Once every few years	4	5	11	6	9
Несколько раз в год / Several times a year	6	9	18	11	12
Несколько раз в месяц / Several times a month	11	18	21	18	15
Несколько раз в неделю / Several times a week	24	26	11	15	10
Ежедневно / Daily	45	33	10	9	4
Всего / Total	100	100	100	100	100
<i>Совместное посещение публичных мест для решения текущих задач (4-й уровень) / Joint visits to public places to solve current problems (Level 4)</i>					
Никогда / Never	20	29	48	45	49
Раз в несколько лет / Once every few years	13	14	14	10	10
Несколько раз в год / Several times a year	27	23	19	15	16
Несколько раз в месяц / Several times a month	24	22	12	18	17
Несколько раз в неделю / Several times a week	10	9	4	9	6
Ежедневно / Daily	6	3	3	3	2
Всего / Total	100	100	100	100	100
<i>Совместное посещение публичных мест для отдыха и развития (4-й уровень) / Joint visits to public places for recreation and development (Level 4)</i>					
Никогда / Never	22	19	53	45	54
Раз в несколько лет / Once every few years	14	14	15	9	11
Несколько раз в год / Several times a year	30	28	18	17	14
Несколько раз в месяц / Several times a month	25	26	11	19	17
Несколько раз в неделю / Several times a week	8	11	3	9	3
Ежедневно / Daily	1	2	0	1	1
Всего / Total	100	100	100	100	100

В среднем практиками повседневного взаимодействия 3-го уровня охвачены 78 % опрошенных в Свердловской области лиц 60 лет и старше (60 % регулярно). Средний показатель интенсивности – 2,77 балла.

4-й уровень (совместная деятельность) – спортивные игры, праздники, совместные покупки, отдых, походы в магазин, театр, церковь, на прогулку, ярмарку, фестиваль; совместный досуг, образование и развитие в семье, дружеском, соседском кругу, участие в клубной и кружковой работе, проектах, в том числе на базе социальных учреждений, домов культуры, творческих, спортивных сообществ, общественных организаций. Замер включенности в практики участия четвертого уровня осуществлялся с помощью блока вопросов о совместном посещении различных мест и учреждений с членами своей семьи, друзьями, соседями, членами сообществ. Чаще всего пожилые уральцы организуют совместную деятельность с семьей и друзьями (около 80 %), причем до 40 % регулярно (с семьей – чаще для решения текущих задач, с друзьями – для отдыха и развития) (табл. 2). Реже распространена совместная деятельность с членами сообществ (55 %, около 30 % регулярно), помогающими специалистами (46 %, более 20 % регулярно) и соседями (52 %, чаще для решения текущих задач). В среднем 63 % людей старшего возраста включены в практики совместной деятельности с ближайшим окружением, а 31 % делают это не реже раза в месяц. Средний показатель интенсивности – 1,58 балла.

5-й уровень (помощь другим) – волонтерская работа, участие в качестве организатора, консультанта, выступающего, актера в выставках, форумах, акциях; опекунов, забота о близких (по видам помощи: материальная, физическая, бытовая, в том числе решение проблем, уход и забота, помощь в обучении, моральная поддержка).

Наиболее распространена моральная поддержка: в среднем ее оказывают кому-либо 73 % опрошенных. Помогаящие инициативы направлены в первую очередь на семью и друзей, реже на соседей и сообщества (табл. 3). В среднем 61 % лиц старшей возрастной группы вовлечены в различные практики помощи другим, 28 % делают это регулярно. Средний показатель интенсивности – 1,50 балла.

Таблица 3. Частота участия в помогающих практиках (5-й уровень), в % от опрошенных
Table 3. Frequency of helping practices (level 5), in % of respondents

Частота участия / Frequency of participation	Семья / Family	Друзья / Friends	Соседи / Neighbors	Сообщества / Community	Специалисты заботы / Caregivers
1	2	3	4	5	6
<i>Финансовая, материальная помощь / Financial and material support</i>					
Никогда / Never	14	22	39	53	41
Раз в несколько лет / Once every few years	8	18	20	12	17
Несколько раз в год / Several times a year	25	28	21	16	24
Несколько раз в месяц / Several times a month	25	21	14	13	14
Несколько раз в неделю / Several times a week	12	8	3	4	2
Ежедневно / Daily	16	3	3	2	2
Всего / Total	100	100	100	100	100

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
<i>Физическая, трудовая помощь / Physical, labor support</i>					
Никогда / Never	20	23	40	52	49
Раз в несколько лет / Once every few years	10	14	20	13	17
Несколько раз в год / Several times a year	20	30	21	18	19
Несколько раз в месяц / Several times a month	22	26	14	12	11
Несколько раз в неделю / Several times a week	12	5	3	3	2
Ежедневно / Daily	16	2	2	2	2
Всего / Total	100	100	100	100	100
<i>Моральная поддержка / Moral support</i>					
Никогда / Never	11	8	27	45	46
Раз в несколько лет / Once every few years	6	9	14	9	13
Несколько раз в год / Several times a year	10	16	22	15	18
Несколько раз в месяц / Several times a month	21	34	23	17	15
Несколько раз в неделю / Several times a week	21	17	9	9	4
Ежедневно / Daily	31	16	5	5	4
Всего / Total	100	100	100	100	100

6-й уровень социального участия (вклад в общество) включает политическое и гражданское участие; территориальное общественное самоуправление; координацию уличных комитетов, участие в организации субботников, акций, публичных мероприятий, обсуждений в целях решения текущих общественных вопросов и проблем, благоустройства территорий. Включенность в практики социального участия данного уровня замерялась по ответам респондентов на вопрос «Как часто Вы принимаете участие в работе комитетов, комиссий, публичных обсуждений, в общении с властью, партнерстве с социальными службами, НКО, иными организациями в целях решения текущих общественных вопросов и проблем людей и сообществ, города, страны (вне личных интересов и интересов близкого окружения)?». В целом хотя бы изредка принимали участие в названных практиках 59 % уральцев старше 60 лет, практически каждый четвертый (23 %) – несколько раз в год, а 19 % – регулярно (несколько раз в месяц, неделю и чаще). Средний показатель интенсивности вклада в общество составляет 1,24 балла.

В оценке включенности пожилых уральцев в практики участия можно заметить, что с каждым уровнем происходит снижение, особенно резкое при переходе к публичным, формальным практикам, когда участие требует выйти из зоны повседневной, замкнутой личной жизни. Лишь часть людей пожилого возраста находит смысл и возможность самореализации в публичных пространствах и отношениях. Большинство предпочитает включаться в неформальные практики

участия, причем для некоторых это становится мнимой «зоной комфорта», добровольной изоляции, которая негласно поддерживается институциональной и социальной средой.

Представляет интерес анализ факторов, определяющих интенсивность социального участия уральцев «серебряного» возраста (табл. 4). На практики всех уровней оказывает влияние место проживания. Так, у городских пожилых людей интенсивность социального участия всех уровней, кроме гражданской активности, выше, что подтверждают данные зарубежных исследований [30]. На интенсивность участия всех уровней без исключения оказывает статус проживания (самостоятельно или в стационарном учреждении), наличие семьи и частота использования интернета. Фактор пола значим для участия третьего уровня, где женщины проявляют больше активности.

Таблица 4. Факторы, связанные с интенсивностью участия на каждом уровне
Table 4. Factors related to intensity of participation at each level

Факторы / Factors	1-й уровень / Level 1	2-й уровень / Level 2	3-й уровень / Level 3	4-й уровень / Level 4	5-й уровень / Level 5	6-й уровень / Level 6
Пол* / Sex	+	+	+	+	+	–
	(0,084)	(0,119)	(0,250)	(0,133)	(0,171)	
Возраст* / Age	–	–	+	+	+	+
			(-0,083)	(-0,079)	(-0,187)	(-0,177)
Тип поселения* / Type of residence	+	+	+	+	+	–
	(-0,129)	(-0,139)	(-0,121)	(-0,087)	(-0,103)	
Образование* / Education	+	+	+	+	+	+
	(0,272)	(0,261)	(0,269)	(0,192)	(0,221)	(0,246)
Самооценка здоровья* / Self-rated health	+	+	+	+	+	+
	(0,268)	(0,261)	(0,209)	(0,250)	(0,311)	(0,196)
Отношение к помогающему поведению* / Attitude to assisting behavior	+	+	+	+	+	+
	(0,098)	(0,205)	(0,241)	(0,254)	(0,311)	(0,168)
Частота использования интернета* / Internet usage frequency	+	+	+	+	+	+
	(0,376)	(0,369)	(0,360)	(0,300)	(0,353)	(0,290)
Семейное положение и статус проживания** / Marital status and residence status	+	+	+	+	+	+

* Проверялись с помощью ранговой корреляции Спирмана, в скобках указан коэффициент корреляции, $p < 0,05$ / Validated using Spearman rank correlation, with correlation coefficient in parentheses, $p < 0,05$.

** Проверялись с помощью Н-теста Краскала – Уоллиса / Tested using the Kraskal-Wallis H-test.

Чем выше уровень образования, тем интенсивнее практики участия первого, второго, третьего и шестого уровней. Важен и фактор самооценки уровня здоровья. С увеличением возраста и ухудшением здоровья объективно снижается и активность участия почти во всех сферах жизнедеятельности, но это снижение не равномерно.

Обсуждение и заключение. Как показывает исследование, интеграция авторской методологии и подходов зарубежных ученых оказалась вполне корректной. Практики социального участия первого уровня реализуют ситуативно 94 % граждан старшего возраста Свердловской области, 74 % – регулярно. В формальные взаимодействия с другими (практики 2-го уровня) ситуативно включаются 94 % опрошенных, 64 % делают это на регулярной основе. Практиками социального участия 3-го уровня охвачены 78 % опрошенных, а регулярно поддерживают повседневные контакты с членами семьи, друзьями, соседями, сообществами в среднем 60 % респондентов. Практики социального участия 4-го уровня (совместной деятельности) присущи в среднем 63 % уральцев «серебряного» возраста, при этом треть опрошенных (31 %) делают что-либо совместно с другими не реже одного раза в месяц. Практики социального участия 5-го уровня характерны для 61 % респондентов, причем 28 % делают что-либо для других людей регулярно. В гражданское участие 6-го уровня ситуативно вовлекались 59 % пожилых уральцев, около четверти – регулярно.

Исследование показало, что социально-потребительское участие, характеризующееся деятельностью «для себя» (1-й уровень) и коллективное участие, направленное на социальную инклюзивность и самореализацию «вместе с другими» (2-й, 3-й и 4-й уровни) похоже и составляют основное содержание участвующей деятельности людей старшего возраста Свердловской области. Разрыв начинается при переходе к «помогающему» участию «для других», направленному на помощь и заботу (5-й уровень), где уровень включенности заметно ниже. Радикальный разрыв намечается при переходе к «гражданскому участию» (6-й уровень), где уровень низок.

Выявление факторов, влияющих на интенсивность практик разных уровней, показывает проблемные зоны, в которых востребованы меры активизации социального участия, профилактики и преодоления социального исключения пожилых граждан. Можно обозначить роль и возможности некоммерческого сектора. Региональная специфика Свердловской области обусловлена во многом структурой экономики и географическим положением. Регион расположен в рискогенной для сельского хозяйства климатической зоне, в нем небольшое число сельских населенных пунктов по сравнению с городами разных типов. С учетом малонаселенности этих поселений, территориальной отдаленности от регионального центра, а также выявленного в исследовании более низкого участия в практиках 1–5-го уровней важным видится проблематизация социальной исключенности пожилых, проживающих в сельской местности, и преодоления разрыва социальных связей. Еще одна проблемная зона – проживание пожилых в стационарных учреждениях, где явно снижается интенсивность социального участия всех уровней.

С учетом влияния на все уровни участия фактора использования интернета для региональных некоммерческих организаций открываются перспективы и возможности активизации участия пожилых граждан, проживающих за пределами крупных городов и в стационарных учреждениях. Наши результаты подтверждают социальную перспективность и ресурсность практик повышения цифровой грамотности старшего поколения [22] и выводы коллег о том, что

вовлечение пожилых в гражданскую активность способствует преодолению их социального исключения [31]. При этом практики помогающего поведения и гражданского участия должны формироваться в процессе научения и нарабатываться на основе продолжительного вовлечения с учетом трансгрессивности и кумулятивного накопления опыта участия. На наш взгляд, просоциально настроенные граждане «серебряного» возраста, имеющие высшее образование и опыт участия, выступают ресурсом развития некоммерческого сектора, формирования социального капитала в российских регионах [32], обогащения жизненного мира и повышения благополучия самой когорты пожилых уральцев. Ресурсом видится и потенциал самих старших и их вовлечение в неформальные семейные, соседские, дружеские практики, которые показали свою результативность в условиях пандемии [22; 23; 27; 31; 33].

В целом выявление уровней и факторов социального участия пожилых жителей Свердловской области формирует доказательную информационную базу о процессах активного старения в одном, хотя и достаточно типичном российском регионе, что безусловно является определенным ограничением реализованного исследования. Однако предложенная методология задает перспективы дальнейших исследований, в том числе сравнительных, когда с инклюзивным подходом, ориентированным на изучение социального капитала «серебряной» общности, могут быть интегрированы и остальные, имеющие в своем арсенале методологический потенциал изучения и иных ее ресурсов.

Углубление представлений об уровневых характеристиках социального участия граждан «серебряного» возраста является важным инструментом в разработке и реализации политики, направленной на преодоление геронтологического эйджизма, создание инклюзивного и поддерживающего общества для всех его членов, уважения прав и достоинства старшего поколения. Понимание факторов, активизирующих разные практики социального участия в старшем возрасте, создает почву для разработки эффективных управленческих решений на уровне региональной власти и поддержки неформальных инициатив старшего поколения. Результаты позволяют обозначить также перспективы для регионального некоммерческого сектора, его роль в разработке и реализации социальной политики, управлении публичными ресурсами как среды, формирующей доверие, «исправляющей» цифровое неравенство между пожилыми и молодыми гражданами, продвигающей различные практики гражданского участия и программы поддержки социальной активности пожилых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Relationship between Self-Rated Health and Objective Health Status: A Population-Based Study / S. Wu [et al.] // BMC Public Health. 2013. Vol. 13. Article no. 320. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-320>
2. Katagiri K., Kim J. H. Factors Determining the Social Participation of Older Adults: A Comparison between Japan and Korea Using EASS 2012 // PLoS One. 2018. Vol. 13, no 5. Article no. e0194703. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194703>
3. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 258–262. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>

4. Саралиева З. Х. Ресурсное обеспечение отложенного старения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2023. № 4 (72). С. 92–101. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=12202> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Palmore E. B. Research Note: Ageism in Canada and the United States // Journal of Cross-Cultural Gerontology. 2004. Vol. 19. Pp. 41–46. <https://doi.org/10.1023/B:JCCG.0000015098.62691.ab>
6. Palmore E. B. The Ageism Survey: First Findings // The Gerontologist. 2001. Vol. 41, issue 5. Pp. 572–575. <https://doi.org/10.1093/geront/41.5.572>
7. Григорьева И. А., Колосова Г. В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // Успехи геронтологии. 2021. Т. 34, № 6. С. 919–927. <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014>
8. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/19> (дата обращения: 01.02.2024).
9. The Increasing Use of Theory in Social Gerontology: 1990–2004 / D. E. Alley [et al.] // The Journals of Gerontology: Series B. 2010. Vol. 65B, issue 5. Pp. 583–590. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq053>
10. Bukov A., Maas I., Lampert T. Social Participation in Very Old Age: Cross-Sectional and Longitudinal Findings from BASE // The Journals of Gerontology: Series B. 2002. Vol. 57, issue 6. Pp. 510–517. <https://doi.org/10.1093/geronb/57.6.p510>
11. Scoping Study of Definitions of Social Participation: Update and Co-Construction of an Interdisciplinary Consensual Definition / M. Levasseur [et al.] // Age and Ageing. 2022. Vol. 51, issue 2. Article no. afab215. <https://doi.org/10.1093/ageing/afab215>
12. Types of Social Participation and Psychological Distress in Japanese Older Adults: A Five-Year Cohort Study / S. Amagasa [et al.] // PLoS ONE. 2017. Vol. 12, no 4. Article no. e0175392. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175392>
13. Dehi A. M., Mohammadi-Shahboulaghi F. Social Participation of Older Adults: A Concept Analysis // International Journal of Community Based Nursing and Midwifery. 2020. Vol. 8, issue 1. Pp. 55–72. <https://doi.org/10.30476/IJCBNM.2019.82222.1055>
14. Fifty-Five Years of Research into Older People's Civic Participation: Recent Trends, Future Directions / R. Serrat [et al.] // The Gerontologist. 2020. Vol. 60, issue 1. Pp. e38–e51. <https://doi.org/10.1093/geront/gnz021>
15. Киенко Т. С. Социальное участие людей старшего возраста: подходы к анализу и инструменты оценки // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 2. С. 225–260. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-225-260>
16. Inventory and Analysis of Definition of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities / M. Levasseur [et al.] // Social Science & Medicine. 2010. Vol. 71, issue 12. Pp. 2141–2149. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.09.041>
17. Social Participation of Older People in Urban and Rural Areas: Canadian Longitudinal Study on Aging / C. A. Jones [et al.] // BMC Geriatrics. 2023. Vol. 23. Article no. 439. <https://doi.org/10.1186/s12877-023-04127-2>
18. Berry H. L., Rodgers B., Dear K. B. G. Preliminary Development and Validation of an Australian Community Participation Questionnaire: Types of Participation and Associations with Distress in a Coastal Community // Social Science and Medicine. 2007. Vol. 64, issue 8. Pp. 1719–1737. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.12.009>
19. Participation and Social Participation: Are they Distinct Concepts? / B. Piškur [et al.] // Clinical Rehabilitation. 2014. Vol. 28, issue 3. Pp. 211–220. <https://doi.org/10.1177/0269215513499029>
20. Социальная активность пожилых людей в современной России: гендерный аспект / Е. Н. Васильева [и др.] // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 2. С. 44–47. URL: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1199> (дата обращения: 01.02.2024).
21. Птицына Н. А. Освоение пожилыми людьми компьютерной грамотности: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 81–89. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10610> (дата обращения: 01.02.2024).
22. Галкин К. А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 3. С. 377–392. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>

23. Парфенова О. А., Петухова И. С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // Социологические исследования. 2022. Т. 5, № 5. С. 71–80. <https://doi.org/10.31857/S013216250018704-7>
24. Кошарная Г. Б., Щанина Е. В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 481–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493>
25. Осьмук Л. А., Незамаева О. Б. Социальная активность пожилых людей, проживающих в крупном городе: возможности и проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 102–110. <https://doi.org/10.17223/1998863X/62/9>
26. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Петухова И. С. Занятость и социальное исключение пожилых граждан (обзор европейских конференций) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 157–159. <https://doi.org/10.7868/S013216251805015X>
27. Щанина Е. В. Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 138–161. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>
28. Гришина Е. Е., Цапура Е. А. Социальное обслуживание пожилых: что происходит и возможно ли развитие? // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 145–154. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6433>
29. Григорьева И. А., Парфенова О. А. Роль НКО в развитии community care (общественной заботы) в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 1. С. 79–104. URL: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/2321> (дата обращения: 01.02.2024).
30. Нгуен Х. Х. Социальная адаптация пожилых людей к цифровой трансформации общества: социологические исследования в Ханое и Хошимине (Вьетнам) // Регионология. 2023. Т. 31, № 2. С. 375–392. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392>
31. Парфенова О. А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 119–135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>
32. Панченко О. Л. Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора) // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 156–173. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173>
33. Caregiving of Older Persons during the COVID-19 Pandemic in the Russian Arctic Province: Challenges and Practice / E. Golubeva [et al.] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, issue 5. Article no. 2775. <https://doi.org/10.3390/ijerph19052775>

REFERENCES

1. Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J. The Relationship between Self-Rated Health and Objective Health Status: A Population-Based Study. *BMC Public Health*. 2013;13:320. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-320>
2. Katagiri K., Kim J.H. Factors Determining the Social Participation of Older Adults: A Comparison between Japan and Korea Using EASS 2012. *PLoS One*. 2018;13(5):e0194703. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194703>
3. Grigorieva I.A., Parfenova O.A., Galkin K.A. Conference “Extended adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-Covid and Uncertainty”. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(1):258–262. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>
4. Saraliyeva Z.H. Resource Support for Delayed Aging. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023;(4):92–101. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=12202> (accessed 01.02.2024).
5. Palmore E.B. Research Note: Ageism in Canada and the United States. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2004;19:41–46. <https://doi.org/10.1023/B:JCCG.0000015098.62691.ab>
6. Palmore E.B. The Ageism Survey: First Findings. *The Gerontologist*. 2001;41(5):572–575. <https://doi.org/10.1093/geront/41.5.572>

7. Grigorieva I.A., Kolosova G.V. Social Interactions in Long-Term Care. *Advances in Gerontology*. 2021;34(6):919–927. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014>
8. Rogozin D.M. Liberalization of ageing, or labor, knowledge and health in old age. *Sociological Journal*. 2012;(4):62–93. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/19> (accessed 01.02.2024).
9. Alley D.E., Putney N.M., Rice M., Bengtson V.L. The Increasing Use of Theory in Social Gerontology: 1990–2004. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2010;65B(5):583–590. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq053>
10. Bukov A., Maas I., Lampert T. Social Participation in Very Old Age: Cross-Sectional and Longitudinal Findings from BASE. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2002;57(6):510–517. <https://doi.org/10.1093/geronb/57.6.p510>
11. Levasseur M., Lussier-Therrien M., Biron M.L., Raymond É., Castonguay J., Naud D., et al. Scoping Study of Definitions of Social Participation: Update and Co-Construction of an Interdisciplinary Consensual Definition. *Age and Ageing*. 2022;51(2):afab215. <https://doi.org/10.1093/ageing/afab215>
12. Amagasa S., Fukushima N., Kikuchi H., Oka K., Takamiya T., Odagiri Y., Inoue S. Types of Social Participation and Psychological Distress in Japanese Older Adults: A Five-Year Cohort Study. *PLoS ONE*. 2017;12(4):e0175392. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175392>
13. Dehi A.M., Mohammadi-Shahboulaghi F. Social Participation of Older Adults: A Concept Analysis. *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*. 2020;8(1):55–72. <https://doi.org/10.30476/IJCBNM.2019.82222.1055>
14. Serrat R., Scharf T., Villar F., Gómez C. Fifty-Five Years of Research into Older People's Civic Participation: Recent Trends, Future Directions. *The Gerontologist*. 2020;60(1):e38–e51. <https://doi.org/10.1093/geront/gnz021>
15. Kienko T.S. Social Participation of the Elderly: Approaches to Analysis and Assessment Tools. *Russian Sociological Review*. 2023;22(2):225–260. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-225-260>
16. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and Analysis of Definition of Social Participation Found in the Aging Literature: Proposed Taxonomy of Social Activities. *Social Science & Medicine*. 2010;71(12):2141–2149. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.09.041>
17. Jones C.A., Jhangri G.S., Yamamoto S.S., Hogan D.B., Hanson H., Levasseur M., et al. Social Participation of Older People in Urban and Rural Areas: Canadian Longitudinal Study on Aging. *BMC Geriatrics*. 2023;23:439. <https://doi.org/10.1186/s12877-023-04127-2>
18. Berry H.L., Rodgers B., Dear K.B.G. Preliminary Development and Validation of an Australian Community Participation Questionnaire: Types of Participation and Associations with Distress in a Coastal Community. *Social Science and Medicine*. 2007;64(8):1719–1737. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.12.009>
19. Piškur B., Daniëls R., Jongmans M.J., Ketelaar M., Smeets R.J., Norton M., Beurskens A.J. Participation and Social Participation: Are They Distinct Concepts? *Clinical Rehabilitation*. 2014;28(3):211–220. <https://doi.org/10.1177/0269215513499029>
20. Vasilyeva E.N., Skobelina N.A., Nikolenko N.A., Dulina N.V. Social Activity of Elderly People in Modern Russia: Gender Aspect. *Logos et Praxis*. 2018;17(2):44–47. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1199> (accessed 01.02.2024).
21. Ptitsyna N.A. Computer Literacy Acquisition by the Elderly: Gender Perspective. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2018;(4):81–89. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10610> (accessed 01.02.2024).
22. Galkin K. Digitalization of Older People's Volunteering during the Pandemic: Opportunities and Barriers of the Artificial Intelligence. *The Journal of Social Policy Studies*. 2022;20(3):377–392. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392>
23. Parfenova O., Petukhova I. COVID-19 Pandemic Impact on Older People in Urban and Rural Contexts. *Sociological Studies*. 2022;(5):71–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250018704-7>
24. Kosharnaya G.B., Schanina E.V. Deprivation Factors for the Elderly in the Social-labor Sphere: A Regional Aspect. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(3):481–493. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493>

25. Osmuk L.A., Nezamaeva O.B. Social Activity of Elderly People Living in a Large City: Opportunities and Challenges. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021;(62):102–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/62/9>
26. Grigorieva I.A., Parfenova O.A., Petukhova I.S. Employment and Social Exclusion of Elderly Citizens (Review of the European Conferences). *Sociological Studies*. 2018;(5):157–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7868/S013216251805015X>
27. Shchanina E.V. Behavioral Practices of Senior Citizens Aimed at Improving Their Well-Being in Contemporary Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(2):138–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>
28. Grishina E.E., Tsatsura E.A. Social Service for the Elderly: What Is Happening and Is Development Possible? *The Authority*. 2019;27(3):145–154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6433>
29. Grigoryeva I., Parfenova O. The Role of NGOs in the Development of Community Care in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(1):79–104. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/2321> (accessed 01.02.2024).
30. Nguyen H.H. Social Adaptation of the Elderly to Digital Transformation of Society: The Sociological Research in Hanoi Capital and Ho Chi Minh City (Vietnam). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):375–392. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.375-392>
31. Parfenova O.A. Engaging Older People in Volunteering and Civic Activities As a Tool to Overcome Social Exclusion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(4):119–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>
32. Panchenko O.L. Quality of Social Capital of a Region as a Factor in the Development of Civil Society (the Case Study of the Non-Profit Sector). *Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(1):156–173. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173>
33. Golubeva E., Emelyanova A., Kharkova O., Rautio A., Soloviev A. Caregiving of Older Persons during the COVID-19 Pandemic in the Russian Arctic Province: Challenges and Practice. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022;19(5):2775. <https://doi.org/10.3390/ijerph19052775>

Об авторах:

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3591-1181>, Researcher ID: E-4080-2014, Scopus ID: 57200641582, m.v.pevnaya@urfu.ru

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6478-4332>, Researcher ID: E-6113-2014, Scopus ID: 6603641875, e.a.shuklina@urfu.ru

Киенко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-2322>, Researcher ID: A-3828-2017, Scopus ID: 57190946503, tskienko@sfned.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Певная – сбор, обработка, систематизация и интерпретация полученных результатов; изучение статистических материалов; структурирование и анализ результатов; подготовка текста статьи.

Е. А. Шуклина – проведение критического анализа материалов; интерпретация полученных результатов; подготовка текста статьи.

Т. С. Киенко – постановка научной проблемы; формулирование научной гипотезы исследования; определение методологии исследования; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

About the authors:

Maria V. Pevnaya, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (29 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3591-1181>, Researcher ID: E-4080-2014, Scopus ID: 57200641582, m.v.pevnaya@urfu.ru

Elena A. Shuklina, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (29 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6478-4332>, Researcher ID: E-6113-2014, Scopus ID: 6603641875, e.a.shuklina@urfu.ru

Tatiana S. Kienko, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Social Technologies Chair, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-2322>, Researcher ID: A-3828-2017, Scopus ID: 57190946503, tschienko@sfsu.ru

Contribution of the authors:

M. V. Pevnaya – collection, processing, systematization and interpretation of the obtained results; study of statistical material; structuring and analysis of the results; preparation of the text of the article.

E. A. Shuklina – conducting a critical analysis of materials; interpretation of the results obtained; preparation of the text of the article.

T. S. Kienko – staging a scientific problem; formulation of the scientific hypothesis of the study; definition of research methodology; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 04.04.2024; revised 13.05.2024; accepted 23.05.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и iThenticate

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*

таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 32-86-14.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *iThenticate* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.
2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Уважаемые авторы и читатели!

Журнал «Регионология» включен в Russian Science Citation Index (RSCI) – отечественный проект, реализованный на базе платформы РИНЦ и интегрированный в международную базу цитирования Web of Science.

В Russian Science Citation Index входят издания, прошедшие строгую количественную и качественную оценку. Отбор журналов производится в два этапа: первый – по наукометрическим показателям, второй – по результатам экспертного заключения. На данный момент RSCI насчитывает 985 журналов.

Коллектив редакции благодарит ученых и экспертов, высоко оценивших наш журнал. Мы не останавливаемся на достигнутом и продолжаем повышать качество публикуемых статей.

Впереди нас ждут новые достижения!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

eLIBRARY ID: 9032

Язык описания: русский, английский

РЕГИОНОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

- ? Тип серийного издания: периодическое издание
- ? Элементы серийного издания: выпуск журнала
- ? Назначение издания: научное
- ? Способ распространения: в печатном и электронном виде
- ? Доступ к полным текстам: все выпуски в открытом доступе
- ? Основной источник финансирования: учредитель
- ? Мультидисциплинарность: не является мультидисциплинарным
- ? Язык публикаций: русский, английский

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ:

? ISSN печатной версии: 2413-1407	? ISSN электронной версии: 2587-8549
? Число выпусков в год: 4	? Год основания: 1992
? Число статей в выпуске: 10	? Период выпуска: 1992-...
? Число страниц в выпуске: 254	? Архив на eLIBRARY.RU: 2003-2024
? Всего статей на eLIBRARY.RU: 2374	? Всего выпусков на eLIBRARY.RU: 117
? Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85159 от 27.04.2023	

ИНДЕКСАЦИЯ:

? eLIBRARY.RU: да (договор 340-06/2016)	? RSCI: да
? РИНЦ: да	? ESCI: да
? Ядро РИНЦ: да	? Web of Science: да
? Перечень ВАК РФ: да	? Scopus: нет
? CrossRef: да	? Префикс DOI: 10.15507/2413-1407
? DOAJ: да	
? Базы данных: Web of Science (ESCI), OASPA, CrossRef, DOAJ, Translator Code of Ethics, Association of Scientific Editors and Publishers, German National Library of Economics (ZBW); Lan electronic library system; UlrichsWeb Global Serials Directory international reference database of periodicals; IPR BOOKS electronic library system.	

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. А. Климкиной.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 13.09.2024. Дата выхода в свет 30.09.2024. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 17,55. Тираж 1 000 экз. I завод – 150 экз. Заказ № 517. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.

Desktop publishing by *E. A. Klimkina*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry: PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 13.09.2024. Date of publishing 30.09.2024. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 17.55. Number of copies: 1,000. Print run 1: 150 copies. Order No. 517. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

